

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ
СОЦИОЛОГИИ ИЛИ
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ
СОЦИОЛОГИИ 18+

«НАДО КАК-ТО ЖИТЬ»

Этнография российских регионов во время войны

На материалах осени 2023 года

**лаборатория
публичной
социологии**

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ:
8 ИЮЛЯ 2024

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Этнографическое исследование, проведенное осенью в трех регионах России: Бурятии, Краснодарском Крае и Свердловской области, — выявило следующие тенденции:

1. ***Российское общество остается политически демобилизованным и деидеологизированным.*** Вопреки распространенному мнению о его стремительной милитаризации, мы видим, что война становится привычной и поэтому незаметной частью реальности. Например, по сравнению с первым годом войны во всех трех регионах ***сокращается количество провоенной символики в публичных пространствах.*** Война не становится источником новых идей в культурной жизни городов и сел, встраиваясь в привычные и уже обкатанные культурные форматы. ***Войну не обсуждают в общественных местах*** и, за редкими исключениями, в местных интернет-сообществах.
2. Участие людей в различных видах военного волонтерства и коллективной помощи армии, которое обычно упоминается в качестве примера мобилизации и милитаризации российского общества, обычно связано с ***административным давлением, моральными нормами сообщества (касающимися взаимопомощи) или желанием помочь близким,*** а не со стремлением приблизить победу России.
3. ***Конфликтность в отношениях между противниками и не-противниками войны постепенно сокращается,*** а разрыв между теми, кто остался в России, и теми, кто уехал — увеличивается. Это происходит как потому, что совместный опыт проживания непростой ситуации внутри страны становится для многих россиян важнее различий во взглядах, так и потому, что люди меньше обсуждают войну.
4. При этом ***уменьшение конфликтности в отношениях между противниками и не-противниками войны далеко не всегда приводит к росту сплоченности общества.*** Поскольку люди стараются жить так, как будто войны нет, а государство не говорит о потерях и проблемах, связанных с войной, то все

негативные последствия войны или нормализуются, или вытесняются в область личных трудностей, которые не с кем обсудить и с которыми каждый вынужден справляться самостоятельно.

5. В то же время у многих усиливается национальная идентичность, а иногда появляется запрос на большую солидарность. Важно, что усиление национальной идентичности не приводит к усвоению россиянами официального имперского национализма. В отличие от Кремля простые *люди живут в мире национальных государств, а не в мире имперских фантазмов* (согласно которым Украина — ненастоящее государство, а украинцы — неполноценный народ).
6. *Аполитичные оправдывающие войну жители России становятся более критичными и все больше сомневаются в официальных объяснениях конфликта.* Их критика отличается от критики противников войны, но тоже имеет моральную природу. Для противников вторжения война является моральным преступлением против Украины, тогда как для аполитичных россиян война разрушает «моральные устои» российского общества — целостность семьи или ценность человеческой жизни. Последние, однако, не оспаривают необходимость и неизбежность войны и их недовольство войной не превращается в последовательную критику российской власти.
7. Вне зависимости от взглядов на войну многие *россияне все с большим недоверием относятся к политическим новостям* из самых разных источников. Вместо этого они доверяют местным СМИ: локальные проблемы и новости, освещаемые этими медиа, кажутся им более важными и актуальными. *Люди не верят в то, что они могут на что-то повлиять*, поэтому не хотят смотреть новости о войне и говорить о ней.
8. **Ощущение неопределенности — вот что по-настоящему объединяет россиян сегодня.** Несмотря на то, что люди вырабатывают разные стратегии для того, чтобы справиться с этим чувством, оно все равно значительно затрудняет возможность планирования своей жизни и ввергает россиян в пессимизм.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
МЕТОДОЛОГИЯ	16
Как мы собирали данные, живя в нашем «поле»	17
Необычная работа	17
Как мы начинали: вход в поле	19
Почему нам (обычно) доверяли	21
Когда говорить о войне «неудобно»: как мы преодолевали свой страх	22
Что у нас получилось? Описание данных	31
Что мы со всем этим делаем? Анализ данных	38
ЧАСТЬ 1: ВОЙНА В РЕГИОНАХ	40
1.1. Свердловская область: «Да хуй я тебя отправлю из-за денег воевать!»	41
1.1.1. Введение: Свердловская область и город Черемушкин	41
1.1.2. Война в публичном пространстве	43
Городской ландшафт на фоне войны	43
Общественные мероприятия и институциональная поддержка войны	45
1.1.3. Война в жизни горожан	52
Тоня и ее роль в исследовательской поездке	52
Смерть, семья, деньги и мораль в маленьком городе	54
Блогеры, мужики, калашаи и стихи	59
1.2. Республика Бурятия: «У меня из друзей — все воюют»	64
1.2.1. Введение: Республика Бурятия, Улан-Удэ и село Удург	64
Этническая, локальная и национальная идентичности	66
Война и экономическая ситуация	67
1.2.2. Война в публичном пространстве	69
Городской ландшафт на фоне войны	69
Общественные мероприятия и война	70
Военное волонтерство: «Пусть не моему сыну, но хоть кому-то»	75

1.2.3. Война в жизни горожан	81
Экономика войны и экономия чувств	82
Сила социальных связей	85
О государстве или хорошо, или никак	89
1.3. Краснодарский край: «Нас не бомбят, и “Вагнер” к нам не заходил»	92
1.3.1. Введение: Краснодарский край: Краснодар, Южный Сокол и Новонекрасовск	92
1.3.2. Война в публичном пространстве	94
Городской ландшафт на фоне войны	94
Война в культурном пространстве Краснодара: «Когда такая погода, какие могут быть переживания?»	97
День народного единства в Южном Соколе	101
«С праздником, товарищи!» в Новонекрасовске	103
Военное волонтерство: «Ты не можешь прекратить войну, но ты можешь отправить подгузники, пеленки, сгущенку»	105
1.3.3. Война в жизни горожан: «Ничего не изменилось»?	111
Бытовые и экономические эффекты войны	111
Никто из семьи не ушел — значит, все в порядке?	114
Нервное напряжение	115
Уверенность в безопасности	117
1.4. «У нас сейчас как будто нет войны»: сходства и различия военной повседневности в трех регионах	121
Часть 2. Как (не) говорят о войне в новой реальности	124
2.1. Восприятие войны	125
2.1.1. Не-противники	126
Не-противники — это кто? И как меняются их взгляды за два года войны?	126
Между критикой и оправданием	127
Критика войны: бытовая, экономическая, политическая	128
Оправдание войны: мы — не агрессоры, агрессоры — не мы	133
Патриотизм, но не империализм	138
Желание мира и мечты о демократии?	146
2.1.2. Противники	148
Противники — это кто? И как меняются их взгляды за два года войны?	148
Какими бывают противники? Сегментация	150
Чем недовольны противники? Критика войны	154

Противники и их окружение. Изоляция или стремление понять другого	157
Война как часть нового порядка	159
2.1.3. Не-противники и противники: сравнение	164
2.2. Кто решит наши проблемы? Отношение к государству в военное время	168
2.2.1. Не-противники	168
«Голосуй — не голосуй, все равно получишь...»: общий взгляд на государство и политику	168
Локальные проблемы, государство и война	176
2.2.2. Противники	182
Пропаганда, репрессии и авторитаризм: общий взгляд на государство и политику	182
Локальные проблемы, государство и война	185
2.2.3. Не-противники и противники: сравнение	188
2.3. «Травматичные новости»: медиапотребление в связи с войной	191
2.3.1. Не-противники	192
Источники информации и медиа-репертуары	192
О чем не скажут по телевизору: (не)доверие СМИ	193
Здесь — своя жизнь, а там — своя: стратегии потребления информации	197
2.3.2. Противники	204
Источники информации и медиа-репертуары	204
Верить можно, но осторожно: (не)доверие СМИ	205
«Мне этот формат нравится»: стратегии потребления информации	207
2.3.3. Не-противники и противники: сравнение	211
2.4. Неопределенность настоящего и представления о будущем	214
2.4.1. Не-противники	214
Планирование будущего за пределами «политики»	214
В ожидании «стабильной стабильности» для страны	218
Динамика представлений о будущем	220
2.4.2. Противники	222
Личное — это политическое	222
Окончание войны (и путинизма)	225
Динамика представлений о будущем	227
2.4.3. Не-противники и противники: сравнение	228

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	230
«У нас сейчас как будто нет войны»	232
«Я буду реветь на всю глотку»	237
Что все это значит?	239

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже больше двух лет Россия ведет войну в Украине. Шок первых дней и месяцев войны, интенсивное погружение миллионов далеких от политики россиян в новостную повестку, политические споры и конфликты с близкими, борьба антивоенной и провоенной символики на улицах российских городов — все это постепенно уходит в прошлое. Война становится частью нового порядка, частью неприятной, но привычной. Сегодня на войну многие россияне научились закрывать глаза (кто бы мог представить что-то подобное в конце февраля 2022 года!). Но даже перейдя в «фоновый режим» для части россиян, война неуклонно меняет Россию.

Чем больше времени проходит с начала войны, тем большее влияние она оказывает на российское общество. Одну часть общества — мобилизованных, убежденных сторонников российской победы, госслужащих, провоенную интеллигенцию — все больше, прямо или косвенно, захватывает фронт с его ужасом смертей, ранений, поломанной психики; с его надеждой на победу над Украиной. Другая часть общества, живущая в тылу, продолжает переживать социальную трансформацию, происходящую параллельно военным действиям. Новая экономическая политика, изоляция России от Запада и растущее отстранение от «уехавших» — все это составляет пласты новой российской реальности. Каким образом нормализация войны, попытки не замечать ее, не обращать на нее внимание, с одной стороны, и столкновение со все новыми смертями в ближайшем окружении, ударами по территории России, санкциями, с другой стороны, сосуществуют в современной России? Как россияне переживают смерти своих близких, компенсированные сотнями тысяч рублей? Как эти процессы меняют восприятие войны россиянами и отражаются на их повседневной жизни, особенно за пределами столиц, к которым обычно приковано внимание СМИ? Какова она, сегодняшняя российская повседневность военного времени? И какими средствами мы можем понять, «схватить» ее в условиях усиливающейся цензуры, недоверия к чужим (например, исследователям) и просто нежелания многих людей говорить о войне?

В начале войны самым главным вопросом, волнующим экспертов, политиков и самих россиян, был вопрос об особенностях поддержки войны: кто ее поддерживает, почему, и какой процент от общего населения составляют эти люди. Спустя два года, когда многие граждане России оказываются непосредственно вовлечены в военные действия, теряют близких или попадают под обстрелы, а общество и экономика адаптируются к

военной реальности, у экспертов, аналитиков и интересующейся публики появляется новый запрос. Это запрос на понимание того, *как россияне живут в новой реальности*, неустранимой частью которой является война. Ощущают ли они влияние войны на свою повседневную жизнь? Адаптируются ли они к происходящему и как? Чему они радуются, а чем недовольны? Опросы и даже формализованные интервью с незнакомцами сами по себе не способны дать ответы на новые вопросы. Для этого нужно особенное исследование — систематическое *включенное* наблюдение за происходящим, *неформальные* разговоры с людьми о войне — ведь, как мы знаем, друг с другом люди могут обсуждать острые темы совсем не так, как они рассказывают об этом социологам-незнакомцам. Несмотря на множество рисков, с которыми сопряжено подобное исследование в современной России, прежде всего для самих исследователей, нам удалось его провести. Осенью 2023 года члены нашей команды отправились в этнографические поездки в три российских региона — Свердловскую область, Республику Бурятия, Краснодарский край — и провели там по месяцу. Исследовательницам удалось собрать ***по-настоящему уникальные данные***, на которых и основан этот отчет.

Текст, который вы сейчас читаете, — это *третий* аналитический отчет, посвященный восприятию войны россиянами. Первый отчет [«Далекая близкая война»](#) был написан по результатам социологических интервью с россиянами с разным отношением к войне, взятых сразу после начала вторжения, весной 2022 года. В нем мы сравнивали, как противники войны, ее сторонники и неопределившиеся в своем отношении к ней переживают войну, оправдывают или критикуют ее, общаются с близкими, потребляют информацию, представляют себе будущее и так далее. Во втором отчете, [«Смириться с неизбежностью»](#), написанном по интервью, собранным осенью 2022 года, мы рассказали, как воспринимают войну те, кого мы назвали ее не-противниками. Мы проанализировали аполитичную поддержку войны россиянами, которые критиковали новую военную реальность, но все же оправдывали войну. Мы предположили, что таких россиян — большинство, а подобная аполитичная поддержка — один из главных элементов нового социального порядка. В этом, третьем аналитическом отчете, мы снова обращаемся к восприятию войны жителями России с самым разным отношением к происходящему. Тем не менее этот отчет уникален и по сравнению с первыми двумя, и по сравнению с тем, как изучают восприятие войны россиянами другие команды: он основан на *этнографическом* исследовании, то есть на систематическом погружении исследователей в повседневную жизнь людей в разных городах России во время войны, на включенном наблюдении за этой жизнью. Таким образом, вместо того, чтобы выдергивать информантов из их жизненной

рутины и помещать в искусственную ситуацию социологического интервью или опроса, мы наблюдали за разговорами о войне в «естественной среде» и за тем, как война отражается на их повседневной жизни.

Мы выбрали три региона для этого исследования: географически близкий к фронту Краснодарский край, «среднюю» по многим показателям (например, количеству мобилизованных или доходам населения) Свердловскую область и Республику Бурятию — одного из лидеров по количеству мобилизованных и контрактников. Все эти регионы казались нам по-своему интересными для изучения влияния войны на повседневную жизнь россиян. Нам казалось, что близость к фронту может делать войну особенно заметной и страшной для жителей Краснодарского края, а массовый призыв на войну «за Россию» этнического меньшинства может вызывать недовольство у жителей Бурятии. Реальность, конечно, оказалась гораздо сложнее и интереснее наших ожиданий — но об этом мы расскажем вам в основной части этого отчета.

В три региона отправились три наших исследовательницы, и каждая провела в «своем» регионе около месяца, пожив в одном, двух или трех населенных пунктах. Все три поездки состоялись в период с конца августа по середину ноября 2023 года. У некоторых исследовательниц уже были знакомые и контакты в регионах, а у некоторых — не было, поэтому работа в каждом «поле» (так исследователи называют ситуации, в которых они собирают данные) отличалась друг от друга. Специфику сбора данных в каждом регионе мы описываем в следующей части отчета, посвященной нашей методологии. Так или иначе, все три исследовательницы собирали интервью и вели полевые этнографические дневники.

Интервью, проведенные исследовательницами во время этнографической работы, отличаются от тех интервью, на основе которых написаны наши предыдущие два отчета. Во-первых, информанты во многих таких интервью — это не случайные люди, а те, с кем исследовательницы уже установили предварительный контакт. Во-вторых, для полевой работы в условиях военной цензуры мы сформулировали тему нашего проекта как «изменение жизни в российских регионах в последние несколько лет». В интервью мы много говорили о городских проблемах, об изменениях в жизни информантов в связи с пандемией, и только потом — в связи с войной. Таким образом, нам удалось сместить акцент с политически острой темы и поговорить, в том числе, с теми людьми, которые отказались бы обсуждать войну непосредственно. В-третьих, во время интервью мы избегали прямых вопросов об отношении наших собеседников к войне —

тем не менее, после обсуждения влияние войны на их жизни это отношение, так или иначе, становилось понятно. Всего мы собрали 75 интервью с жителями 6 населенных пунктов из трех исследуемых нами регионов.

Помимо сбора интервью наши исследовательницы наблюдали за социальной жизнью и городским пространством, фиксируя в дневниках следы войны. Они посещали публичные мероприятия на патриотическую и военную тематику. Они вступали в разговоры с водителями, продавцами, барменами и мастерицами маникюра, ненароком спрашивая их, как на городской жизни отражается так называемая «специальная военная операция». Они обзаводились новыми знакомыми, ходили с ними на прогулки, в кафе, приглашали их в гости — и общались, наблюдая за тем, как последние говорят (или не говорят) о войне. Сразу после разговоров исследовательницы фиксировали их содержание и свои наблюдения в этнографические дневники — разумеется, в анонимной форме. Таким образом, нам удалось собрать уникальные данные: 698 страниц (330 000 слов) наблюдений за повседневностью во время войны и разговорами о войне в естественной обстановке.

При выборе собеседников мы больше не ориентировались на их отношение к войне, о котором наши исследовательницы часто и не знали заранее, — мы говорили с теми, с кем смогли установить доверительные отношения (напрямую или через знакомых) или с теми, с кем часто заговаривают незнакомцы, не вызывая подозрений (например, водителями такси). Соответственно, в нашей выборке оказались люди с самым разным опытом и взглядом на происходящее. В аналитических целях мы разделили всех наших собеседников на противников войны и ее не-противников. Противники — это те, кто последовательно критикуют войну, никогда не переключаясь на ее оправдание. Соответственно, всех остальных мы условно называем не-противниками. Среди них есть как убежденные сторонники войны, так и те, кто оправдывают войну как меньшее из зол или вообще стараются отстраниться от ее оценки.

Кроме того, в ноябре 2023 совместно с проектом Хроники и ExtremeScan мы провели восемь фокус-групп в четырех городах России (Самара, Ростов, Иркутск и Ижевск), посвященных восприятию войны россиянами и тому, как россияне видят последствия войны для российского общества. Мы обращаемся к этим фокус-группам как к дополнительному материалу в некоторых главах отчета.

Помимо этого небольшого введения, наш аналитический отчет состоит из методологической главы и двух содержательных частей. Несмотря на скучное слово «методология», наша методологическая глава очень увле-

кательная и мы всячески рекомендуем ее не пропускать. Оттуда вы узнаете не только о том, где и какие данные мы собрали, но и о том, как наши исследовательницы умудрялись в течение месяца говорить с россиянами о войне, несмотря на риски и военную цензуру.

Первая содержательная часть отчета посвящена влиянию войны на повседневность жителей каждого из трех регионов. Если вам хочется испытать максимальное погружение в российскую военную повседневность — вам сюда. Для каждого из наших полей мы описываем: специфику региона и населенных пунктов, в которых проводилось исследование; отражение войны в публичном пространстве этих городов; влияние войны на жизни обычных горожан и сельчан и их (не)привыкание к происходящему; и в некоторых случаях — наблюдаемые нами объединения людей для помощи фронту. Во второй части отчета мы фокусируемся на восприятии войны россиянами в целом, описывая общие тенденции, наблюдаемые нами в разных населенных пунктах и регионах. Мы рассказываем про отношение россиян к войне и его изменения (глава 1), про то, как оно связано с их отношением к государству и власти (глава 2), про потребление информации о войне и пропаганду (глава 3) и про представления жителей России о будущем — окончании войны, развитии страны и об их собственных планах (глава 4). В каждой главе мы отдельно описываем представления противников и не-противников войны, а потом сравниваем их между собой.

Это исследование организовано и проведено Лабораторией публичной социологии (PS Lab). Лаборатория публичной социологии — неформальный исследовательский коллектив, изучающий политику и общество в России и на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе. Лаборатория исследовала «Движение за честные выборы» 2011-2013 годов, а потом — пост-протестный локальный активизм в России, движения «Евромайдан» и «Антимайдан» в Украине и войну 2014 года на Донбассе. Теперь большинство исследований PS Lab посвящено российскому обществу во время войны. Помимо систематического мониторинга восприятия войны россиянами с помощью качественных методов, частью которого является и этот отчет, участники PS Lab изучали или изучают экономическую политику в России военного времени, отношение потенциальных российских призывников к военной службе, сопротивление призыву со стороны родственников мобилизованных и даже эмиграцию обеспеченных россиян (в Дубай). Подробнее с деятельностью Лаборатории публичной социологии можно познакомиться [на этом сайте](#).

При этом команда, вовлеченная в это исследование, как всегда, шире, чем PS Lab. Например, одна из исследовательниц, собиравших данные, не является участницей Лаборатории, однако работает над этим проектом с самых его первых дней, с февраля 2022 года. В марте 2024 года Лаборатория публичной социологии получила от российского Минюста иноагентский статус — мы, конечно, польщены признанием наших заслуг, однако этот статус создает дополнительные риски для исследователей из Лаборатории. Именно поэтому мы приняли решение не раскрывать имена всех тех, кто собирал данные, писал текст этого отчета и участвовал в его редактировании.

У этого исследовательского проекта нет заказчиков: его идея и ее реализация — это исключительно наша заслуга. Но для того, чтобы воплотить в жизнь сложный замысел, мы получили небольшой грант от одного из университетов. Этот грант позволил нам оплатить билеты, проживание и гонорары исследовательницам, собиравшим данные, заплатить за расшифровку интервью и предложить символическое вознаграждение авторам отчета — которое, впрочем, не компенсирует месяцев труда, потраченного на анализ данных. Мы все еще продолжаем работать в разных местах, зарабатывая себе на жизнь, и занимаемся этим проектом параллельно с выполнением других рабочих обязанностей. А движет нами желание понимать — и распространять это понимание как можно шире, — что происходит с российским обществом во время войны. Мы все являемся гражданами России с разными политическими взглядами, но занимающими антивоенную позицию. Мы отдаем себе отчет в том, что наш взгляд на происходящее не совпадает со взглядом многих наших информантов. Мы с уважением относимся ко взглядам наших информантов, не оцениваем их, а описываем и анализируем их с исследовательской точки зрения.

Мы благодарим Михаила Олейникова за оформление отчета. Мы благодарим Кирилла Медведева за помощь в технической работе над текстом. Мы благодарим наших друзей и коллег, которые помогали нам в этой сложной полевой работе. Мы благодарим всех наших информантов, которые согласились поговорить с нами, несмотря на сложность темы и цензуру в стране.

МЕТОДОЛОГИЯ

Как мы собирали данные, живя в нашем «поле»

Необычная работа

Э то исследование может показаться необычным для тех, кто только понаслышке знаком с работой социологов и антропологов. Почему-то в общественном сознании «социология» ассоциируется с опросами общественного мнения и цифрами — социологи, мол, должны сообщать, какой процент населения думает определенным образом. То, что сами социальные ученые называют «качественными» методами и данными, меньше знакомо широкой публике. Между тем социологи и антропологи регулярно используют такие методы для того, чтобы изучать закономерности и логику, стоящие за тем или иным явлением. И если глубинные интервью как метод работы социологов становятся все более известны за пределами академии (в конце концов, журналисты тоже берут интервью, пусть и не «глубинные»), то этнографическая работа или включенное наблюдение остаются менее понятным методом. Как это: ученые просто живут с теми, кого они изучают, общаются с людьми, смотрят по сторонам, ведут дневники — и это называется «научное исследование»? «Кхм-кхм, вы вообще уверены, что вы занимаетесь наукой?» — уже слышим мы скептические комментарии некоторых наших читателей.

Социологи и антропологи всегда использовали включенное наблюдение (или, по-другому, этнографию) в качестве метода исследования. Конечно, в этнографической работе все не так «просто»: ученые не «просто» живут и не «просто» общаются — у них есть свои способы делать это. Этнографическая работа обладает большим преимуществом перед другими исследовательскими методами. В большинстве случаев социальные ученые помещают людей в искусственную ситуацию опроса или интервью и предполагают, что в естественной ситуации эти люди повели бы себя похожим образом. Этнография же позволяет наблюдать за действиями и мышлением людей «в реальной жизни», за тем, как все происходит «на самом деле». Но для этого, конечно, нужно много тренироваться, потому что у этнографического исследования, как и любого другого исследования, есть свои строгие методы и правила. Для успешной этнографической работы, например, нужно суметь правильно «войти в поле», сделать так, чтобы изучаемое сообщество не считало исследователя опасным — в этом часто помогают так называемые «гейткиперы» (от английского gate keeper, дословно — держатель ворот в «поле»), то есть люди, хорошо знакомые и с исследователем, и с сообществом. Этнографам также необ-

ходима «легенда» — история о том, зачем они приехали и что изучают. Легенда должна вызывать доверие членов сообщества к исследователю, располагать их к сотрудничеству, не привлекать их внимание к острым, неприятным аспектам исследовательской темы, и одновременно не быть ложью, поскольку последнее нарушало бы базовые принципы этики социальных наук. Необходимы этнографам и заранее сформулированные исследовательские вопросы, принципы и фокус наблюдения, потому что невозможно наблюдать за всем вокруг. Иными словами, у этнографа, как и у интервьюера, есть свой «гайд». А еще опытный этнограф должен уметь реагировать на неожиданные обстоятельства, творчески мыслить и изменять стратегию поведения, быстро принимать решения и всегда быть готовым пойти на риск — особенно когда этнограф изучает что-то подобное восприятию войны россиянами в военное время. В настоящей главе мы расскажем, как мы решали все эти задачи.

Для того, чтобы исследовать, как люди живут во время войны и как война влияет на повседневность россиян (а не просто что люди думают о войне), осенью 2023 года мы отправились в три российских региона: Свердловскую область, Республику Бурятия и Краснодарский край. Краснодарский край интриговал нас своей близостью к фронту: делает ли эта близость войну особенно заметной, а ее восприятие — каким-то необычным, специфическим? Республика Бурятия знаменита своим «лидерством» по количеству мобилизованных и контрактников, одним из самых низких в России уровнем средних доходов населения и, наконец, проживающим в регионе этническим меньшинством, [ставшим известным во время войны](#). Может ли массовый призыв на войну «за Россию» этнического меньшинства вызывать недовольство у живущих в этнической республике людей и делать их антивоенно настроенными? Свердловская область казалась почти идеальным «обыкновенным» регионом — не слишком далеко и не слишком близко от Москвы, со средними по стране показателями доходов населения (за исключением Екатеринбурга, который мы *не* включили в исследование), средним количеством мобилизованных и так далее. Нам хотелось увидеть, как условный «обыкновенный» россиянин, не попадающий в заголовки СМИ, испытывает на себе влияние войны.

Поскольку во время первых двух волн этого исследования наши собеседники были в основном жителями крупных городов, на этот раз нам хотелось поговорить в том числе с жителями небольших населенных пунктов. В Свердловской области наша исследовательница провела чуть больше трех недель в августе и сентябре 2023 года. Она собирала данные только в одном небольшом городе, расположенном в шести часах езды от Екатеринбурга, но зато за счет особого контакта с важной участницей сообщества за это время она смогла стать в городе практически своей. Другая

наша исследовательница поехала в Республику Бурятия и жила там около пяти недель, в октябре и начале ноября 2023 года. Около трех недель она провела в столице региона, Улан-Удэ, и около двух — в небольшом селе, тоже в нескольких часах езды от столицы. Наконец, третья исследовательница отправилась в Краснодарский край и снова потратила на сбор данных пять недель, с середины октября по конец ноября 2023 года. Три недели она жила в Краснодаре, еще пять дней — в небольшом курортном городе региона, а оставшиеся девять — в небольшом индустриальном городе. Оба находились примерно в 70 километрах от столицы (но в разных направлениях).

У всех трех исследовательниц была подготовлена общая легенда: они приехали изучать повседневную жизнь в регионах и изменения в ней за последние несколько лет. Такая легенда позволяла нам не произносить слово «война» (или «специоперация») при первом знакомстве с информантами, но одновременно не скрывать подлинные цели нашего исследования — ведь война является важным событием, которое не может не влиять на жизнь людей «в последние несколько лет». Все три исследовательницы вооружились общим гайдом для наблюдения (об этом — ниже) и вели этнографические дневники. Тем не менее в каждом регионе работа складывалась по-разному — и эти различия начинались уже с того, как исследовательницы обеспечили себе «вход в поле».

Как мы начинали: вход в поле

Исследовательница, отправившаяся в небольшой город в Свердловской области, уже посещала это место с исследовательскими целями за год до нынешней поездки, собирая данные для другого проекта, никак не связанного с войной. Соответственно, она уже была знакома с некоторыми жителями города и с реалиями местной жизни. Но самое главное — во время той, прошлой, поездки она познакомилась и подружилась с Тоней, молодой предпринимательницей, ставшей ключевой собеседницей и гейткипером исследовательницы в этом, новом, проекте. Тоня была посвящена в детали нашего проекта на стадии его планирования, и сама предложила помощь в организации работы в своем родном городе. Исследовательница говорила своим собеседникам, что приехала изучать изменения жизни в регионе, а заодно — повидаться со своей подругой Тоней. Поскольку Тоня пользовалась уважением у самых разных жителей города, дружба с Тоней обеспечила исследовательнице доверие внутри сообщества. Эта же дружба открыла ей двери в обычно закрытые для исследователей пространства неформального, приятельского общения: вместе с Тоней исследовательница участвовала в неформальных поси-

делках с ее знакомыми и друзьями. Подробнее роль Тони в организации этнографической работы описана в разделе 1.1.3 главы, посвященной Свердловской области.

Исследовательница, посетившая Краснодарский край, тоже оказалась там далеко не впервые. Как и у ее коллеги, у нее уже был опыт «полевой» работы в этом регионе в рамках исследования на другую тему весной 2022 года. Поэтому в столице у исследовательницы было несколько знакомых, которые помогали ей с поиском контактов. Однако, во-первых, ни с кем из знакомых по предыдущему проекту у нее не завязалась близкая дружба, а, во-вторых, даже дружеские отношения с кем-то из жителей Краснодара вряд ли помогли бы ей стать «своей» в этом многомиллионном городе. Тем не менее она связывалась со своими знакомыми для того, чтобы договориться об исследовательском интервью или просто о прогулке по городу, во время которой они могли бы поболтать в неформальной обстановке. Рано или поздно ее контакты завели ее в два других города: краснодарцы порекомендовали исследовательнице местных жителей оттуда, которые могли бы помочь ей сориентироваться на месте. Была у исследовательницы и своя оригинальная стратегия, которую не использовала ее коллеги, собирающие данные в других регионах — она подходила к одиноко сидящим на лавочках горожанам, представлялась, рассказывала свою легенду и просила об исследовательском интервью. К нашему удивлению, большинство из «пойманных» таким образом незнакомцев согласились с ней поговорить.

Наконец, исследовательница, собиравшая данные в Республике Бурятия, никогда в ней раньше не бывала. Однако она, как и другие члены нашей команды, использовали свои многочисленные социальные связи для того, чтобы найти знакомых в регионе и обеспечить исследовательнице первые встречи. Некоторые из этих новых знакомых потом помогали исследовательнице в поиске других контактов, делились с ней информацией про регион и всячески способствовали ее работе. У исследовательницы тоже сформировалась своя особая стратегия сбора данных: она регулярно приходила в более или менее открытые для новичков сообщества и проводила в них много времени, становясь, насколько это возможно, их частью — и, конечно, ведя наблюдение. Таким образом, например, она стала посещать волонтерский центр помощи армии, где вместе со всеми участвовала в плетении маскировочных сетей, изготовлении окопных свечей, армейских сумок и носилок; или познакомилась с группой молодых бурятских музыкантов, с которыми проводила время в студии и на уличных концертах. В небольшом селе, куда исследовательница отправилась после пребывания в Улан-Удэ, у нее появилась ключевая собеседница и гейткипер — работница местного центра дополнительного образования

Мэгрэн. С Мэгрэн исследовательницу познакомил ее собеседник из столицы, и та в результате сыграла важную роль в полевой работе в селе. У Мэгрэн, как и у самой исследовательницы, оказались антивоенные взгляды, на почве которых девушки быстро подружились, и исследовательница посвятила Мэгрэн в детали проекта. На протяжении всего пребывания исследовательницы в селе Мэгрэн знакомила ее с местными жителями и сама рассказывала про особенности совершенно новой для нее повседневности.

Почему нам (обычно) доверяли

Социальные ученые, которые собирают данные на острые, политически чувствительные темы, постоянно сталкиваются с проблемой доверия. Особенно ярко эта проблема проявляется во время этнографической работы — никто не стал бы даже говорить с нашими исследовательницами (не то что дружить с ними), если бы им не доверял. Как наши исследовательницы добивались этого доверия, задавая людям вопросы, за «неправильные» (для государства) ответы на которые можно сесть в тюрьму?

Как и во время первых двух волн этого исследования, проще всего (хотя и не без некоторых исключений) нам было добиться доверия людей с антивоенными взглядами. Во-первых, в ряде случаев исследовательницы и их собеседники или собеседницы заранее знали об антивоенных взглядах друг друга — например, если они были знакомы до полевой работы или если их познакомили общие антивоенные знакомые, представив друг друга как людей, которым можно доверять. Во-вторых, даже если антивоенные взгляды друг друга не были заранее известны исследовательницам и их собеседникам, они часто угадывали их во время встречи — антивоенно настроенные россияне как будто бы научились узнавать друг друга, даже не говоря напрямую о своем отношении к войне. В-третьих, в некоторых случаях, когда исследовательницы знали об антивоенных взглядах потенциальных информантов, а последние не знали об антивоенных взглядах исследовательниц, исследовательницы намеренно «проговаривались» о своем отношении к войне, сигнализируя собеседникам, что им можно доверять. «Поскольку информант рассказал мне про себя много того, за что можно привлечь к ответственности, я рассказывала, как я ходила на митинги, чтобы было понятно, что я из той же среды и мне все это знакомо», — пишет в дневнике одна из исследовательниц (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023). Таким образом, антивоенная позиция сама по себе часто становится основанием для доверия и формирования солидарности между людьми.

Убежденные сторонники войны, которых, впрочем, мы встречали совсем редко, тоже готовы были откровенно говорить с нами. Вряд ли эта тенденция каким-то образом связана с поведением исследовательниц — мы наблюдали нечто похожее и во время предыдущих этапов этого проекта, основанных на глубинных интервью. Дело, скорее, в том, что люди, обладающие четкой политической позицией, совпадающей при этом с позицией государства, охотно готовы делиться ей, и вообще говорить «о политике».

Как и всегда, сложнее всего нам было добиться доверия наших аполитичных собеседников — тех, про кого нельзя сказать, что они однозначно «за» или «против» войны, тех, кто не хочет размышлять на далекие от них политические темы и предпочитают не участвовать в острых дискуссиях, просто на всякий случай, чтобы избежать непредвиденных последствий. Даже когда люди полностью доверяли нашей исследовательнице (например, когда они знали ее как подругу своей подруги, Тони), они часто просто не хотели спорить на политически острые темы. Они активно предлагали «закрыть тему насчет этой политики, ее хватает в телевизоре» и поговорить «про что-нибудь другое», «только не о войне» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023). Некоторые из старых и новых знакомых нашей исследовательницы в Краснодарском крае предварительно соглашались встретиться с ней для того, чтобы поговорить «об изменениях в регионе за последние несколько лет», но потом просто не приходили на встречи. Некоторые жители Краснодарского края и многие жители Бурятии были готовы поговорить с исследовательницами, но категорически отказывались говорить под запись, несмотря на наши заверения в анонимности.

Когда говорить о войне «неудобно»: как мы преодолевали свой страх

Исследовательницы сталкивались с разными сложностями в этнографической работе в зависимости от своей стратегии поведения в поле. Все они в той или иной степени испытывали неудобство, стеснение и даже страх, когда пытались поднимать тему войны, — что само по себе иллюстрирует табуированность этой темы в современном российском обществе. Им всем тем не менее приходилось преодолевать эти чувства и говорить о войне. Делали они это, однако, по-разному.

Исследовательница, отправившаяся в *Свердловскую область*, в первое время предпочитала общаться только с Тоней и ее близкими знакомыми, причем в неформальной обстановке — она просто не могла себе предста-

вить, как будет задавать вопросы про войну во время более формализованной ситуации интервью, с лежащим на виду диктофоном. На третий день пребывания в гостях у Тони она встретила Алевтину Никифоровну, пожилую женщину, занимающуюся уборкой Тониной квартиры. Поболтав с Алевтиной Никифоровной, исследовательница записала свои впечатления от разговора:

«Меня взволновали слова АН о том, что люди уже не обсуждают войну и вообще боятся высказываться на этот счет. Я не понимаю, где мне подлавливать разговоры о войне в естественной обстановке, учитывая, что в городе почти нет общественных пространств, где их можно было бы случайно услышать. А еще мне начинает казаться сомнительной сама идея пытаться спрашивать у людей что-то про войну в формате интервью на диктофон. Скорее всего, со мной никто говорить об этом под запись просто не будет» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Поскольку исследовательница собиралась говорить с теми, кто так или иначе знал ее, — как подругу Тони или по предыдущему приезду в город в рамках другого исследовательского проекта — она боялась не столько политических доносов или чего-то в этом роде, сколько смутных, не до конца формулируемых самими собеседниками подозрений, которые осложняли бы ее работу по сбору данных. Во время одной из первых посиделок с тонимиными приятелями один из них, Петя, обычно разговорчивый, весь вечер молчал. В своем дневнике исследовательница размышляет о том, чем могло быть вызвано его молчание:

«Он смотрел на меня с некоторой настороженностью. По моему поведению он явно не понимал, кто я и что здесь делаю: краткое представление меня как “антрополога”, работа которого состоит в том, чтобы “изучать город”, явно не прозвучали для него как что-то внятное и заслуживающее доверия. К тому же я активно участвовала в беседе и задавала много вопросов — то есть демонстрировала не очень соответствующее здешним гендерным нормам поведение» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Впервые заговорить с незнакомыми людьми о войне — но все еще не под запись — исследовательнице удалось только спустя еще пять дней. Подходящая ситуация, как это иногда случается во время этнографической работы, сама пришла к ней. Работая за компьютером в городском кафе, исследовательница обратила внимание на шумную компанию мужчин и

женщин, которые, чокаясь, перекинулись в том числе парой фраз о войне. Эти люди оказались бывшими одноклассниками, которые собрались отметить очередной юбилей окончания школы. Женская часть компании скоро покинула вечеринку. Оставшись одни, мужчины, один из которых был сотрудником ФСБ в отставке, сами попробовали завести разговор с нашей исследовательницей. Исследовательница решила не упускать момент, подыграла мужчинам и, преодолев свой страх, перевела беседу на тему войны. После разговора она сделала следующую запись в дневнике:

«Я испытывала некоторую тревогу, поднимая в коммуникации с ними тему войны. Мой первоначальный заход через Пригожина, по-моему, оказался удачным, потому что интерес к судьбе такого видного политического деятеля спустя всего несколько дней после его смерти кажется чем-то вполне естественным. Но возвращая разговор к теме войны несколько раз после того, как он обрывался или переходил на другие темы, я ощущала, что рискую. Хотя я и не верю, что это сотрудник ФСБ с экспертизой уровня “гараж” мог меня раскусить (то есть понять, что я спрашиваю про войну специально, и что мой интерес вовсе не праздный), во время разговора я не чувствовала себя в безопасности. В том числе поэтому я несколько раз использовала прием активного согласия с тем, что говорят собеседники, чтобы не находиться все время в конфронтации с ними» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Только на следующий день, уже спустя неделю пребывания в городе, исследовательница-таки решилась провести интервью под запись — с одним из жителей, с которым она познакомилась во время прошлого приезда. Она собралась задавать ему вопросы про войну, несмотря на мучающее ее чувство неуместности и страха. И у нее все получилось:

«Мне несколько раз приходилось возвращать Алексея к теме войны на более предметном, а не абстрактном уровне. Я каждый раз чувствовала неудобство, поскольку мне приходилось как бы преодолевать сопротивление информанта, но я решила, что буду пытаться держаться этой линии вопреки “естественной” динамике беседы» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Пусть и на абстрактном уровне, но Алексей, вопреки ожиданиям исследовательницы, был готов говорить о войне. Однако и специфический интерес исследовательницы не остался незамеченным.

«[После интервью] Алексей, внимательно смотря на меня, с неким подозрением во взгляде спросил: “А почему ты так много про войну спрашиваешь?” Я решила ответить не прямо, то есть не раскрывая карты по поводу основной темы проекта, но при этом искренне. Я сказала, что мы изучаем изменение жизни в регионах, и соответственно, важны все масштабные события, происходящие в нашей стране, чтобы понять, как они влияют или не влияют на повседневность людей — а как же при таком ракурсе можно игнорировать войну? Ведь это такое важное для современной России событие. Алексей понимающе кивнул — мне показалось, что этот достаточно эмоциональный ответ его убедил» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

С этих пор исследовательница научилась преодолевать свои смущение и страх и всегда задавать вопросы про войну — как во время неформальных бесед, так и во время более формализованных интервью под запись. Более того, во время неформальных бесед, проходивших с разнообразными знакомыми Тони за ужином и напитками у нее дома, исследовательница вместе с Тоней спонтанно выработали своеобразный экспериментальный метод поведения. Во-первых, они «вбрасывали» тему войны в разговор (вспоминаю, например, недавно погибшего жителя города или зачитывая вслух свежую новость о войне в телефоне) и следили за реакцией собеседников. Во-вторых, говоря о войне с аполитичными оправдывающими войну жителями, они старались использовать язык своих собеседников, подыгрывая им, но одновременно не искажая своей собственной антивоенной позиции. Например, они говорили, что тоже переживают за свою страну, им тоже не нравятся смерти «наших мальчиков» и они тоже не понимают, зачем все это нужно. В-третьих, иногда, реагируя на выражаемое их собеседниками недовольство («ради кого наши мальчики погибают?»), исследовательница и ее помощница Тоня задавали отчасти провокативные вопросы, например: «А может быть, тогда не нужно было начинать эту войну?» — и снова наблюдали за реакцией других участников разговора. Результаты таких спонтанных экспериментов позже позволили нам сформулировать важные наблюдения и выводы о критике и оправдании войны россиянами.

Подобно Алексею, которого мы цитировали выше, еще несколько собеседников нашей исследовательницы интересовались причинами ее (и Тони) особенного внимания к теме войны, но, как и Алексей, удовлетворялись ее объяснениями. Всем ее собеседникам было что сказать о войне, пусть они и не хотели говорить о ней слишком долго.

Исследовательница, отправившаяся в *Республику Бурятия*, как мы помним, никогда там раньше не бывала. Более того, те местные жители и исследователи региона, с которыми ей удалось поговорить перед поездкой, напугали ее: они регулярно интересовались, не боится ли исследовательница ехать в такой опасный для изучения восприятия войны регион, да еще и совсем одна. Именно поэтому с самого начала исследовательница вела себя очень осторожно и почти не заводила разговоры о войне со своими собеседниками, если ее что-то смущало.

Уже в первые дни пребывания в Улан-Удэ исследовательница пришла в организацию к волонтерам, помогающим российской армии. Волонтеры всегда рады новичкам и поэтому редко относятся с подозрением к вновь приходящим. Исследовательница выбрала стратегию невмешательства — работать с ними плечо к плечу, прислушиваться к разговорам, но не задавать лишних вопросов. Сразу после окончания первого дня с волонтерами она записала в дневнике:

«Я пока что чувствовала себя слишком небезопасно для того, чтобы активно навязывать обсуждение войны. Да и нужно ли? Не лучше ли будет сначала послушать, как они сами, в максимально комфортной и привычной для себя обстановке, обсуждают политические события. Буду пока придерживаться этой тактики» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

При этом быстро выяснилось, что волонтеры, за редкими исключениями, *не говорят* о войне, — поэтому время от времени исследовательнице все-таки приходилось «вбрасывать» политические темы. Впрочем, она решалась на это очень редко. Когда, спустя два дня, она попала в компанию молодых бурятских музыкантов, уже зная о привычке многих жителей не говорить о войне, она пыталась завести такие разговоры сама. Несмотря на то, что исследовательница делала это только тогда, когда ей казалось это уместным, она продолжала чувствовать себя некомфортно:

«По реакции ребят я пришла к выводу, что им не очень интересно говорить на тему войны и мобилизации, и что их даже напрягают мои постоянные попытки об этом поговорить. Поэтому я решила на сегодня больше не заводить эту тему — если только они сами не начнут» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Когда исследовательница проводила более формализованные интервью под запись, она тоже вела себя осторожно: например, если ей казалось, что ее собеседник или собеседница настроены подозрительно, то она пропускала вопросы про войну. Поскольку некоторые ее собеседники разделяли ее опасения, то она еще больше укреплялась в них:

«Во время прогулки Батод выразил удивление, что я не боюсь интервьюировать людей в Улан-Удэ на тему войны. Видимо, к этому моменту он уже догадался, что меня интересуют не просто изменения в регионе, а изменения, связанные с войной» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

В этнографическом дневнике исследовательницы описаны самые разные ситуации, в которых она замечала подозрительность своих собеседников и, реагируя на нее, избегала острых вопросов. Например, по приезду в село Удург ее ключевая собеседница Мэгрэн привела ее в местный центр дополнительного образования — со множеством кружков и сотрудников. Исследовательница активно общалась со всеми, рассказывая про себя и про проект, но избегала упоминаний войны как своего особого интереса, лоя на себе, как ей казалось, подозрительные взгляды некоторых сотрудников. Когда она рассказала заведующей центра про цель своего исследования (изучение жизни в регионе и изменений в ней), она снова поймала на себе недоверчивый, непонимающий взгляд. Тогда она добавила, что особенно интересуется экологическими инициативами в регионе и поэтому приехала сюда, в Удург — и заведующая, услышав более привычную для нее тему исследования, расслабилась (этнографический дневник, Удург, октябрь 2023).

Так или иначе, в отличие от исследовательницы, поселившейся в Свердловской области, исследовательница в Бурятии не стремилась постоянно преодолевать собственное чувство дискомфорта, а, наоборот, ориентировалась на него. Ее основная стратегия заключалась в том, чтобы следить за тем, как военная тематика естественным образом возникает в неформальных разговорах и интервью, и только затем подхватывать эту тему и развивать ее.

Исследовательница, приехавшая в *Краснодарский край*, как мы помним, оказалась здесь не впервые — но среди ее местных знакомых не было никого, кто мог бы играть роль, подобную роли Тони в Свердловской области. Зная, что ей так или иначе предстоит общаться с не слишком хорошо знакомыми людьми, исследовательница тем не менее решила, что будет напрямую заговаривать со своими собеседниками о войне — и наблюдать за их реакцией. Она много общалась с работниками сферы услуг,

например, водителями такси, болтала со своими новыми приятелями во время прогулок, но также подходила к незнакомцам, одиноко сидящим на лавочках, и договаривалась с ними об анонимных исследовательских интервью об изменениях жизни в регионе. Каждому из этих очень разных собеседников исследовательница пыталась задавать вопросы о войне — и именно поэтому она столкнулась с наибольшим количеством неприятных и даже опасных ситуаций.

Несмотря на то, что большинство незнакомцев на лавочках на удивление открыто реагировали на предложение исследовательницы, не смущаясь даже вопросами про «спецоперацию», полностью избежать эксцессов ей не удалось. Однажды, окрыленная успехом от удачных разговоров с незнакомцами, она подошла к мужчине, заручилась его согласием ответить на несколько вопросов для социологического исследования, достала диктофон и нажала на запись. Мужчина, однако, отреагировал на диктофон как на красную тряпку: он закричал, что говорить под запись категорически не согласен, и что ничто не позволяет ему быть уверенным в том, что наша исследовательница и правда социолог. Опешив, исследовательница предложила мужчине посмотреть на ее рабочее удостоверение:

«Он мне говорит: “И что мне ваше удостоверение? Я вашу Москву ненавижу, поубивал бы всех москвичей”. Ладно, говорю, ненавидеть можно, но убивать, наверное, лишнее, там люди разные, зачем же всех. “Всех-всех”, — говорит он, а то ездят тут всякие, мол, такие как я, и выведывают (замечу, что я ни слова не спросила про “СВО”). “Чего ж вы так нервничаете, — говорю я, — мы анонимно задаем вопросы, это просто научное исследование”. Он ответил в том духе, что кто ж знает, какое оно там научное и на кого работаю, и что я вообще хочу узнать» (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023).

Впрочем, несмотря на подобные эксцессы, анонимные разговоры с незнакомцами в большом городе вряд ли могли представлять какую-то реальную угрозу для исследовательницы: в конце концов, оба собеседника ничего не знали друг о друге. Гораздо более пугающая история случилась с нашей исследовательницей во время ее похода в одну из школ Новонекрасовска, в которой она встречалась со своей хорошей знакомой, учительницей Тамарой. Тамара хотела помочь исследовательнице и уговорила директора школы поговорить с ней в формате формализованного интервью под запись. Директор спокойно отвечал на вопросы — но только до определенного момента:

«У меня была мысль на этом и остановиться, но я решила все-таки рискнуть и перейти к прямым вопросам про войну. Мне было страшновато, но одновременно во мне разгорелось какое-то азартное любопытство. Я спросила, как на его жизни отразилась “СВО”. Он тут же попросил выключить диктофон и предъявить документы. А еще спросил, почему я вообще задаю такие вопросы. Я выключила диктофон и уточнила, какие нужны документы: есть паспорт и удостоверения с работы. Он попросил удостоверение с работы. Я достала удостоверение. Он прочитал. Затем он поинтересовался, есть ли у меня разрешение администрации города, района, края, и как я вообще сюда попала. Я сказала, что приехала на электричке. Он возмутился: как, мол, можно просто так приехать на электричке, поселиться в гостинице и ходить задавать такие вопросы?» (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023).

В результате директор школы просто отказался продолжать разговор, и исследовательница, обрадованная тем, что так легко отделалась, отправилась по своим делам. Лишнее внимание со стороны власти, вероятно, нужно было директору не больше, чем исследовательнице, поэтому лучшим способом избежать каких-либо проблем для него было прогнать непрощенную гостью, а не писать на нее донос. Исследовательница еще долго со страхом вспоминала эту историю:

«Прямо под моим окном припарковалась машина, светя фарами — меня это немного пугало, так как мое окно располагалось на первом этаже и при желании в него можно было залезть. Но я подумала, что за чушь, кому я тут нужна. Предполагать, что директор школы вычислил мое съемное жилье и послал кого-то меня похитить, очень глупо и параноидально. Машина перестала светить фарами, и я уснула» (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023).

Таким образом, исследовательница, собиравшая данные в Краснодарском крае, преодолевала чувство страха и заводила разговоры про войну — и в интервью, и во время неформальных бесед.

Мы могли убедиться, что все три исследовательницы сталкивались с необходимостью говорить на неприятную, а иногда опасную тему войны, чувствуя сопротивление своих собеседников, а главное — свое собственное. Все они успешно справились с этой задачей, но каждая — немного по-своему. Одна из них предпочитала следить за тем, как военная тематика возникает в разговорах сама по себе и только потом развивать ее (Ре-

спублика Бурятия); другая заводила разговоры о войне, несмотря на свое смущение, но чаще в неформальных контекстах, чем во время формализованных интервью (Свердловская область); и, наконец, третья задавала вопросы про так называемую «спецоперацию» при любом удобном случае, несмотря на возможные риски (Краснодарский край). Каждая из исследовательниц провела в своем регионе около месяца и, конечно, за это время прибегала к разным стратегиям поведения — тем не менее одна из стратегий всегда доминировала в случае конкретной исследовательницы.

Что у нас получилось? Описание данных

В результате поездок в три российских региона мы собрали два типа данных: глубинные интервью и этнографические полевые заметки.

Первые две волны этого исследования, отраженные в [первом](#) и [втором](#) аналитических отчетах соответственно, тоже были основаны на глубинных интервью. Тем не менее интервью, собранные в трех российских регионах, — пусть они тоже проводились с использованием гайда и под запись — несколько отличаются тех, которые мы собирали раньше. Во-первых, многие из этих интервью (за исключением, конечно, десятка разговоров с незнакомцами на лавочках в Краснодарском крае) проведены с уже знакомыми исследовательницам людьми (знакомства с ними завязались во время этнографических поездок, в ходе этих же поездок, но позднее, были взяты интервью), а значит, в атмосфере большего, чем обычно, доверия. Во-вторых, эти интервью, в отличие от предыдущих, не фокусировались на войне — последняя была только одной из обсуждаемых в интервью тем.

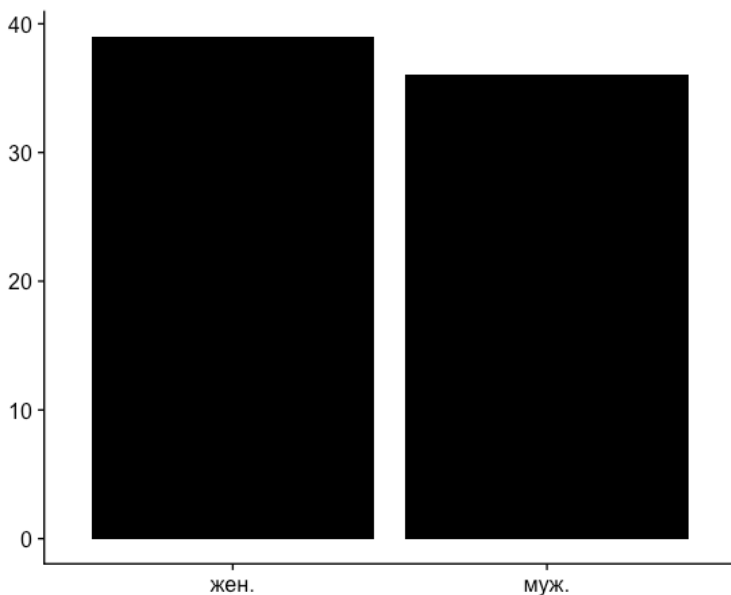
Интервью обычно начинались с вопросов про особенности жизни в населенном пункте, про ее положительные и отрицательные стороны, про местные городские (или сельские) проблемы. Затем мы спрашивали наших собеседников, ощущали ли они какие-то изменения в жизни за последние несколько лет, и обсуждали перемены в связи с пандемией, а потом — в связи со «спецоперацией». Мы немного говорили про восприятие войны и медиапотребление, но почти никогда не задавали прямых вопросов об отношении наших собеседников к ней (которое, впрочем, все равно становилось понятно в процессе разговора). Наконец, мы расспрашивали информантов про ключевые моменты их биографии (учебу, работу, увлечения и так далее) и заканчивали разговор вопросами про их представления о будущем и планирование своей жизни.

Всего нам удалось собрать 75 таких интервью. В Свердловской области и Республике Бурятия мы провели по 17 интервью, а в Краснодарском крае — 41 интервью. Мы не отбирали наших собеседников по их отношению к войне, поэтому, ожидаемо большинство из тех, с кем мы говорили, — это аполитичные россияне, которые оправдывают войну, но одновременно не являются ее убежденными сторонниками. Немало среди наших информантов оказалось и противников войны. Меньшинство же составили убежденные сторонники вторжения. Ниже мы описываем всех

информантов, то есть тех, с кем мы поговорили под запись, по четырем характеристикам: пол, возраст, образование и доход. Такое описание позволяет нам показать особенности нашей выборки и ее «перекосы».

Пол информантов

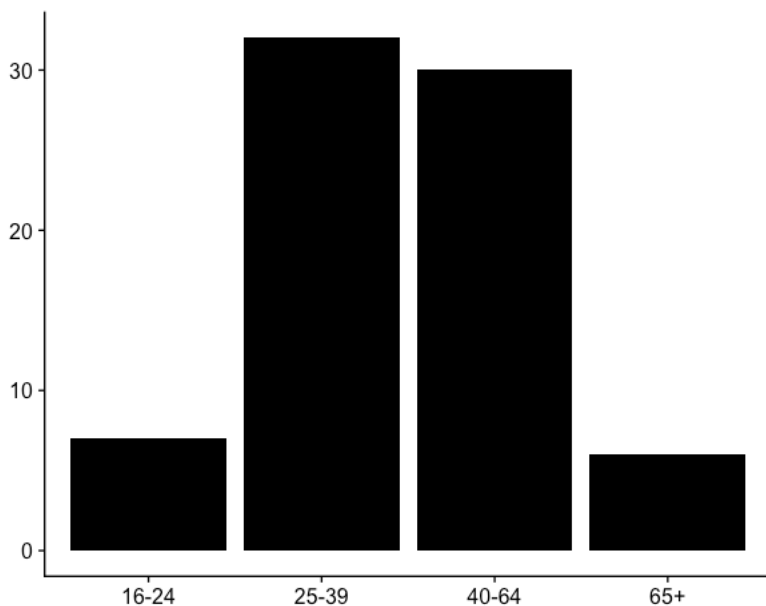
Мужчин и женщин среди наших информантов оказалось примерно поровну, с совсем небольшим перевесом в сторону женщин.

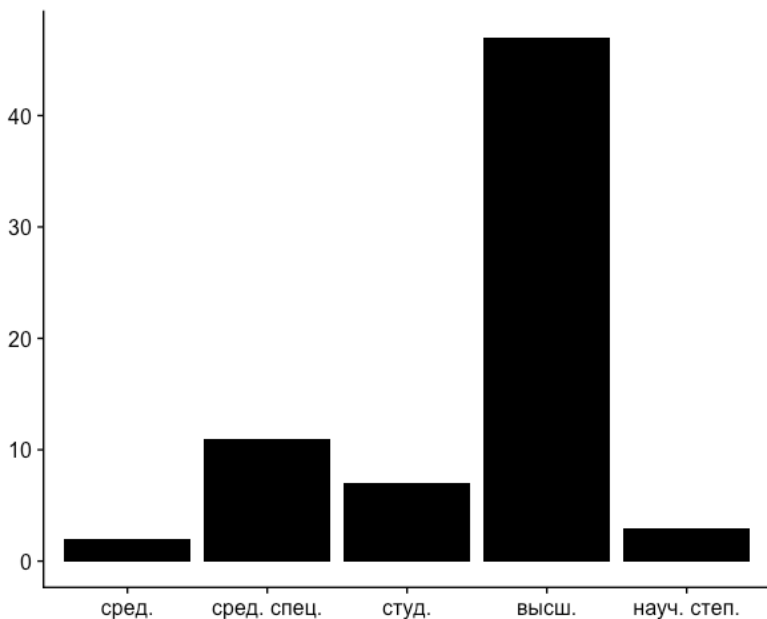
Возраст информантов

Наиболее представленными среди тех, с кем мы поговорили под запись, оказались люди двух возрастных категорий: от 25 до 39 и от 40 до 64 лет. Гораздо меньше среди наших собеседников было совсем молодых людей (до 24 лет) и пожилых людей (от 65 и старше).

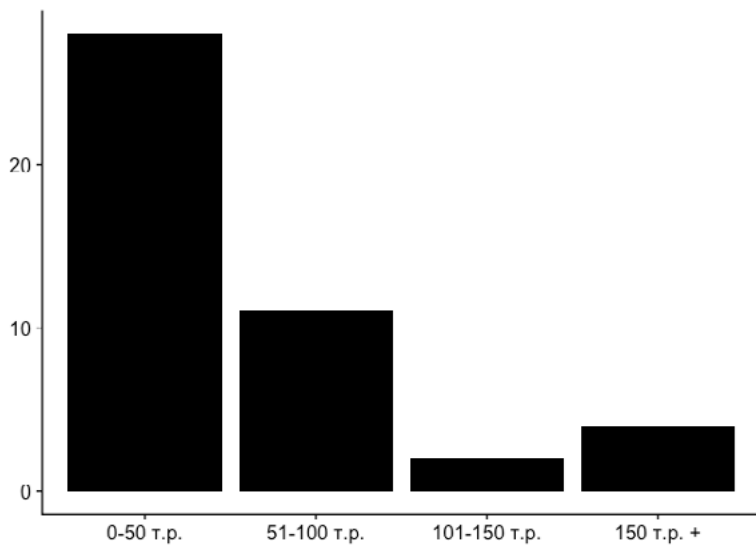
Образование информантов

В целом наша выборка оказалась перекошена в сторону людей, получивших высшее образование. При этом важно отметить, что этот перекокс произошел за счет данных, собранных в Краснодарском крае и Республике Бурятия: среди информантов из Свердловской области большинство высшего образования как раз не имеют.

Доход информантов

Наконец, на этот раз нам удалось поговорить с малообеспеченными людьми: большинство наших собеседников получают доход не более 50 тысяч рублей в месяц.

В качестве дополнительных данных в одной из глав этого отчета мы используем материалы фокус-групп, собранные в сотрудничестве с коллегами из «Хроник» и Extrem-Scan. Восемь фокус-групп были проведены в ноябре 2023 в четырех городах России: Самаре, Ростове, Иркутске и Ижевске. Фокус-группы были посвящены восприятию войны россиянами и тому, как россияне видят последствия войны для российского общества.

Самыми же ценными материалами, лежащими в основе этого отчета, являются наши этнографические наблюдения за повседневной жизнью во время войны и пересказы разговоров о войне, ведущихся в неформальной обстановке. Все это зафиксировано в трех этнографических дневниках (в сумме включающих в себя 330 000 слов, около 110 000 слов в каждом). Каждый день исследовательницы записывали свои наблюдения, впечатления и пересказы состоявшихся разговоров в дневники. Что именно они наблюдали? В дневниках встречаются следующие типы данных:

- ▶ Описание того, как война отражается в публичном пространстве населенных пунктов: например, попадаете ли на улицах анти- или провоенная символика или реклама службы по контракту, говорят ли люди о войне в общественных местах, и так далее.
- ▶ Описание того, как война проявляется в культурной жизни городов и сел — в музеях, на выставках, на мероприятиях в местных Дворцах культуры и тому подобное.
- ▶ Описание различных организационных форм и практик поддержки армии и беженцев в связи с так называемой «спецоперацией».
- ▶ И главное — пересказы многочисленных неформальных разговоров, в которых — исследовательницами или ее собеседниками — поднималась тема войны. Этот тип данных, наверное, самый уникальный из собранных нами. Исследовательницы вступали в разговоры со своими знакомыми, новыми и старыми, во время прогулок или вечерних посиделок; всегда заговаривали с теми, с кем часто говорят незнакомцы — водителями такси, мастерицами маникюра или массажа, барменами. Исследовательницы то намеренно «вбрасывали» в такие разговоры тему войны, то ждали, пока последняя возникнет естественным образом и развивали ее — а потом пересказывали связанные с войной

фрагменты общения в дневниках. Часто исследовательницы фиксировали в заметках в телефоне особенно яркие выражения и последовательности реплик своих собеседников уже в процессе разговора.

В тексте отчета мы цитируем как фрагменты интервью, так и фрагменты этнографических дневников. Разумеется, все фрагменты интервью — это дословная речь наших информантов, поскольку интервью, как мы помним, записывались на диктофон. Фразы же наших собеседников, которые мы цитируем со ссылкой на этнографические дневники, записаны нашими исследовательницами по памяти и не передают их речь слово в слово, хотя исследовательницы пытались запоминать их слова как можно точнее. Кавычки в таких случаях означают не дословность, а то, что помещенные в них фрагменты принадлежат не нам, авторам отчета, а нашим собеседникам. Кроме того, в тексте отчета мы периодически приводим фрагменты этнографических дневников с размышлениями наших исследовательниц над увиденным, сделанным по горячим следам. Такие размышления иногда могут звучать слишком субъективно, в них могут встречаться оценочные суждения, ведь наши исследовательницы — это обычные люди, со своим взглядом на войну, со своими страхами и эмоциями. Тем не менее в самом тексте отчета мы никак не оцениваем высказывания и взгляды наших собеседников с моральной точки зрения — наша задача не в том, чтобы диагностировать общество, а в том, чтобы понять логику размышлений и действий наших информантов.

Разумеется, все данные представлены в тексте отчета в анонимизированном виде. Мы сохранили названия столиц регионов, Краснодара и Улан-Удэ, в которых побывали наши исследовательницы, — узнать наших собеседников среди миллионов жителей этих городов невозможно. Однако мы заменили названия небольших населенных пунктов, в которых собирали данные. Черемушкин, Южный Сокол, Новонекрасовск и Удург не существуют на картах соответствующих регионов России, но за каждым из них стоит реальный город или село, который посетила одна из наших исследовательниц. Все имена собственные, которые звучат в тексте отчета, тоже изменены, но истории этих людей совершенно реальны.

Что мы со всем этим делаем?

Анализ данных

Сначала мы работали с нашими данными с помощью тематического кодирования: интервью или дневники разбивались на набор тематических блоков, а потом блоки на одну и ту же тему собирались вместе и анализировались. Во время анализа тематических блоков мы комбинируем самые разные методы, но в основном — элементы того, что в социальных науках называется нарративным анализом или дискурс-анализом. Особое внимание мы уделяли не просто тому, *что* говорят наши собеседники, но тому, *как* они об этом говорят: какие грамматические конструкции, обороты и оговорки звучат в их речи, и что эти конструкции, обороты и оговорки сообщают нам о способах мышления и переживания военной реальности россиянами.

Безусловно, у наших данных и метода анализа есть ограничения. В отличие от репрезентативных опросов, качественные данные — интервью и наблюдения — не дают возможность предположить, какая доля населения России воспринимает события тем или иным образом. Для того, чтобы выдвигать подобные предположения, нужно сравнивать результаты анализа качественных интервью с результатами анализа репрезентативных опросов (что мы, например, делаем в разделе в тексте отчета). Наша выборка больше не перекошена в сторону людей из столиц и крупных городов. Более того, в одном из регионов, в Свердловской области, она не перекошена и в сторону людей с высшим образованием — как минимум половину наших собеседников в Черемушкине составляют люди со средним и средне-специальным образованием. Тем не менее в двух других регионах подавляющее большинство наших собеседников имеют высшее образование — поэтому, работая с этими данными, мы скорее всего упускаем какие-то типы представлений о войне, свойственные выходцам из других социальных групп. Наши данные позволяют нам увидеть, например, что экономика — как экономическое положение индивидов, так и экономическая специфика населенных пунктов и регионов — оказывает влияние на то, какую роль война играет в жизни россиян и как она воспринимается ими. Однако у нас недостаточно данных для того, чтобы детально описать это влияние. Наконец, несмотря на то, что мы обнаружили множество сходств в восприятии войны жителями трех совсем разных регионов, это не означает, что жители всех уголков России

переживают войну похожим образом. В общем, мы описываем некоторые типичные аспекты повседневной жизни россиян во время войны, а также типичные способы восприятия войны осенью 2023 года и их динамику, но мы не предлагаем исчерпывающего описания и количественной оценки этих процессов.

ЧАСТЬ 1: ВОЙНА В РЕГИОНАХ

1.1. Свердловская область: «Да хуй я тебя отправлю из-за денег воевать!»

1.1.1. Введение: Свердловская область и город Черemuшкин

Свердловская область расположена на границе Европы и Азии — между Северным и Средним Уралом (граничит с Республикой Коми, Пермским краем, ХМАО, Башкортостаном, а также с Тюменской, Курганской и Челябинской областями). По меркам России, где близость к центру — значимый социально-экономический параметр, Свердловская область находится не слишком далеко и не слишком близко от Москвы.

В этническом составе Свердловской области с большим отрывом преобладают русские (≈ 88%). Также там проживают, например, татары, украинцы и немцы (менее четырех, трех и двух процентов соответственно). Более 86% населения региона живут в городах. При этом более трети из них приходится на Екатеринбург.

Свердловская область входит в десятку наиболее промышленно развитых регионов России. Екатеринбург — четвертый по численности населения город страны, а сама область — пятый по численности населения регион. [По данным Росстата](#), среднедушевой доход в области в 2023 году составил 53,3 тыс. рублей (что почти равно среднероссийскому — 51,3 тыс.). При этом рост доходов достиг 6,5% в реальном выражении к предыдущему году, что выше среднероссийского роста (5,6%).

[Согласно исследованию](#) «Важных историй» и Conflict Intelligence Team, доля мобилизованных в Свердловской области не слишком отличается доли мобилизованных от общего мобилизационного ресурса по России. [По данным Минобороны](#), в 2023 году контракт для участия в войне в Украине заключили 12,5 тыс. жителей Свердловской области, а к апрелю 2024-го — еще 2,5 тыс. Заключившим контракт область одновременно выплачивала 100 тыс. рублей, с июня 2024-го сумму повысили до 400 тыс., [сообщили областные СМИ](#).

Число подтвержденных потерь на войне ([по данным проекта Би-би-си и «Медиазоны»](#)), — 1820, одно из самых высоких среди регионов России, что, впрочем, отчасти соответствует большой численности населения области. Доля региона в подтвержденных потерях — 3,4%.

На территории современной Свердловской области еще с начала XVIII века располагались главные российские горные заводы. Соответственно, многие населенные пункты сформировались вокруг промышленных предприятий. В некоторых индустриальных городах Урала война существенно отразилась на экономике: производства, которые в последние годы находились в упадке, теперь встали «на военные рельсы», спрос на продукцию взлетел, зарплаты увеличились, а в города стали приезжать специалисты из других мест.

Однако ничего из этого не произошло в Черемушкине, где мы проводили исследование. Население Черемушкина — около 12 тыс. человек. Значительное число его жителей заняты в бюджетной сфере и получают сравнительно скромные по российским меркам зарплаты; город дотационный, и его положение напрямую зависит от распределения регионального и федерального бюджетов. Относительно удачным вариантом трудоустройства среди черемушкинцев считается работа на целлюлозном заводе. После начала полномасштабной войны, по свидетельствам собеседников нашей исследовательницы, дела в этой сфере пошли на спад, так как продукция в основном изготавливалась на экспорт, который оказался затруднен в условиях санкций.

В часе езды от Черемушкина расположены несколько исправительных колоний. Некоторые жители города либо работают в них сами, либо знают многих сотрудников и заключенных лично. По этой причине черемушкинцы в курсе происходящего в тюрьмах, а новости о вербовке заключенных в «Вагнер» являются для многих горожан рядовыми.

По свидетельствам самих черемушкинцев, их город — достаточно бедный по меркам региона. Во многих домах нет централизованного водоснабжения и газа. Проведение водопровода обходится жителям примерно в 100 тыс. рублей — для многих это слишком большая сумма, и поэтому они пользуются общественными колодцами, носят воду вручную и строят туалеты на улице. По субъективным ощущениям нашей исследовательницы, прожившей в Черемушкине около месяца, по застройке, быту и социальной организации город напоминает крупный поселок.

В Черемушкине есть «классический» набор мест и организаций, которые можно найти почти в любом российском городе соответствующего размера — городская площадь, Дом культуры, музей, церковь, несколько административных зданий, школ и детских садов. В городе также работают несколько кафе, продуктовых и хозяйственных магазинов, аптек и салонов красоты. Несмотря на небольшой размер, город нельзя назвать изолированным — через него довольно часто проезжают путешеству-

щие по Уралу туристы, а сами черемушкинцы регулярно ездят в соседние города побольше — к родственникам, за покупками, развлечениями и медицинскими услугами.

В Черемушкине, также как и в самой Свердловской области, проживают в основном этнические русские. В целом, в городе нет каких-либо выделяющихся этнических, трудовых, культурных, религиозных или любых других групп, которые в заметной степени определяли бы общественную жизнь города, идентичность и взаимоотношения его жителей между собой.

1.1.2. Война в публичном пространстве

Городской ландшафт на фоне войны

Если в порядке мысленного эксперимента представить себе человека, заснувшего вечером 23 февраля 2022 года, а затем вдруг проснувшегося осенью 2023 года в Черемушкине, догадаться об идущей на тот момент уже более полутора лет полномасштабной войне этому человеку будет не просто. Обойдя город вдоль и поперек за несколько недель своего пребывания, наша исследовательница лишь несколько раз встретила символику, напоминающую о военном конфликте: две-три машины с наклейками «Z» и патриотическими лозунгами, выцветшая пара пыльных флагов — один с «Z», другой в цветах георгиевской ленты — на фасаде городской гостиницы, не особенно заметных. В городе отсутствовала реклама службы по контракту или какая-либо символика на дверях государственных учреждений.

По словам хорошо знакомой с городским контекстом местной предпринимательницы Тони — ключевой собеседницы с особой ролью в поле (см. раздел 1.1.3) — видимые признаки войны практически полностью исчезли из Черемушкина за последний год: люди снимали наклейки с автомобилей; прежде заметные проводы на фронт, похороны и отпевания мобилизованных перестали привлекать стороннюю публику; горожане стали реже обсуждать войну между собой.

В Черемушкине практически нет общественных пространств, где было бы принято собираться и общаться. Возможно, единственное подобное место — городское кафе «Улыбка», куда наша исследовательница приходила ежедневно, чтобы пообедать, поработать за ноутбуком или встретиться с информантами. Хотя она исправно старалась прислушиваться к тому, что обсуждают за соседними столиками, лишь один раз ей довелось стать

свидетельницей разговора посетителей на тему войны. Днем в «Улыбке» собралась компания из восьми-девяти нарядно одетых мужчин и женщин 50-55 лет (как выяснилось позже, это была встреча одноклассников). Вот что записала наша исследовательница в своем полевом дневнике:

«В один момент музыка становится тише, и у меня получается разобрать слова очередного тоста, произнесенного одной из женщин: “А давайте за победу!” Собравшиеся поддерживают тост: “За победу!”, “За победу!” Как только стихает звон бокалов, другой женский голос произносит: “А когда уже победа-то наша будет?” Вопрос был обращен к высокому и грузному мужчине с низким голосом. Мне удается уловить только отдельные слова его ответа: “поляки”, “фашисты”, “НАТО”. По окончании монолога следует реакция собеседницы: “А, то есть это надолго...” Разговор подхватывает другая женщина из этой же компании: “А я, когда молодая была, всегда про Вторую мировую думала: как жаль, что я в то время не жила — так хотелось бы подвиг совершить! А сейчас думаю: вот я дура была! Сейчас понимаю, что я этого точно сделать не смогу”. Ответ мужчины опять не разобрать. Понимаю только, что разговор заходит о Пригожине. Спустя минут десять после “победного” тоста разговор переключается на другие бытовые темы, и обсуждение вопросов политики и войны больше не возобновляется» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Трудно оценить, насколько рядовым для Черемушкина является описанный случай. Может быть, сама ситуация произнесения тоста натолкнула женщину на тему войны, ведь тост «за победу» — устойчивый жанр, знакомый россиянам как минимум по десяткам советских фильмов. Возможно, тема была подхвачена и перенесена из церемониальной плоскости в разряд «насущного» вопроса («А когда уже победа-то наша будет?»), поскольку за столом сидел «эксперт»: в дальнейшем наша исследовательница выяснила, что мужчина, которому был адресован вопрос, — сотрудник ФСБ на пенсии. Важно здесь, во-первых, то, что тема войны возникла сама, была легко подхвачена и не вызвала удивления у присутствующих (свидетельство того, что в этой смешанной компании *могут* заговорить о войне), а во-вторых, то, что она была так же легко отпущена, растворившись в бытовой болтовне (то есть ни у кого из присутствующих она не вызвала бурного и устойчивого интереса).

В отсутствие общественных пространств, где жители Черемушкина могли бы встречаться для разговоров лицом к лицу, многие горожане активно пользуются городским пабликом ВКонтакте. По рассказам ин-

формантов, в первое время после начала полномасштабного вторжения люди высказывались в группе на тему войны и вступали в дискуссии в комментариях. Со временем, однако, «неудобные» комментарии и посты (иногда вместе с их авторами) стали быстро удаляться из публичка — вероятно, одним из администраторов группы, местной чиновницей. Подрабатывающая уборщицей и домработницей пенсионерка Алевтина Никифоровна, с которой у нашей исследовательницы успели сложиться доверительные отношения, объяснила, что на комментарии с критикой войны стали «налетать», а в адрес их авторов сыпались типовые оскорбления («укроп») (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023). Кроме того, одного из жителей Черемушкина оштрафовали на значительную по местным меркам сумму за репост видео с антивоенным содержанием. Эта новость разнеслась по сарафанному радио (наша исследовательница, например, слышала ее от нескольких людей), после чего горожане перестали оставлять комментарии и даже реакции на новости в социальных сетях, опасаясь санкций.

Общественные мероприятия и институциональная поддержка войны

В первые месяцы после начала полномасштабной войны, а затем после объявления мобилизации, в Черемушкине проводились официальные «патриотические» и «волонтерские» мероприятия, направленные на создание позитивного образа «СВО» и помощь фронту: торжественные проводы мобилизованных, публичные похороны погибших на войне горожан, волонтерские сборы на базе местного музея, плетение маскировочных сетей и другие форматы институциональной поддержки войны и вложений в ее имидж. По свидетельствам информантов, интенсивность этих мероприятий в последний год снизилась. На момент визита нашей исследовательницы ее собеседники не могли вспомнить ни одного имеющего отношение к войне и заметного в жизни города общественного события за последние месяцы.

Связанных с войной организаций, которые бы функционировали на постоянной основе, — например, волонтерских объединений, центров патриотического воспитания или пунктов сбора помощи солдатам — в Черемушкине нет. Общественная деятельность может разворачиваться только на базе существующих площадок — ДК, краеведческого музея, библиотеки, церкви, школы — и нередко зависит от энтузиазма отдельных людей. Так, например, исследовательнице рассказали, что за сбор гуманитарной помощи для фронта на базе музея отвечал его директор Петр Иванович. При этом на момент визита исследовательницы никаких следов этого сбора в музее не осталось, а сам директор в интервью ни

разу о нем не упомянул. От одной из собеседниц — Любви Васильевны — пенсионерки и активной участницы городских мероприятий, наша исследовательница узнала, что в начале войны деньги на нужды фронта в добровольно-принудительном порядке собирало также Управление культуры и молодежной политики при администрации города: «Нам “Культура” сказала... сдайте, сколько можете», — призналась Любовь Васильевна. При этом она говорила об этой инициативе без энтузиазма как о чем-то, переставшим быть для нее актуальным.

На фоне общего снижения интереса к войне среди горожан, тем или иным образом вовлеченных в поддержку фронта, ярко выделяется один человек — священник местной церкви отец Константин. Совсем недавно он ездил на фронт, где проводил отпевания и благословлял солдат на бой. В Черемушкине отец Константин регулярно организует молебны «по воинам». В интервью, вопреки ожиданиям исследовательницы, которая предполагала, что для оправдания войны священник будет подбирать богословскую аргументацию, он говорил с ней светским языком, привлекая телевизионные штампы — например, всерьез обсуждал угрозу со стороны «иноагентов» и «предателей родины». Кстати, в этом он был не одинок — настоятели двух других церквей в соседних селах, где побывала наша исследовательница, либо игнорировали любые попытки перевести разговор о войне в религиозно-догматическую плоскость, либо активно им сопротивлялись. В интервью отец Константин также упомянул свои связи с правоохранительными органами. Трудно было понять, в какой степени провоенная позиция священника — результат профессиональной ангажированности, а в какой — следствие его персональных пристрастий. На исследовательницу, однако, батюшка произвел впечатление по-настоящему убежденного, идейного сторонника войны. По крайней мере, его публичная деятельность — молебны и поездки на фронт — выглядели скорее как проявление личного энтузиазма, а не как исполнение спущенных «сверху» распоряжений.

Нашей исследовательнице удалось попасть на два молебна, организованных отцом Константином. На первом из них собралось не более 15 человек, которые выглядели как обычные прихожане — со стороны сложно было понять, что молебен связан с войной. После окончания службы, однако, священник коротко рассказал собравшимся, как он провел месяц на фронте, благословляя солдат на бой, и добавил, что все они «держатся молодцом, защищают Родину», что им «нужна молитва, нужен Бог» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). На втором молебне людей было в два раза больше. К регулярной пастве прибавились женщины, которые, по словам Дарьи, педагога и активной прихожанки церкви, приходятся родственницами воюющим солдатам. В руках собрав-

шихся исследовательница заметила папки со списками имен для молитв о здравии (все имена в них были мужскими). Один из подразделов списка был озаглавлен «Мирные жители Донбасса». Часовой молебен завершился проповедью отца Константина, где он рекомендовал молиться «за наших отцов, мужей и братьев» и «не забывать, что от молитвы зависит жизнь воинов». Батюшка также предлагал «не расслабляться», «объединяться не только на фронте, но и здесь, в церкви» и «молиться как можно больше, чтобы наши близкие вернулись живыми и здоровыми», ведь победа в «священной специальной военной операции» за нами. Проповедь завершилась коллективной молитвой, после чего прихожанки стали расходиться. Женщины здоровались и беседовали — было видно, что подобным составом они собираются не в первый раз (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

Таким образом, с одной стороны, отец Константин создает вокруг себя идеологически заряженное пространство. С другой стороны, судя по всему, оно привлекает ограниченный круг одних и тех же людей. Направленность этой деятельности священника на узкую, специфическую аудиторию может объясняться еще и низкой популярностью церкви в целом. В этом смысле Черемушкин не отличается от остальной России, где лишь [порядка 9%](#) людей посещают церковь хотя бы раз в месяц.

Отдельного внимания заслуживают городские публичные мероприятия, так или иначе связанные с темой войны. С первого же дня наша исследовательница следила за городскими объявлениями и скрупулезно изучала информационные стенды и афиши, рассчитывая обнаружить в Черемушкине плоды массивной институциональной поддержки войны, в которой задействованы тысячи российских школ, районных Домов культуры и других площадок. Первой находкой был анонс фильма «Свидетель» в кинотеатре при ДК. Это пропагандистская работа, цель которой — представить альтернативный взгляд на события в украинской Буче и оспорить версию о том, что военные преступления в этом месте совершили солдаты армии РФ. Вот запись из полевого дневника исследовательницы в день показа:

«В 18 вечера должен начаться показ фильма “Свидетель”, поэтому в предвкушении появившейся возможности увидеть нечто этнографически ценное я выхожу из “Улыбки” и направляюсь в расположенное неподалеку здание ДК. На часах 17:55, но холл ДК абсолютно пуст. Обращаюсь к скучающей кассирше и выясняю, что пришла на показ первой, — ни одного билета на фильм еще не было продано. Пристроилась на скамейке напротив входа, чтобы не пропустить возможных посетителей, но в

следующие 15 минут в ДК не вошел ни один человек. Уточняя у кассирши, часто ли такое бывает. По ее словам, “нечасто, но случается”» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

С одной стороны, факт тотального игнорирования фильма черемушкинским зрителем в воскресенье вечером сам по себе показателен. С другой стороны, судя по словам кассирши и нескольких других жителей Черемушкина, кинотеатр не пользуется особой популярностью среди горожан. Характерно, что еще одно кинособытие — анонсированный и организованный ДК вечер кино в шатре на площади под открытым небом — аналогичным образом *не* состоялось. Наша исследовательница решила посетить мероприятие, поскольку в программе значился фильм с патриотическим содержанием. Однако, придя на площадь в назначенное время, она нигде не обнаружила не только шатра, но и вообще каких-либо признаков общественной жизни (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Наибольшие ожидания у нашей исследовательницы были связаны с концертом — «открытием творческого сезона» в ДК под названием «СВО-их не бросаем». Афиша «благотворительного концерта в поддержку участников специальной военной операции» появилась на доске объявлений за пару недель и сулила многообещающие этнографические перспективы. После пустых кинозалов и площадей исследовательница ожидала наконец-то увидеть, как в Черемушкине устроена публичная поддержка войны. Но когда исследовательница оказалась на мероприятии, ее не покидало ощущение, что к военно-патриотическому содержанию концерта организаторы подошли исключительно формально. Вот как исследовательница описывает мероприятие в своем дневнике:

«В холле ДК прямо напротив входа натянута заготовка для маскировочной сети. Рядом — женщина в “фольклорном” костюме пытается разобраться, как ее плести. Неподалеку на диванах группа детей 11–13 лет играет в планшет. Справа от сети стенд с фотографиями людей в военной форме с подписью “Защитники отечества”. Большинство фотографий — это отчеты о патриотических акциях: школьники пишут письма солдатам, женщины плетут сети и шьют носки, мужчины в камуфляже загружают коробки с гумпомощью в машины. На одной из фотографий замечаю отца Константина, который позирует с окопной свечой. С другой стороны — инсталляция и фотозона в стиле “русский крестьянский дом” с самоваром и косоворотками. Еще одна женщина в красном платье и кокошнике сидит перед стопкой банных веников (видимо, мастер-класс по веникоплетению).

Открывающий номер в зале: на сцене человек десять, все с микрофонами. Среди них — методист ДК, руководитель ансамбля, сотрудница библиотеки и актер местного театра. Исполняют мажорную композицию:

“Мы желаем тебе любви.
Мы желаем тебе богатства,
Чтобы золотом в сердце твоём
Засверкало большое счастье.
Мы желаем тебе мечту,
За которой, поднявшись в небо,
Ты достанешь свою звезду,
Наслаждаясь заветной победой.
Ты достанешь свою звезду,
Наслаждаясь заветной побе-е-е-е-е-е-дой”

(этнографический дневник, Черемушкин,
сентябрь 2023).

Как позднее выяснила наша исследовательница, эта песня называется «С днем рождения!» В оригинале исполнительница пропевает текст-пожелание ко дню рождения от первого лица в единственном числе — других изменений в тексте песни исследовательница не заметила. Вероятно, эта композиция была выбрана в качестве открывающей из-за слова «победа», которое растягивается — как в оригинале, так и на сцене Черемушкинского ДК — в последних строчках припева. При этом, очевидно, в оригинальном тексте песни речь идет не о победе на поле боя, а об абстрактном индивидуальном достижении именинника. Вероятно, организаторы мероприятия предполагали, что, став частью песни, исполненной на патриотическом концерте, слово «победа» обретет новый смысл. В сценическом образе исполнителей также ничего не напоминало о войне или других актуальных общественно-политических событиях. Характерно, что и на афише мероприятия, на которой был запечатлен танец фольклорного коллектива в разноцветных платьях на сцене ДК, ни одна деталь — кроме, собственно, названия концерта — не намекала на войну.

Все последующие номера казались типичными для российских Домов культуры и практически не адаптированными под заявленную тему мероприятия:

«На сцену выходит ведущая и торжественно объявляет: “Сегодня мы с вами открываем творческий сезон. А это значит, что пришла пора рассказать о тех людях, которые не мыслят своей жизни без творчества и дарят его всем вам. Это самые главные действующие лица любого праздничного события — творческие коллективы Дома культуры. Позвольте представить самый многочисленный и самый знаменитый народный коллектив нашего города — хореографический ансамбль “Жар-птица”! Пользуясь паузой между номерами, осматриваюсь, пытаюсь в темноте зрительного зала разглядеть состав аудитории. Подавляющее большинство — пенсионеры. Несколько молодых женщин — вероятно, мамы занятых в концерте детей. Несколько женщин среднего возраста, которые выглядят как школьные учительницы или как чиновницы от культуры. Скорее всего, на мероприятии они присутствуют по долгу службы.

После “Жар-птицы” выступают еще несколько музыкальных коллективов: “Трепет”, “Поющие березы”, ВИА “Аллегро”. Репертуар либо фольклорный/русский народный с соответствующими костюмами и видеорядом на заднем плане (сценки из деревенской жизни, пасторальные виды), либо эстрадный (популярные песни российской и советской эстрады под минус)» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

В музыкальных номерах не содержалось ни одного намека на войну. Единственное прямое обращение к «СВО» было сделано ведущей ближе к концу программы, но и оно не получило дальнейшего развития:

«Ведущая: “Наша встреча сегодня проходит под девизом “Своих не бросаем”. Концерт, посвященный открытию творческого сезона, благотворительный. Все собранные средства будут направлены в поддержку наших земляков, принимающих участие в “специальной военной операции”. Мы приглашаем на сцену начальника управления культуры, туризма и молодежной политики администрации города Черемушкина — Валентину Сергеевну Зубикову!” [играет торжественная музыка]. Вопреки моим ожиданиям, и в речи Валентины Сергеевны обнаружилась лишь одна косвенная отсылка к войне (“...Коллективам и их руководителям я хочу пожелать самое главное — творческих успехов,

новых танцев, новых песен, новых композиций. Я желаю всем здоровья, здоровья и здоровья! И мирного неба над головой. Удачи всем!»).

Концерт завершается детским танцем с элементами брейк-данса, дети уже не в русском народном, а в джинсах и разноцветных рубашках. Песня «Молодые дерзкие, вперед!» Ведущая: «Творческий сезон 2023-2024 года объявляется открытым! До новых встреч, дорогие друзья! Все только начинается!»

Все расходятся, на выходе пенсионеры обмениваются бытовыми новостями. У фотостенда задерживаются только две женщины — обсуждают общих знакомых, которых они заметили на снимках» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

В общей сложности наша исследовательница посетила пять публичных событий — кинопоказ фильма «Свидетель», киновечер на площади, два молебна отца Константина и благотворительный концерт «СВОих не бросаем». На кинопоказ никто не явился, киновечер не состоялся вовсе. Концерт, не считая названия, фотостенда, заготовки для маскировочной сети и пары фраз со сцены, ничем не выдавал свой военно-патриотический характер и не содержал отсылки к идущей войне. Только молебны по-настоящему соответствовали заявленной военной тематике, но они собирали небольшой круг постоянных прихожан, послушников из общества трезвенников и жен мобилизованных.

Итак, если в первые месяцы войны, по свидетельствам собеседников нашей исследовательницы, в Черемушкине проводились разнообразные провоенные общественные мероприятия (похороны, проводы, патриотические концерты и так далее), то со временем от них остались только мероприятия развлекательные. Впрочем, и те сохранили военную составляющую лишь на уровне оболочки, например, названий и анонсов. Наблюдение за этими мероприятиями показывает, что некоторые из них существуют только на бумаге, другие мало чем отличаются от привычных довоенных мероприятий, хорошо узнаваемых жителями малых российских городов, а третьи, такие как молебны, пользуются крайне ограниченным спросом и по сути остаются на периферии общественной жизни.

Вернемся к образу человека, заснувшего 23 февраля 2022 года и очнувшегося в Черемушкине осенью 2023-го. Чтобы нарушить неведение, ему или ей придется изрядно постараться — ведь война почти незаметна в городском ландшафте Черемушкина, о ней редко говорят на улицах или

местных группах в социальных сетях, а в публичных мероприятиях остаются лишь внешние атрибуты патриотического нарратива. Ощущение вымывания войны из повседневной жизни емко резюмировала в разговоре с исследовательницей одна из местных жительниц города. По ее словам, если бы не периодические новости о смертях и не похороны, о войне можно было бы забыть совсем (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). Но эта же формулировка содержит в себе намек на то, что полного забвения войны все-таки не происходит («если бы не...»). В следующем разделе мы постараемся показать, что говорить о полном исчезновении войны из жизни горожан в Черемушкине — неверно.

1.1.3. Война в жизни горожан

Тоня и ее роль в исследовательской поездке

Заглянуть за кулисы повседневной жизни черемушкинцев стало возможным благодаря ключевой собеседнице нашей исследовательницы, ее помощнице и напарнице Тоне. С Тоней наша исследовательница была знакома еще до своего приезда в Черемушкин. Тоня — молодая предпринимательница родом из самого Черемушкина. В городе ей принадлежит салон красоты «Стиль», кроме того, она является управляющей в уже упомянутом кафе «Улыбка». Обои точками она с успехом заведует последние несколько лет.

Тоня — образцовый член местного общества с высоким социальным статусом и обширными связями. Разные черемушкинцы — от сотрудниц и сотрудников администрации и милиции до домохозяек и водителей — заходят в «Улыбку», чтобы пообедать или отпраздновать день рождения, а иногда и просто поболтать и обсудить новости. Поскольку в городе не слишком много рабочих мест, и кафе, и салон Тони имеют важную социальную функцию. По местным меркам и в кафе, и в салоне достаточно большой штат сотрудниц и сотрудников. У них всех — стабильный заработок, а многие с нуля осваивают ремесло и получают опыт, который расширяет их дальнейшие жизненные перспективы. Кроме того, горожане постарше знают тониных родителей, имеющих в городе хорошую репутацию. В силу всего перечисленного, а также в силу тониных человеческих качеств — приветливости, чуткости, общительности, простоты и прямоты, которые она проявляет с самыми разными людьми, — Тоня пользуется повсеместным уважением в городе.

Одновременно Тоня — человек со «столичным» бэкграундом. Высшее образование она получила в Москве, у нее много друзей в Екатеринбурге, Петербурге и других крупных городах. Тоня прекрасно ориентируется в новостной повестке и читает все знаковые независимые медиа. В общении с другими Тоня в целом не скрывает свои оппозиционные и антивоенные взгляды, но в то же время никому их не навязывает. Она прекрасно считывает негласные конвенции общения, в рамках которых обсуждать «политику» скорее не принято.

Тоня была посвящена в замысел исследования еще до его начала и сразу выразила к нему большой интерес. По ее словам, восприятие войны в городе и раньше было предметом ее собственного любопытства. На протяжении всего визита наша исследовательница пользовалась постоянной тониной поддержкой. Фактически Тоня выполняла роль напарницы, регулярно работая в дуэте с нашей исследовательницей. Именно благодаря Тоне, ее инициативе и положению в местном сообществе, исследовательница получила доступ к материалу, который невозможно было бы собрать, не будучи «своей» для жителей города.

Речь идет не столько о материалах формализованных интервью с информантами (хотя и здесь факт дружбы с Тоней зачастую работал как «входной билет» в некоторые места и по умолчанию вызывал у собеседников доверие), сколько о неформальных разговорах «в естественной среде» с разными знакомыми Тони. Иногда Тоня приглашала людей к себе в гости, иногда вместе с исследовательницей они сами оказывались в гостях (например, на домашней посиделке у одной из сотрудниц салона красоты). Исследовательницу Тоня представляла как свою подругу. Во всех случаях люди чувствовали себя комфортно, поскольку полностью доверяли Тоне.

В разных компаниях темы, связанные с войной, изредка проскальзывали сами, однако чаще Тоня аккуратно направляла беседу в «нужное» русло (например, вопросами про свежие на тот момент новости о мятеже Пригожина или упоминанием кого-нибудь из общих знакомых на фронте). Подобными деликатными маневрами провоцировались обсуждения связанных с войной сюжетов среди присутствующих. С одной стороны, обсуждения эти затухали так же легко, как и начинались — собеседники, как правило, довольно быстро переключались на другие темы. Было понятно, что война в Украине не является для большинства жителей Черемушкина темой для регулярного обдумывания и обсуждения (что лишь подтверждало тонины слова о том, что люди «устали от войны» и обсуждают ее гораздо реже, чем в первой половине 2022 года). С другой стороны, присутствующим всегда было, о чем поговорить *в связи* с войной. В

частности, некоторые разговоры развивались и без тониной дальнейшей «помощи» в виде невзначай заданных вопросов. Иными словами, в отличие от причин и целей войны, ее эффекты, которые жители Черемушкина замечали на себе и своих близких, по-настоящему волновали их.

Подробные дневниковые полевые записи, которые исследовательница делала по завершению подобных разговоров, и отдельные яркие фразы, которые она старалась записывать прямо по ходу бесед, а также «экспертные» рассказы самой Тони о том, что происходит и обсуждается в городе, дали нам возможность хотя бы отчасти реконструировать уровень повседневных разговоров и размышлений жителей Черемушкина о войне.

Смерть, семья, деньги и мораль в маленьком городе

В небольшом по размеру Черемушкине с плотной социальной средой не замечать войну оказывается сложно (даже если очень хочется). В процентном соотношении на фронт отправилось не так много черемушкинцев — по подсчетам тониных знакомых, около 20 заключенных забрали на войну из ближайшей колонии, около 60 человек мобилизовали и еще около 20 пошли добровольцами. Однако каждый житель, если не напрямую, то через одно рукопожатие, знаком с людьми, которые вернулись с войны, погибли на войне или находятся на фронте прямо сейчас. Там, где «все друг друга знают», любое известие о смерти, отправке на фронт или возвращении с войны, становится общественным событием, которое мгновенно обрастает подробностями. Черемушкин не знает анонимности. Здесь, как это часто бывает в маленьких городах, принято все время присматриваться к знакомым и соседям и в деталях обсуждать «что у кого происходит». Обсуждения, сплетни, толки и «перемывания косточек» — важная часть социального порядка, в который встраиваются и события, связанные с войной. Какие именно новости вызывают резонанс в городском обществе?

Внимание привлекают, собственно, известия о смерти знакомых горожан. «Вот у нас у родственников там Владик умер. Его разорвало ведь. Это че получается? В апреле вроде бы началось... нет, в марте его разорвало, а привезли его хоронить только в июне», — делится Жанна, медсестра в местной больнице (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023). Гибель человека, особенно если в городе его хорошо знали и уважали, сама по себе может вызывать коллективные эмоции и переживания. Яркий пример — смерть мобилизованного школьного учителя, который вернулся в гробу через семь дней после отправки из Черемушкина, нелепо погибнув, не совладав со снарядом, и так и не успев доехать до фронта. Смерть этого юноши, которого за его человеческие качества и любовь к

детям, по словам нескольких информантов, «обожили все», стала трагедией для города. По рассказам, люди на похоронах рыдали от жалости и чувства несправедливости, отказываясь верить в произошедшее.

В разговорах черемушкинцы выражают сожаление по поводу смертей вообще — особенно когда речь заходит о том, что на войну отправляют совсем молодых людей. «Они только с армии пришли!» — восклицает, например, мастерица по маникюру Алена. Ей вторит ее коллега Люда: «Детей воевать отправляют!» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023). Подобные обсуждения провоцируют критику войны, в рамках которой вина за ее начало ложится на абстрактных «сильных мира сего», добивающихся своих целей ценой жизни простых людей. «Эти пидарасы землю делят, блять! А наши пацаны просто гибнут, блять, за то, что они не могут поделить эту землю!» — емко резюмирует Люда. Эта критика, однако, не трансформируется в критику российского правительства (хотя, казалось бы, именно по его решению людей мобилизуют на войну), а вопрос об ответственности конкретных лиц не ставится вовсе.

Внимание горожан приковывают также социальные последствия смерти. Так, к примеру, пенсионерка Любовь Васильевна, вспоминая о гибели еще одного юноши, тело которого не вернулось в Черемушкин («Хороший мальчик был, на аккордеоне играл. Даже хоронить-то нечего было! Ботинок, берц и в берце нога!»), тут же переключается с личности погибшего на более общий, значимый для нее семейный контекст: «Один сын у матери, она его вырастила одна, без мужа. Муж был, но они разошлись. И один сын, и годы уже... Хоть бы ребеночка оставил. Девочки, война — это очень страшно!» Смерть юноши повлекла за собой нарушение нормы — пожилая мать осталась одна, без мужа и потомства. С точки зрения Любви Васильевны, так быть не должно: юноша умер, не выполнив своей социальной функции («хоть бы ребеночка оставил!») — не создал семьи, бросил мать без заботы, не оставив себе замены (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Связанные с войной события частной жизни вызывают неподдельный интерес у жителей города и провоцируют моральные суждения, из которых видно, что является приемлемым, а что нет. Один из таких случаев — поведение вдовы погибшего учителя. На «гробовые деньги» она купила себе дорогой автомобиль, а через месяц после смерти мужа «весело» (по свидетельствам нескольких горожан) танцевала на дискотеке. Кроме того, про вдову стали ходить слухи о связях с мужчинами. В присутствии исследовательницы случай вдовы был «рассмотрен» медсестрой Жанной, заглянувшей в гости к Тоне. Подруги обсудили возраст вдовы, разницу в возрасте между ней и ее погибшим мужем, а также ее

внешность, последнюю стрижку и марку машины. Жанна рассказала, что вдову считают «развратницей» и «гуленой». Впрочем, ее собственный вердикт отличался от общественного: «А что ей еще остается делать? У нее продолжается жизнь дальше, если по факту-то» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Аналогичный случай обсуждался присутствующими на «женской» посиделке дома у одной из сотрудниц салона красоты. Речь зашла о девушке по фамилии Петрова, которая, по слухам, изменяла ушедшему на войну мужу. «У нас просто есть дэвушки такие а-ля Петрова. Она на эти деньги, которые пришли от ее мужа, купила тачку. И в этой же тачке с любовником шоркается. И это все знают! Он приезжает с войны, и она как зайка-попрыгайка, туда-сюда. И все, муж уехал, она снова поскакала, блять!» — выразила негодование мастерица по маникюру Алена. В отличие от Жанны, которая разрешает ситуацию в пользу вдовы, давая ей индульгенцию («А что ей еще остается делать?»), Алена обсуждает поведение Петровой презрительно и с осуждением.

Кроме этически неоднозначной оценки поведения женщин, в обсуждении этих ситуаций есть еще один общий элемент: собеседницы заостряют внимание на том, что обе женщины получают деньги и приобретают машины. Для жителей относительно небогатого Черемушкина не менее волнующей темой, чем отношения и семья (кто с кем гуляет, кто кому изменяет, кто в браке, кто в разводе, у кого уже есть дети и т.п.), является тема денег и всего, что с ними связано (заработок, льготы, выплаты, приобретения). В отличие от больших городов, вопросы заработка и трат в Черемушкине отнюдь не приватны. Если человек приобретает новую машину, делает в квартире ремонт или получает высокую зарплату, в городе об этом знают. Война создала в Черемушкине немало подобного рода «экономических новостей».

Люди активно обсуждают военные заработки: конкретные суммы зарплат на войне, «гробовые» деньги и социальные выплаты. Так, в гостях у Тони ее одноклассники Артем и Витя вспоминали общих знакомых, которые ушли на войну: «Михайлов говорит: “У меня 180 тысяч зарплата, я кайфу»». Медсестра Жанна поделилась с Тоней информацией о том, что, со слов ее вернувшегося с войны знакомого, там «220 в месяц, вся коммуналка, все оплачено». А друг Тони Коля, который сам в юности несколько лет провел в тюрьме, рассказал следующую историю обогащения своей знакомой: девушка вступила с заключенным одной из колоний в брак по переписке, пока тот еще был на зоне, откуда вскоре его завербовали в ЧВК «Вагнер» и отправили на войну. «Три месяца он провоевал, его ебнули. А сам он детдомовский, на нее все переписал сразу же. Она полу-

чила семь миллионов. На свиданку на три дня съездила!» — со смехом заключил Коля. Помимо заработка, черемушкинцы обсуждают покупки за военные деньги: машины или, например, золотые украшения, которые, по словам Светы, одной из присутствующих в гостях на «женской» посиделке, «берут только те, кто с СВО деньги получает» (этнографический дневник, Черемушкин, август-сентябрь 2023).

Обсуждая военные деньги, наши собеседники, как правило, не соглашались с целесообразностью подобного заработка, в том числе с моральных позиций. Никакие суммы, по их мнению, не стоят жизни, здоровья и целостности семьи, которая наделяется особым значением собеседницами-женщинами. Например, Жанна так объясняет, почему ее знакомый не хочет вернуться на войну: «Ну, жена дома, детей надо уже заводить. Не факт, что он потом вернется. Может, какой-нибудь будет раненый лежать, под себя ходить. И что, кому он нужен будет? Жене? Мне кажется, что нет». В ходе разговора Жанне было важно сформулировать и подчеркнуть свою моральную позицию: «Я считаю, что никакие денег жизнь не стоит... Даже если он умрет, дадут этих выплат, то это все хуйня — человека нет», — говорит она (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023). Участницы «женской» посиделки во время обсуждения войны и денег пришли к похожему выводу: «Оно того не стоит». Жители Черемушкина как будто чувствуют необходимость произнести это вслух: жизнь и семья — дороже денег.

Помимо приобретений, черемушкинцы обсуждают и связанные с войной масштабные затраты, которые ложатся на плечи солдат и их семей: на бронжилеты, снаряжение, технику, бензин и другое оснащение. Необходимость таких затрат еще больше укрепляет горожан во мнении о нецелесообразности подобного заработка. Хорошо знакомая нам медсестра Жанна, отвечая на вопрос Тони о том, почему муж ее приятельницы отказался ехать на войну, несмотря на возможность заработать, сообщила, что это невыгодно: «Они все полностью за свой счет покупают — запчасти, обувь» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023). Во время «женской» посиделки Люда, одна из сотрудниц салона красоты, почти кричала: «Я тебе больше скажу! У меня знакомая, когда у нее сын попал в “СВО”, она 100 тысяч брала кредиту, чтобы ребенка полностью снарядить!» Другая сотрудница, Алена, вторила: «У нас 180 брали, 180! Для того, чтобы вот это вот все купить обмундирование!» Их коллега Люда, перебивая, восклицала: «Ты понимаешь, родители сами покупают вот эти защитки, шлемы эти, кирзачи эти, блять, перчатки-хуятки и всю эту хуйню!» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023). Важно, что в необходимости тратить деньги на обмундирование говорящие чувствовали несправедливость, и это чувство иногда трансформиро-

валось в критические высказывания в адрес власти. Так, на намеренно наивный вопрос исследовательницы о том, почему обычные люди должны платить за войну, обращенный к участницам «женской» посиделки Алене и Люде, одна из них отреагировала следующим недвусмысленным комментарием: «Ты у меня спрашиваешь? Ты спроси у правительства!» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Чаще всего наши собеседники начинают критиковать войну, делясь «инсайдерской» информацией от знакомых на фронте, которая не совпадает с официальным пропагандистским образом «СВО». Так, тридцатилетний сотрудник автосервиса Витя пылко объяснял остальным присутствующим в гостях у Тони: «Что по телевизору говорят — это все хуета! Парни, все которые сейчас там воюют, они говорят, что не надо верить никому. То, что наше министерство обороны докладывает, что у нас минимальные потери — это все залупа. Народу каждый день гибнет с их и с нашей стороны очень много» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). В условиях маленького города, где у почти у всех есть знакомые, которые напрямую соприкоснулись с войной, пересказы подобных свидетельств «из первых уст» регулярно циркулируют в городском сообществе.

Ситуация войны актуализировала для некоторых жителей Черемушкина украинское происхождение других горожан. На «женской» посиделке присутствующие в какой-то момент стали обсуждать местную жительницу, которая переехала в Черемушкин из Украины после событий 2014-го года. С точки зрения Алены и Марины, люди с украинским паспортом наслаждаются большими финансовыми преимуществами: «Ипотеки-хуетки, у нее все есть теперь. Им-то — нате, пожалуйста. А нам — обратиться, и вот тебе — шиш». Интересно, что девушки противопоставляют вдруг ставших чужими украинцев россиянам именно — и только — в экономическом аспекте (а не в политическом или, например, этническом). За все время пребывания в Черемушкине исследовательница ни разу не слышала, чтобы кто-то с пренебрежением или подозрением отзывался о местных жителях с украинскими корнями. Лишь понятный, «близкий к телу» денежный вопрос заставил собеседниц вообще выделить знакомых украинцев в отдельную группу.

Схожим образом в «мужской» компании Витя и Артем припомнили тему Украины, когда обсуждали дороговизну подведения газа в Черемушкине. «Газ в России — ебанный в рот», — возмутился Витя. «Подвести-то подведут, а чтобы домой-то залетело — две сотки», — подхватил его Артем. «Хотя вон уже давно — парни, блять, сейчас кто на войне, там они говорят: “Трубы, блять, на Украине кругом трубы кинуты!”», — развил

мысль Витя. «И в деревне», — добавил Артем, и Витя согласился: «Да, а в деревнях, блять, га-а-аз, блять! На Украине!» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). Именно неожиданная экономическая разница в базовых бытовых условиях вызвала у юношей подлинные эмоции возмущения, тогда как предлагаемый властям образ украинцев как «врагов» не использовался ни разу.

Итак, война периодически врывается в привычную повседневность жителей Черемушкина и создает различные поводы для обсуждений. В силу небольшого размера и плотности сообщества разговоры циркулируют в городе, и информация, передаваемая в них, становится частью общего знания. При этом внимание жителей приковывает довольно ограниченный набор тем: прежде всего смерть, деньги, а также семья и отношения. Война, таким образом, интегрируется в уже существующий социальный порядок маленького города, где принято регулярно обсуждать знакомых. Хотя война и «подливает масла» в привычную рутину, провоцируя моральные и критические оценки обсуждаемых событий, по большей части, люди фокусируются на знакомых темах, которые интересуют и волнуют их и вне контекста войны.

Блогеры, мужики, калаши и стихи

Как уже было отмечено, среди большинства жителей Черемушкина «политика» — нечастая тема для разговоров. Наша исследовательница обнаружила у своих собеседников целый арсенал фраз для блокировки обсуждений «острых» тем: «Давайте закроем тему насчет этой политики, мне хватает в телевизоре», «Все, давайте только не о войне», «Мы простые люди, мы мало что понимаем в политике» и так далее. Конечно же, в Черемушкине есть и жители, которые в этом аспекте отличаются от большинства. Например, это небольшой круг тоновых оппозиционно настроенных друзей: Паша, который занимается автомобильным бизнесом и часто ездит в Москву, и Коля, харизматичный персонаж, значительная часть социализации которого пришлось на детскую исправительную колонию.

Вечер в их компании отличался от остальных посиделок, на которых бывала наша исследовательница. Присутствующие сами завели разговор на политические темы и обсуждали их большую часть вечера. Паша, Коля и Тоня обменивались мнениями относительно последних новостей и высказываний различных оппозиционных блогеров. Было заметно, что им интересно и приятно спорить друг с другом, шутить, пускаться в критику и травить политические и исторические байки. Для друзей, которые не

ставят позиции и интересы друг друга под сомнение, а также находятся в общем информационном поле, обсуждение политики — часть регулярного опыта и идентичности.

Впрочем, и те жители Черемушкина, для которых политика — это прежде всего то, чего «хватает в телевизоре», обсуждают войну по-разному в зависимости от своего социального и индивидуального опыта. Например, женские и мужские разговоры, а также высказывания молодых или пожилых людей отличаются друг от друга. Различия становятся особенно заметны, когда люди с уровня обсуждений местных новостей и обобщенных утверждений (например, сожалений о том, что «детей воевать отправляют») переключаются на личный уровень, как бы «примеряя» войну на себя.

Женщин, с которыми успела познакомиться наша исследовательница, волновала, прежде всего, проблема целостности семьи. Для них война представляет конкретную угрозу — остаться без мужа или без сына. Так, на «женской» посиделке Люда эмоционально воскликнула, обращаясь к своему сыну (который не принимал участие в посиделке, но все присутствующие знали, что он обдумывал перспективу пойти на войну): «Люди идут в армию, чтобы воевать из-за денег. Да хуй я тебя отправлю из-за денег воевать!» Алена тут же подхватила слова Люды, обращаясь к воображаемому партнеру, «мужику»: «Нахуй мне твои деньги, блять? Я сама заработаю эти 20 тысяч и буду знать, что у меня все есть, и семья у меня здоровая. И сама себе куплю эти сережки, и мужик рядом со мной будет. Я своего мужика никогда не отправила бы на верную смерть!» Участницы разговоры солидаризируются друг с другом как женщины, споря с предполагаемой «мужской» логикой, в рамках которой война — это легкий заработок. «Вы идете из-за денег? Да нахуй они нужны вам такие?» — снова обратилась к воображаемым мужчинам Алена, и Люда согласилась с ней: «Они идут тупо из-за денег. У меня ребенок сказал: я пойду на “СВО”. Я говорю: да я, сука, не встану, блять, я костями лягу, но ты хуй куда пойдешь». Алена продолжила, на этот раз пародируя «мужчину»: «“Я лучше там заработаю. Я заработаю там 200 тысяч, чем я буду здесь пахать на пилораме” [отвечая ему] Да ты лучше паши на пилораме!» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

В гостях у Тони медсестра Жанна обсуждала войну не только в свете перспективы потери близких, но и с профессиональной точки зрения. Она признавалась, что ей было бы «интересно» отправиться работать медсестрой на фронт: «Прикинь, я вот там одна, и у меня выбор есть —

спасти человека, и все делаю я одна!» Однако и Жанна дала понять, что ее основной приоритет — это семья: «Мне кажется, что я бы поехала, если бы не было семьи у меня».

Во время похожей посиделки, но уже в «мужской» компании, ее участники Витя, Артем и Леша мало интересовались темой семьи, зато активно обсуждали «техническую сторону» войны — оружие, транспорт, обмундирование, обустройство лагеря, а также красочные, с их точки зрения, эпизоды боевых столкновений. Юноши обменивались впечатлениями о содержании документальных видео с фронта, которые они периодически смотрят. Они с азартом спорили о «гранатах», «калашах» и «пулеметных гнездах». Казалось, что война, о которой молодые люди знают по коротким видео и рассказам знакомых, является для них чем-то вроде любопытного сериала с подчеркнуто «мужскими» атрибутами — оружие, машины, перестрелки (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

Еще один пример того, как по-разному обсуждается война людьми с разным социальным опытом — беседа со старшей подругой Тони Любовью Васильевной, пенсионеркой, много лет проработавшей в Доме культуры. Как и другие собеседницы-женщины, она переживала войну как угрозу семье: «Я не знаю, где теперь — вот столько уже убито — где девчонкам-то украинским женихов-то брать? Где женихов-то брать, если они все перебиты?» Во время разговора она также сетовала, что умерший молодой юноша из Черемушкина не успел «оставить ребеночка» (мы уже писали об этом выше). Для Любви Васильевны целостность семьи — настолько значимый вопрос, что в рассуждении на эту тему даже разногласия с вражеской страной временно теряют для нее свою важность. В первой из приведенных цитат она выражает сочувствие украинцам несмотря на то, что в целом оправдывает войну и считает Украину «врагом». Пропагандистские объяснения войны из телевизора моментально отходят на второй план, когда речь заходит о том, что по-настоящему волнует собеседницу.

Более того, Любовь Васильевна воспринимает войну через свое советское воспитание и опыт культурной работы. Для нее «война» — это прежде всего Великая Отечественная война. И волнует она ее в первую очередь как сюжет в искусстве — как тема, с которой она, в силу своих интересов и профессиональной деятельности в отделе культуры Исполкома, работала всю сознательную жизнь (ее и до сих пор регулярно приглашают на различные городские мероприятия выступить с речью, прочитать стихотворение о Великой Отечественной или о войне в Афганистане). Во время разговора с Тоней и нашей исследовательницей Любовь Васильев-

на, вдохновленная воспоминаниями о советской молодости и о всеобщем увлечении творчеством, решила прочитать девушкам стихотворение [Константина Симонова «Открытое письмо»](#). Это стихотворение описывает историю женщины, решившей не дожидаться мужа с войны и уйти к другому. Перед прочтением Любовь Васильевна воскликнула: «Причем этот стих актуален до сих пор! Война идет сейчас, то есть до сих пор актуально». А уже после прочтения добавила: «Это 1943-й, по-моему. А сейчас идет война на Украине. Девчонки, жены — ждите! Не поступайте по-свински, чтобы он денежки перечислял, а вы тут. Вот в советское-то время за нравственностью следили». Любовь Васильевну интересует прежде всего само стихотворение и возможность поделиться им с собеседниками. Она использует войну с Украиной как «иллюстрацию», позволяющую ей сделать содержание стихотворения актуальным для «молодого поколения». Иными словами, факт «новой» войны как бы приходится кстати и добавляет стихотворению очков; не стихотворение становится комментарием к войне, а наоборот. Несмотря на то, что связь между ВОВ и «СВО» — это часть современной российской пропаганды, наша собеседница выстраивает ее совсем по-другому: ей не интересны «борьба с фашистами», «защита Родины» и «поддержка фронта тылом». Подлинные эмоции у Любви Васильевны, в силу личных интересов и профессиональной биографии, вызывает советская военная поэзия и тема супружеской верности.

***

По наблюдениям нашей исследовательницы и свидетельствам ее собеседников, люди в Черемушкине «устали от войны». В городском ландшафте практически не осталось ее видимых признаков, горожане реже стали обсуждать войну в интернете и между собой. Заметно поутихла институциональная поддержка войны: публичные мероприятия на эту тему либо проводятся «на бумаге» и не привлекают широкого общественного внимания, либо сохраняют лишь формальную оболочку, утрачивая военно-патриотическое содержание и растворяясь в привычных, обкатанных десятилетиями форматах с минимальными намеками на актуальный политический контекст. Редкие исключения в виде идеологически заряженных пространств вроде церкви пользуются спросом у ограниченного круга регулярных прихожан.

Вместе с тем полностью забыть о войне в условиях маленького города невозможно. Известия о смертях и отправке на фронт знакомых ментально становятся достоянием общественности и создают резонанс. Гибель местных жителей, разумеется, вызывает коллективные эмоции. Война также затрагивает знакомые и понятные людям жизненные сферы:

семейные отношения и заработок. Создаваемые войной события локальной жизни — от смертей и любовных измен до известий о зарплатах, покупках и трагах знакомых — бросают вызов привычной рутине и заставляют горожан оценивать их с моральной точки зрения и переутверждать действующие социальные нормы.

В зависимости от своего социального и индивидуального опыта горожане интересуются разными аспектами войны. Лишь для небольшого круга оппозиционно настроенных черемушкинцев политические и медийные события становятся объектом внимания и служат темой регулярных обсуждений, в то время как большинство жителей стараются избегать разговоров о политике. Женщины смотрят на войну как на угрозу целостности семьи, здоровью и жизни мужей и сыновей. Юноши, чьи знакомые делятся с ними новостями с места событий, проявляют больше любопытства к «внутренней кухне» войны: видео перестрелок, типы оружия, транспорт, довольствие и так далее. Люди старшего поколения, носители условной «советской» культуры, могут мыслить нынешнюю войну через устойчивый набор образов войны Великой Отечественной.

Так или иначе, жители Черемушкина проявляют эмоции в отношении войны и жалуются на нее. Людей расстраивает, что на войне погибают юноши, что их отправляют на смерть, а также возмущает необходимость самим покупать обмундирование, оружие, еду и одежду. В целом, все готовы подписаться под тем, что война — это «плохо» и «страшно»; некоторые собеседники, в частности, признавались в том, что не могут понять смысл этой войны. Наконец, большинство наших собеседников согласны в том, что на войну с Украиной люди идут либо вынужденно (если забрали), либо ради заработка, либо от плохой жизни (например, если не получилось ничего добиться, создать семью и т.д.). Подобная критика, однако, не заставляет людей усомниться в необходимости и неизбежности войны и не влечет за собой критику российской власти. В ответ на некомфортные вопросы о «политическом» смысле войны большинство собеседников риторически защищаются с помощью различных предлагаемых пропагандой штампов (которые, что показательно, не привлекаются ими, когда они обсуждают проблемы, которые им по-настоящему понятны и близки). Эта тема будет подробно разобрана нами во второй части отчета.

1.2. Республика Бурятия: «У меня из друзей — все воюют»

1.2.1. Введение: Республика Бурятия, Улан-Удэ и село Удург

Республика Бурятия граничит с республикой Тыва, Иркутской областью, Забайкальским краем и Монголией. Из-за приграничного расположения в регионе присутствует большое количество воинских частей: Бурятия является территорией постоянной дислокации нескольких бригад Восточного военного округа. Количество этнических бурят в российской армии значительно больше их доли в составе населения России: они [составляют](#) 0.6% военнослужащих и только 0.34% населения.

Бурятия — это мультиэтничный и мультирелигиозный регион, в котором проживает почти миллион человек. В республике сосуществуют сразу три популярные религии: православие, буддизм и шаманизм. И хотя последние традиционно являются верованиями бурят, русское население региона тоже ходит на приемы к ламам и шаманам.

Регион потерял часть своей территории и бурятского населения в результате политики укрупнения 2008 года, когда Усть-Ордынский и Агин-Бурятский автономные округа, ранее бывшие частью республики, были присоединены к Иркутской и Читинской области соответственно (Читинскую область впоследствии переименовали в Забайкальский край). Сейчас около трети бурят проживают за пределами республики Бурятия, а коренные этнические общности республики — буряты (30,61%), эвенки (менее 1%) и сойоты (менее 1%) — по численности уступают населению, идентифицирующему себя как русские (59,45%). В 2017 году бурятский и другие языки национальных меньшинств перестали быть обязательными для изучения в школах.

Бурятия является небольшим по размеру и количеству населения регионом с сильными горизонтальными связями. Сила семейных связей и давление ближайшего окружения были [важным фактором](#) принятия решения об отъезде или возвращении в регион после начала частичной мобилизации. По словам местных активистов, сильные горизонтальные связи также делают участие в любых протестных мероприятиях более [рискованным](#), потому что последствия могут затронуть не только непосредственных участников, но и их семьи. Поэтому даже те, кто покинул регион, часто боятся критиковать действия российского правительства.

Наконец, Бурятия входит в число регионов, которые [сильнее всего пострадали от войны](#). В марте 2022 года число погибших бурят составило [3,5% от общего числа российских потерь](#), в то время как их доля в населении страны всего лишь 0,3%. В то же время среди русских в Бурятии также непропорционально высокие потери. Во время частичной мобилизации жители Бурятии призывались в два с половиной — три раза чаще и погибали в семь раз чаще, чем жители других регионов.

Этнографическое исследование в республике Бурятия длилось чуть больше месяца. За это время наша исследовательница провела включенное наблюдение и поговорила с жителями республики в столице региона Улан-Удэ (около 435 000 человек) и в селе Удург (10 тыс. человек).

Улан-Удэ является третьим по величине городом дальневосточного федерального округа, частью которого Бурятия стала в 2018 году. Вокруг Улан-Удэ на многие километры раскинулась огромная пригородная зона, неконтролируемо растущая в последние полтора десятилетия. Около половины всего населения Бурятии сконцентрировано в ее столице. Согласно довоенным [исследованиям](#), миграция людей из сел и небольших городов в столицу региона стремительно росла на протяжении последних десяти лет, что привело к разрастанию частного сектора в Улан-Удэ и ухудшению городской экологии, в частности — смогу в течение всего отопительного сезона из-за древесного и угольного отопления. Улан-Удэ традиционно является не только промышленным, но и торговым городом.

Село Удург пользуется спросом у туристов, особенно летом и ранней осенью. Рядом с Удургом нет крупных промышленных предприятий, а экономическое производство ограничено животноводством и обработкой древесины. В селе есть несколько супермаркетов (региональные гиганты), локальные магазины электроники и товаров для дома, аптеки, множество кафе, салоны красоты, гостиницы, пункт выдачи Wildberries, а также культурные учреждения бюджетного сектора: библиотека, ДК, спортзал, центр дополнительного образования для детей. Многие местные заведения — как бюджетные, так и коммерческие — пользуются дополнительной поддержкой государства: получают федеральные гранты, участвуют в программе поддержки малого и среднего предпринимательства «Мой бизнес».

Этническая, локальная и национальная идентичности

Еще до объявления мобилизации и даже до февраля 2022 года присутствие бурятских военных на территории Украины было обсуждаемой темой в оппозиционных российских медиа и за рубежом. Довольно распространенной в этих обсуждениях являлась антиколониальная перспектива, согласно которой доминирующее русское население во главе с Москвой использует как расходный материал представителей национальных меньшинств, в частности, бурят. Однако в разговорах с жителями Бурятии наша исследовательница почти не заметила подобных настроений. Без наводящих вопросов про национальную дискриминацию первыми на эту тему не начинали рассуждать даже информанты антивоенных и условно оппозиционных взглядов. Время от времени информанты-буряты старше 30 лет высказывали сожаление, что бурятский язык и культура постепенно забываются, и дети все чаще не знают языка. При этом наша исследовательница, сама выросшая в национальной республике (где интерес к национальной культуре и языку трудно назвать хоть сколько-нибудь массовым), была удивлена распространенностью бурятских слов среди подростков и молодежи: для молодых жителей республики знать язык и интересоваться традициями бурят является чем-то «модным», почетным. Один из собеседников нашей исследовательницы из Улан-Удэ отметил всплеск интереса ко всему бурятскому в республике, связав это в том числе с вниманием мировой общественности к Бурятии после начала войны.

При этом Бурятию можно отнести к регионам с выраженной государственнической идентичностью: это означает, что люди ассоциируют себя с государством сильнее, чем с какой-либо другой группой, верят в то, что государство представляет их интересы, и считают, что оно должно управлять их коллективной жизнью. Лояльность государственным структурам, таким как школа, университет или местная администрация, это то, что наша исследовательница не раз замечала во время своего пребывания в Бурятии. Можно предположить, что важную роль в поддержании лояльности российскому государству сыграли несколько факторов. Буряты были «образцовым меньшинством» в СССР: уровень образования в республике был одним из самых высоких. Обратной стороной этого стало ослабление бурятской культуры и упадок языка, в то время как лояльность Кремлю и российскому государственному аппарату превратилась в один из важнейших компонентов региональной и этнической идентичности. Из-за экономической ситуации, которая ограничивает карьерные возможности, усиливая присутствие бюджетного сектора (в том числе армии), государство также оказывается одним из важнейших игроков, обеспечивающим стабильность и пусть небольшой, но доход жителям региона.

Наши данные не дают нам возможности делать предположения о различии в восприятии войны между представителями двух основных этнических групп — русских и бурят. Выводы и наблюдения, описанные ниже, касаются жителей региона независимо от их этничности. Для того чтобы сохранить информацию об этнической принадлежности информантов, мы заменяли их имена с учетом этничности.

Война и экономическая ситуация

С появлением первых расследований о соотношении призванных на войну из разных регионов Российской Федерации стало известно, что Бурятия (наряду с Дагестаном, Калининградской областью и Красноярским краем) [лидирует](#) по количеству мобилизованных в 2022 году. По количеству погибших (данные на [апрель 2024 года](#)) Республика Бурятия также входит в первую пятерку. «Важные истории» совместно с Conflict Intelligence Team [выявили](#) статистически значимую отрицательную связь между среднедушевым доходом и количеством мобилизованных по регионам (чем меньше доход — тем больше мобилизованных). Бурятия наглядно иллюстрирует эту тенденцию: республика [находится](#) в последней трети рейтинга по доходам населения и [входит](#) в первую десятку регионов по количеству населения с денежными доходами ниже границы бедности.

Кроме прочего, на протяжении последнего десятилетия Бурятия находилась в ряду российских регионов с высоким уровнем безработицы. После начала российского вторжения в Украину уровень регистрируемой безработицы в Бурятии снизился даже в сравнении с доковидными временами: с [9,2%](#) в 2019 году до [5,3%](#) в 2023 году. Однако Бурятия все еще остается в числе лидеров по безработице в Дальневосточном федеральном округе: в среднем на трудоустройство у активно ищущих работу жителей республики уходит [более семи месяцев](#).

Промышленность является [ведущей отраслью](#) экономики Бурятии, принося треть налоговых поступлений в бюджет. Но если посмотреть на [динамику](#) регистрируемой занятости населения, то количество людей, занятых в обрабатывающей и добывающей промышленности, сокращается, тогда как, например, количество работающих в оптовой и розничной торговле, в сфере государственного управления и обеспечения военной безопасности, в строительном, гостиничном и ресторанном бизнесе растет. Эта тенденция прослеживалась еще до войны — большая часть официально занятых приходилась на бюджетный сектор, электроэнергетику и торговлю.

В первые дни пребывания в регионе наша исследовательница была неприятно удивлена ценами на продукты в местных магазинах. При низком уровне зарплат, дотационном бюджете региона и высокой безработице местные цены были сравнимы со столичными, а порой даже превышали последние. Исследовательница сначала предположила, что это могло быть как-то связано с войной, но затем, после бесед с жителями Улан-Удэ, убедилась, что проблема высоких цен существовала задолго до 2022 года.

Чтобы выжить при московских ценах и периферийных зарплатах, многие берут кредиты. Согласно российским исследованиям [кредитоспособности населения](#), Бурятия является одним из самых неблагополучных регионов по соотношению подушевой кредитной нагрузки, уровня месячных зарплат и стоимости жизни. Один из собеседников нашей исследовательницы как-то признался, что не встречал ни одного человека в республике, у которого бы не было кредитов (этнографический дневник, Удург, ноябрь 2023).

Жители Бурятии также находят спасение в рождении детей и пособиях по уходу за детьми, которые в последние годы стали превышать зарплаты. Одна из жительниц Удурга рассказывает: «У нас [в МФЦ] было вакантное место и, услышав про заработную плату, многие говорили: “Я лучше буду пособие [по уходу за детьми] получать”. Потому что там зарплата 23 тысячи, а ты пособиями получаешь около 40 — выбор очевиден» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удург).

Несмотря на высокую безработицу, жители республики и исследователи, приезжавшие в регион еще в довоенное время, отмечали факт [кадрового голода](#) в регионе ввиду низких зарплат. Еще одна причина кадрового голода — стабильный миграционный отток из Бурятии, который начался задолго до февраля 2022 года. Из-за низких зарплат и отсутствия подходящей работы многим приходится уезжать и/или переквалифицироваться:

«У нас такая тенденция, что если это касается мужчин, то большая часть мужского населения, они работают вахтовым методом. То есть люди, которые имеют достаточно хорошее образование, высшее образование, они все равно уезжают куда-то работать и зарабатывать» (ж., 43 года, врач, Улан-Удэ).

Мобилизация только усилила миграцию из региона. Однако среди бежавших от мобилизации, по рассказам информантов, есть много тех, кто вернулся обратно, не сумев успешно обосноваться в других странах или регионах России. Азиатское направление (Южная Корея, Монголия, Та-

иланд, Китай) было популярно среди уезжающих из Бурятии еще до 2022 года, и мобилизация этого не изменила. Реже информанты рассказывали про знакомых, уехавших в США, Грузию и Израиль.

В 2018 году республика Бурятия и Забайкальский край указом президента были исключены из состава Сибирского федерального округа и переданы в ведомство Дальневосточного. Одним из последствий этого стало то, что в республике начала действовать льготная дальневосточная ипотека. Ажиотаж вокруг рынка жилья, а также рост цен на стройматериалы в период пандемии спровоцировали беспрецедентное увеличение цен на квартиры и дома. Впоследствии даже с условиями льготной ипотеки многим людям стало невыгодно приобретать квартиры в Улан-Удэ, что увеличило миграцию из республики в другие регионы и крупные сибирские города.

Таким образом, война во многом усилила тенденции, уже существовавшие в регионе, а они, в свою очередь, внесли вклад в восприятие войны: низкие зарплаты, высокие цены, в том числе на жилье, привычное отношение к вахтовому типу работы для мужчин и большое количество свободной рабочей силы создали благоприятные условия для того, чтобы мобилизация воспринималась как альтернативная возможность высокооплачиваемой занятости. Сильная региональная идентичность, подчиненная идентичности государственной, и сильные горизонтальные связи также внесли вклад в то, как жители республики отреагировали на войну. Мы покажем, как это отразилось на восприятии войны, в следующих разделах.

1.2.2. Война в публичном пространстве

Городской ландшафт на фоне войны

Пока наша исследовательница ехала в поезде Москва-Улан-Удэ, она регулярно слышала разговоры соседей про войну. Именно поэтому отсутствие разговоров о войне в публичных местах в самой Бурятии сразу бросилось ей в глаза. За все время пребывания в республике наша исследовательница не услышала ни одного обсуждения войны с Украиной на улицах, в магазинах, кафе и других местах такого рода.

Провоенные символы, как в городе, так и в селе, тоже встречались нечасто. В центре Улан-Удэ, на знаменитом памятнике, известном в народе как «Голова Ленина», красовалась огромная буква V, а на одном из зданий у центральной площади висел баннер с лозунгом: «Бурятия За правду / #СвоихНеБросаем». Это были единственные провоенные символы, замеченные нашей исследовательницей. По свидетельствам местных

жителей, в первые дни войны на «Голове Ленина» появилась буква Z, которая вскоре была сорвана неизвестным. Один из собеседников нашей исследовательницы, знакомый с работником местной администрации, предположил, что покушение на букву Z было совершено региональными патриотами, якобы потому, что Z является символом Западного военного округа, а V — своего, Восточного. Вскоре Ленина снова нарядили, но уже в букву V. В отличие, однако, от Черемушкина в Свердловской области (см. раздел 1.1.1), на улицах как Улан-Удэ, так и удаленного от столицы Удурга часто встречалась реклама контрактной службы в армии. Кроме того, в Улан-Удэ наша исследовательница периодически замечала мужчин с Z-нашивками на одежде, провоенные наклейки на автомобилях, флаги России на жилых домах и георгиевские ленточки на сумках у прохожих. Публичное пространство села выглядело стерильным по сравнению с городом — там о войне напоминала только реклама контрактной службы. Ни в Улан-Удэ, ни в Удурге исследовательница не заметила антивоенной символики в публичном пространстве.

Находясь в Бурятии, наша исследовательница следила за несколькими региональными новостными телеграм-каналами. В одном из них, казавшемся наиболее нейтральным (не прогосударственным, но и не оппозиционным) и популярным среди жителей, подписчики обсуждали новости в немодерируемых комментариях. Однако, несмотря на то, что в канале встречались как анти-, так и провоенные комментарии, они, за редкими исключениями, не привлекали внимания аудитории и не провоцировали дискуссии. Казалось, что война не вызывает большого интереса у жителей республики.

Общественные мероприятия и война

Наша исследовательница активно искала официальные мероприятия, так или иначе посвященные войне, — но, как и в других регионах, найти что-то подобное оказалось не так просто. Ее собеседники тоже не могли вспомнить провоенных событий за последнее время. По их наблюдениям, люди вокруг устали от войны и не хотят участвовать в мероприятиях, которые будут напоминать им о ней. И, напротив, среди жителей республики постепенно появился запрос на мероприятия, которые бы позволили на время забыть о проблемах и отвлечься. Так, руководительница Дома культуры в селе Удург рассказала нашей исследовательнице, что в начале войны и артисты, и зрители перестали на какое-то время участвовать в культурной деятельности — но постепенно культурная жизнь в селе возобновилась:

«Да, мы боялись, [что люди перестанут ходить на мероприятия в ДК], но люди не перестали ходить, нет. Наоборот, мы как-то сплотились, могу так сказать. Люди приходят, **им не хочется думать о плохом, они приходят отдыхать**» (ж., 60 лет, работница культурной сферы, Удург).

За те две недели, которые наша исследовательница провела в селе Удург, там состоялось множество общественных мероприятий — фестиваль детских спектаклей, диктант на бурятском языке, спортивное соревнование, творческие встречи с местными поэтами и так далее — но ни одно из них (за исключением разве что соревнований) не затрагивало ни военную, ни патриотическую проблематику. Как призналась все та же руководительница местного ДК, «есть указание сверху, говорят об этом — провести что-то, и мы проводим определенного характера мероприятия». Но дальше она добавила:

«А так — стараемся как-то немножко нейтрализовать это напряжение. Если все время думать об этом... А у кого-то брат, сестра, отцы там находятся. [И так] все время об этом думать [приходится], а еще и со сцены?» (ж., 60 лет, работница культурной сферы, Удург).

В местном центре дополнительного образования на стене одного из классов исследовательница обнаружила детские рисунки, посвященные «специальной военной операции». Преподаватели не без гордости объяснили исследовательнице, что у них занимаются очень активные ребята, которые принимают участие в разнообразных патриотических конкурсах и активностях. Чуть позже исследовательнице и самой удалось застать местных школьников за одним из «патриотических занятий» — плетением сетей, — которое проходило в местной церкви. Вскоре выяснилось, однако, что в церковь их привела учительница, а сами дети выглядели скучающими — казалось, они мечтают как можно скорее оказаться дома. Исследовательница поделилась этим наблюдением с Мэргэн, своей ключевой собеседницей, одной из преподавательниц того самого центра дополнительного образования. Оказалось, что Мэргэн спрашивала «у своих ребят» об их отношении к войне и выяснила, что они «все поголовно негативно относятся» (этнографический дневник, Удург, ноябрь 2023).

В столичном Улан-Удэ нашей исследовательнице все-таки удалось найти несколько мероприятий, прямо или косвенно связанных с войной. Одними из первых она посетила публичные проводы в армию. Проводы организовала группа молодых городских музыкантов для своего товарища, но каждый желающий мог приобрести билет на это «твор-

ческое мероприятие». Оказавшись на месте — мероприятие проходило на территории звукозаписывающей студии в центре города, — исследовательница стала старательно прислушиваться к разговорам, завязывающимся между собравшимися. Уж здесь-то люди должны обсуждать войну! — казалось ей. Но не тут-то было. На проводах царил атмосфера праздника: собравшиеся играли в игры, танцевали и произносили тосты, в каждом из которых они хвалили человеческие качества Баатара, виновника торжества, желая ему стать еще лучше в будущем. Спустя несколько часов у исследовательницы появилось ощущение, что она очутилась на дне рождения, а не на проводах в армию во время войны: участники выглядели веселыми и беззаботными, словно позабыв о серьезном поводе для встречи. Только поговорив с Баатаром один на один, она узнала, что он не разделяет общего воодушевления. Она записала в своем дневнике:

«Я спросила, хочется ли ему идти в армию. Он ответил, что у него все в семье военные и что все братья старшие сейчас воюют в Украине. И хотя он прямо этого не сказал, но смысл я уловила такой, что у него как будто особо и нет выбора. “Раньше я действительно хотел, но чем меньше времени остается до службы, тем меньше хочется туда”, — признался Баатар» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

При этом из такого же частного разговора с девушкой Баатара исследовательница узнала, что тот всерьез рассматривает возможность подписать контракт и уйти на войну. Девушка призналась исследовательнице, что очень переживает за своего молодого человека и пытается отговорить его от этого решения. Другие же участники мероприятия, в том числе близкие товарищи Баатара, вероятно, посвященные в его планы, не обсуждали это ни с исследовательницей, ни между собой.

Продолжив регулярно общаться с этой компанией и после мероприятия, исследовательница смогла понять, что большинство друзей Баатара были против войны. Но они избегали говорить и думать об этой «тяжелой» и «депрессивной» теме, предпочитая заниматься неполитическим искусством. Война в Украине была публично упомянута участниками вечеринки по случаю проводов в армию перед самым ее завершением, после употребления множества алкогольных напитков, в первый — и в последний — раз. «Вот это классная песня! — сказала Жалма. — Называется “Амара”, буквально “отдохни”. В конце они поют: “Кому нужна война? Никому, конечно!”» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

В Улан-Удэ нашей исследовательнице все-таки удалось посетить одно мероприятие, которое было связано с войной непосредственно. Так называемый «День отца» был посвящен мужчинам, потерявшим на войне своих сыновей, и состоял из трех частей: открытия фотовыставки «Отец героя», праздничного концерта с вручением грамот отцам погибших комбатантов от главы республики, и чаепития. Организатором мероприятия выступил бурятский филиал фонда «[Защитники отечества](#)». В программу концерта входило награждение отцов, чьи сыновья получили звание «героев» посмертно. Такие награды получили пятнадцать человек. В зале собралось около 150 человек — больше, чем ожидали организаторы. Оставшаяся часть концерта состояла из любительских номеров. На сцене выступили социальные работники, демобилизованные солдаты, юный финалист вокального телевизионного конкурса, квазифольклорный казачий ансамбль и региональные эстрадные исполнители. За концертом последовало чаепитие, куда пригласили всех гостей. Простота и душевность чаепития и концерта контрастировали с официальным языком героизации погибших и их отцов, которым пользовались ведущие и выступающие со сцены чиновники. Например, перед вручением благодарностей отцам ведущая концерта произнесла:

«Отец — защитник, отец — кормилец, отец — первый советчик в самых разнообразных вопросах. Он помогает нам с детства познавать окружающий мир, осваивать навыки. <...> Их поступки, их дела, их вклад в общее дело — это важная часть достижений нашей республики, которые делают нашу страну крепче и богаче!» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Фотовыставка состояла из постановочных фотопортретов отцов с любимыми вещами их погибших сыновей.

Исследовательница не могла избавиться от ощущения странного, как будто бы неестественного сочетания личной трагедии, переживаемой семьями погибших, и бюрократического языка организаторов мероприятия, говоривших о патриотическом воспитании, долге, наследии для потомков и поручениях президента. Она записала в своем дневнике:

«Меня не покидали ассоциации с поминками на похоронах. Однако люди вокруг, кажется, не воспринимали это как поминки. Без знания ситуации и контекста я бы решила, что нахожусь в каком-то фуршете в музее. Люди улыбались, вели светские беседы. Волонтеры наливали всем чай. Я съела пару бутеров с сыром

и пошла в сторону раздевалки. В фойе на стойке информации взяла брошюру, рекламирующую контрактную службу» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

В середине октября прокремлевские медиа республики Бурятия транслировали [сюжет](#), ушедший в народ под лозунгом «Буряты не бегут». Региональные СМИ обратили внимание на короткий комментарий Владимира Путина, который тот дал журналисту после встречи с бойцами из Бурятии в конце сентября 2023 года. По словам президента, он удивился и растрогался, когда в ответ на его благодарность за стойкость в бою «русский по национальности» военный из Бурятии скромно констатировал: «Буряты не бегут». Во время этнографической экспедиции в Бурятию наша исследовательница неоднократно сталкивалась с отсылками к этому сюжету в разговорах с жителями республики. Отсылки звучали как в связи с темой войны, так и вне связи с войной — эта история успела стать своеобразной «визитной карточкой» региона.

Местные чиновники тоже стали использовать риторический оборот «буряты не бегут» в публичных речах в отрыве от СВО-контекста. Так, в Удурге наша исследовательница посетила спортивный конкурс, в котором принимали участие команды различных бюджетных организаций района. Ничто на нем не напоминало о войне, и само мероприятие пропагандировало вовсе не милитаризм, а здоровый образ жизни. На открытии соревнования с мотивационными речами выступили три чиновника — заместитель руководителя администрации села, заместитель председателя народного Хурала Республики Бурятия (парламент республики) и заместитель председателя комитета народного Хурала Республики Бурятия по государственному устройству, местному самоуправлению и вопросам государственной службы. Первые двое говорили про ценность здорового образа жизни, дружбы и взаимопомощи, про гордость за спортивную активность жителей села, третий же выступил с наиболее политизированной речью:

«Я очень рад, что мне посчастливилось поработать в управлении образования [название района] два года. Я знаю своих земляков, знаю, насколько это активные и целеустремленные, умные, порядочные люди — мои земляки. Вот сколько я проезжаю по всей республике, я всегда знаю, что вот у нас... бурятская тема такая подъемная, да. Вы слышали, что **Владимир Владимирович Путин сказал, да, по центральному телевидению “буряты не бегут”**. И вот именно такое слово “буряты не бегут” говорит о нашей нации, независимо от того, мы русские, мы буряты, мы татары, да, это вот у нас внутри создано такое отношение

между нашими народами, которые проживают в Республике Бурятия. **Это мы — буряты, не бежим никуда, мы назад не даем.** И вот сегодня вот с такой же целью хочу сказать, что **нужно идти вперед, добиваться победы, стремиться всегда идти к лучшему!** И я хочу, чтобы вы говорили на своем родном языке. [говорит по-бурятски]. Я хожу в школу, захожу в магазины, я говорю: “[говорит по-бурятски]”. И давайте мы просто у себя, у себя, как люди будем [говорит по-бурятски] говорить. Сегодня я был во второй школе. И меня дети тоже порадовали. Я говорю: “Сагаалганом!” Они хором: “Са-гаал-ганом!”» (этнографический дневник, Удург, октябрь 2023).

Показательно, что, цитируя лозунг, возникший *в связи* с войной, чиновник перенес его во вневоенный контекст, применив к повседневности земляков и к актуальным для республики дискуссиям о национальной идентичности. Все три чиновника получили одинаковые порции вежливых хлопков от участников соревнования и присутствовавших болельщиков.

Итак, у мероприятий, которые посетила наша исследовательница и в которых всплывала тема войны и/или патриотизма, есть одна общая черта — все они выглядят понятно и знакомо для любого россиянина, в них нет ничего необычного, ничего чрезвычайного. В одном случае («проводы в армию») сами участники избегали темы войны и воссоздавали формат обыкновенного праздника (отсюда сходство мероприятия с днем рождения). Во втором случае («день отца») чиновники постарались сместить акцент с горя от *чрезвычайной* (в условиях войны) потери на *повседневный* героизм отцов погибших солдат. В третьем случае (спортивное соревнование) знаменитый лозунг, рожденный войной, был очищен от своего военного содержания и применен к повседневной жизни бурят — в реальности бесконечно далекой от вопросов внешней политики России.

Военное волонтерство: «Пусть не моему сыну, но хоть кому-то»

Статистики распространенности военного волонтерства в Республике Бурятия (да и в других российских регионах) не существует. Тем не менее, большинство наших собеседников говорили, что они или их родственники так или иначе помогают российской армии: отправляют деньги, покупают необходимое снаряжение или изготавливают его самостоятельно в волонтерских центрах. Активная вовлеченность жителей республики

в помощь фронту (по сравнению, например, с жителями других регионов, в которых мы собирали данные) может объясняться несколькими причинами.

Во-первых, как мы уже писали выше, у большинства жителей есть родственники, друзья или знакомые, которые оказались на передовой. Соответственно, помощь фронту — это в первую очередь помощь близким. Во-вторых, самоорганизованные волонтерские инициативы часто связаны с государственными структурами (например, местная администрация может предоставить им помещение для работы или отчитывается их деятельностью на публичных мероприятиях), а значит, участие в них может становиться «добровольно-принудительным». В-третьих, важную роль играет ощущение ответственности перед другими членами сообщества, часто переживаемое как моральная необходимость прийти на помощь в сложной ситуации.

Нашей исследовательнице удалось провести включенное наблюдение внутри двух волонтерских инициатив: волонтерский центр в Улан-Удэ она посещала на протяжении недели, а волонтерскую группу в селе Удург — в течение трех дней. Обе инициативы изготавливали продукцию для нужд армии на добровольных началах: плели маскировочные сети, шили бронжилеты, под сумки и носилки. Сделанное своими руками они отправляли через другие организации и знакомых в военные части или раздавали желающим местным жителям, собирающимся на фронт, — для этого последние должны были заполнить заявку и встать в очередь.

Основательница волонтерского центра в Улан-Удэ рассказывала, что начала заниматься волонтерством из-за желания как-то помочь близким и знакомым, оказавшимся в зоне боевых действий. К ней тут же присоединились другие жители города, которые начали приносить свои личные вещи, — свадебные платья, шторы или тюль, чтобы использовать их для плетения сетей. Спустя какое-то время они наладили плетение сетей в селе в качестве волонтерской активности для всех желающих. Обе инициативы встроены в плотную ткань социальных отношений: детские сады и кафе отдают им железные банки для окопных свечей, предприниматели и администрация собирают деньги и закупают необходимые материалы, обычные граждане приходят и участвуют в производстве.

Что заставляет жителей республики, в большинстве своем не имеющих никакого волонтерского опыта в прошлом, становиться участниками подобных инициатив? Во-первых, волонтерская деятельность дает им возможность почувствовать хоть какой-то контроль над происходящим. Не будучи в состоянии вернуть своих родственников или остановить во-

йну, люди чувствуют, что делают хоть что-то, как бы парадоксально это ни звучало для внешнего наблюдателя. Одна из участниц волонтерского центра в Улан-Удэ, Инга, рассказала нашей исследовательнице, что присоединиться к волонтерам посоветовала ей знакомая. К знакомой она пришла в слезах после сложного дня: ее муж все не возвращается с фронта, а тут она еще и поругалась с инструктором в автошколе. «Чего ты ревешь? Ты работаешь?» — спросила ее знакомая, и Инга ответила, что не работает. «У вас же там рядом есть этот... Иди сетки плети», — порекомендовала знакомая. Так Инга пришла к волонтерам и действительно почувствовала себя лучше (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Во-вторых, многим людям доставляет удовольствие быть частью сообщества, которое в глазах большинства делает полезное и важное дело, «помогает другим». По наблюдениям нашей исследовательницы атмосфера обеих волонтерских центров радикально отличалась от той, что царила за их пределами: на фоне общей апатии и депрессивности волонтеры казались активными, оптимистичными и самоорганизованными. Наконец, можно предположить, что важной причиной популярности волонтерских инициатив в Бурятии является сильная локальная идентичность (мы — буряты) и разделяемое многими людьми представление о том, что помогать сообществу — нужно и важно.

При этом жители Бурятии участвуют в различных формах поддержки российской армии не потому, что они поддерживают войну. В первую очередь, они хотят помочь «своим»: жителям республики независимо от их этничности. Представление о том, кто входит в группу «своих», постепенно расширялось в течение последних двух лет: от конкретных людей, родственников и знакомых, к жителям того же села или города, и затем к жителям республики в целом. Во время разговора с исследовательницей лама в селе Удург поделился своим наблюдением: в начале войны он видел волонтерок, которые стремились помочь своим близким; теперь же он часто видит, как эти женщины говорят: «Пусть не моему сыну, а хоть кому-то, но достанется, пусть идет в помощь» (этнографический дневник, Удург, октябрь 2023).

Сами волонтеры ожидают от людей, чьи родственники оказались в зоне боевых действий, активного участия в добровольческих инициативах, направленных на помощь армии. Сайна, волонтерка из Улан-Удэ, поделилась с нашей исследовательницей следующей историей: как-то раз в волонтерский центр пришла женщина и стала умолять выдать ей маскировочные сети, потому что «ее боец» на следующий день улетает на фронт. Сайна объяснила женщине, что не сможет удовлетворить ее просьбу: желающих получить сети много, и нужно было заранее записаться в очередь.

В ответ женщина стала плакать. «А чего вы плачете-то? — возмутилась Сайна, — Почему вы сами не приходите и не плетете эти сети? Мы вам дадим материал, дадим сетки — пожалуйста, плетите. У нас рук не хватает. Ради бога, родственников всех свои зовите и плетите, если вашему бойцу нужна маскировочная сеть». Рассказав эту историю, Сайна посмотрела на других волонтеров, присутствующих при этом разговоре, ища их поддержки. И она ее получила. «Слушай, если бы у меня кто-то там был, я бы, наверное, сутками здесь сидела», — сказала Алина, ее напарница (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023). Таким образом, начав с помощи своим близким, волонтеры не просто распространили свою деятельность на помощь всем жителям республики, оказавшимся в зоне боевых действий, но и стали ожидать подобного участия от других.

При этом политическая составляющая войны мало волнует волонтеров (или же они предпочитают не обсуждать ее за работой). Они постоянно общаются друг с другом, пока шьют или плетут сети, но практически не обсуждают новости, и тем более — новости войны. Редкие разговоры о политике касаются происходящего в западных странах, например, изменений курса доллара или влияния ситуации в США и Европе на поддержку Украины. Так, когда часть волонтеров из центра в Улан-Удэ отправились пить чай в соседнюю комнату, исследовательница слышала долетавшие оттуда обрывки разговоров. «В этой, в американской Конституции написано: “Россия — враг номер один”, “Только мы Россию захватим, уничтожим всех, а Китай на втором месте уже по уничтожению”. Они нас не просто на коленки хотят поставить, а уничтожить», — громко возмущалась Катерина. «Угу, — подтвердила Инна, — Ни фига им это не удастся!» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Тема войны с Украиной может появляться в разговорах волонтеров время от времени в виде коротких реплик-лозунгов, но эти реплики почти никогда не влекут за собой ответных реплик и не приводят к дискуссиям. Вот как описывает в своем дневнике одну из таких ситуаций наша исследовательница:

«Когда третьи носилки были дособраны, Инна довольно сказала: “Кто молодцы? Мы молодцы! Профи!” А спустя минуту ни с того ни с сего выдала: “Вонючие укропы! Не будет вам пощады!” Я немного прифигела, но виду не подала, конечно. С чего вдруг? Мы вообще никак украинцев не обсуждали, да и в целом войну последний час совместной работы. После этого нас с Инной позвали обедать» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Обычно волонтеры говорят о том, что относится к их повседневной жизни: цены, пенсии, семьи, деятельность своих волонтерских инициатив. Наша исследовательница ни разу не слышала, чтобы волонтеры обсуждали, например, проблемы города или республики.

Волонтеры в Улан-Удэ очень гордятся своей независимостью, некоммерческим характером своего центра и часто пишут об этом в социальных сетях. Так же как отцы погибших солдат причастны к подвигу своих детей, волонтеры чувствуют себя причастными к героизму бурят в целом. Время от времени они перекидываются фразами-лозунгами вроде «Все для фронта! Все для победы!», «У нас тут социалистическое соревнование» и так далее. Некоторые из них также упоминали о том, что их сыновья пошли на войну сами, не дожидаясь повестки, тем самым проводя параллель между добровольческим героизмом своих детей и собственным вкладом в дело победы. Однажды волонтерки из Улан-Удэ спросили нашу исследовательницу, почему ее подруга (к которой, по легенде, исследовательница приехала в гости) не приходит в волонтерский центр. Исследовательница объяснила, что по мнению ее подруги, обеспечение фронта — это задача государства. «Она не патриотка, да? — удивилась в ответ Варя. «Она плохо историю знает. Пусть она перечитает Вторую Мировую войну, Великую Отечественную. Тыл всегда был с фронтом!» — добавила Очирма (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

При этом, конечно, в волонтерских центрах, помогающих российской армии, оказывается меньшинство жителей республики. Гораздо больше распространены другие формы помощи: например, сбор денег на нужды армии или покупка вещей, которые затем отправляются в военные части. Иногда участие в таких сборах — по-настоящему добровольное, и мотивацией к нему является сильная региональная идентичность, желание помочь «своим». Так, Нарана, информантка из небольшой деревни вблизи села Удург, объясняет:

«Вот я, например, у меня одноклассник на “СВО”, я туда скидываю. <...> В деревне у нас группа есть. **Я туда скидываю, потому что все мои с деревни**, очень много парней туда [на “СВО”] уехало. Очень много! **Страшно много парней туда уехало.** <...> Как я думаю, ну, 500 рублей не жалко, я туда скидываю каждый месяц. В школе скидываю. Ну, это, не знаю, конечно, ну, благотворительность, конечно... **Хоть какая-то помощь от меня будет, потому что я там не могу туда поехать, воевать или что-то такое»** (ж., 32 года, работница сферы образования, Удург).

Нарана беспокоится прежде всего о близких людях — о молодых мужчинах из своего села — и о том, как живет ее село во время войны.

Часто, однако, жертвование денег на нужды армии не является в строгом смысле добровольным: многие сдают деньги потому, что не готовы идти против коллективной нормы помощи «своим». Однажды Мэгрэн, ключевая собеседница нашей исследовательницы в селе Удург, посвященная в детали исследования, рассказала ей историю о своей коллеге. В разговоре с Мэгрэн женщина сначала возмущалась тем, что ее мужа несправедливо забирают на войну, а затем внезапно воскликнула: «Я ведь совсем забыла на пожертвования скинуться для наших!» Исследовательница предположила было в ответ, что жители Удурга боятся репрессий и поэтому избегают критических высказываний о войне, но Мэгрэн уверенно отвергла ее предположение: «Какие тут репрессии в Удурге!? Нет, это в городе все боятся, а здесь именно желание быть вместе со всеми, не выпасть из большинства, из нормы» (этнографический дневник, Удург, октябрь 2023).

Наконец, порой участие в подобных сборах является «добровольно-принудительным». Дело в том, что сборы денег на нужды армии проводятся как общественными энтузиастами, так и государственными организациями. Формально для их сотрудников пожертвования являются добровольными, но многие, в том числе противники войны, боятся, что отказ от участия не понравится администрации и коллегам и будет иметь последствия. Уже упоминавшаяся выше Мэгрэн, однозначная противница войны, рассказала исследовательнице, что периодически ей и ее антивоенным коллегам приходится участвовать в сборах «на СВО». Однажды, например, коллега Мэгрэн попросила ее «закинуть 300 рублей на поддержку участников СВО». «Я не хочу закидывать!» — ответила Мэгрэн, объяснив, что она не поддерживает СВО и против таких пожертвований. «Если вы так скажете всем, то просто станете белой вороной», — парировала коллега. Затем она, из лучших побуждений, посоветовала Мэгрэн отдать 300 рублей хотя бы для того, чтобы не создавать для себя стрессовую ситуацию, «этот стресс не стоит этих 300 рублей». Под конец разговора коллега Мэгрэн призналась, что сама не поддерживает войну и участвует в сборах только для того, чтобы от нее «отстали» (этнографический дневник, Удург, октябрь 2023). Таким образом, норма помощи «своим» заставляет участвовать в подобных сборах даже тех, кто не хочет этого делать и не поддерживает войну.

При этом противники войны могут помогать своим близким на фронте и по-настоящему добровольно. В первую очередь потому, что для них российская армия и мобилизованные жители республики — это совсем

не одно и то же. Во время интервью с членами одной семьи в Улан-Удэ — дочерью, мамой, ее сестрой и бабушкой, матерью сестер — исследовательница обнаружила, что все они настроены радикально против войны. Даже бабушка, которая раньше голосовала за Путина, изменила свое мнение под влиянием своих детей, которые познакомили ее с независимой журналистикой и «открыли ей глаза». «Путин очень неправильно повел себя. Как это так можно? Напасть вот так на Украину?!», — возмущается она. Однако чуть позже она с гордостью рассказывает о том, как буряты помогают своим на фронте:

«Один племянник воюет на Украине, отправили его в первую мобилизацию, сразу его — ночью приехали, из дома забрали. Ну! Потом дали подумать время, там собраться, все, и забрали. Вот два раза в отпуск приезжал. Ой, господи, лишь бы живой вернулся домой. Скорее бы война эта закончилась! <...> Вот как эта война началась, все, туда все отправляют, отправляют, и машины [с гуманитарной помощью]. Ой, с **нашего поселения две, три машины отправили, помогают, вот, солдатам, ребятам.** И продукты, и мясо, и деньгами снабжают туда, прямо с администрации отправляют ответственного, ответственных людей. <...> Сколько продукции, сколько мяса — все отправляют и одежду, ну, все. <...> **В общем, здорово помогают,** видимо, наша волонтерская группа, женщины вот туда поехали. Ну, **в этом отношении буряты молодцы, конечно**» (ж., 72 года, пенсионерка, Улан-Удэ).

Таким образом, сильная локальная идентичность усложняет восприятие войны: для многих жителей республики быть против войны не означает бросить на произвол своих близких или знакомых, оказавшихся на этой войне не по своей воле. Поэтому, продолжая критиковать войну privately, они участвуют в сборах помощи оказавшимся в зоне боевых действий. При этом возможности отказаться от такого участия ограничены страхом социальных санкций, которые могут последовать при нарушении нормы помощи «своим».

1.2.3. Война в жизни горожан

Три особенности региона влияют на то, как война проявляет себя в повседневной жизни жителей Республики Бурятия: специфика экономической ситуации и рынка труда, высокая пропорция призванных из Бурятии мужчин и развитость социальных связей вместе с силой групповой принадлежности. У всех, с кем говорила наша исследовательница

за месяц, проведенный в республике, были родственники и знакомые, которые ушли на войну, — добровольно или нет. Каждый или сам потерял кого-то, или знал того, кто пережил утрату. Из-за этого война, несмотря на все попытки жителей отстраниться от нее и «жить нормальной жизнью», постоянно присутствует на периферии их зрения: не через пропаганду и официальные призывы присоединиться к армии России, а в личных историях и коллективных практиках помощи армии и мобилизованным, проводах и похоронах, которые, в отличие от многих других мест, привлекают искреннее внимание и большое количество участников.

Экономика войны и экономия чувств

Экономическая ситуация в регионе — высокая безработица, относительно низкие зарплаты, редкие возможности для социальной мобильности — повлияли на долю жителей республики, участвующих в войне, прямым и косвенным образом. Статистически, чем беднее регион, тем больше в нем доля призывников. По обоим показателям Бурятия находится среди лидеров. Не удивительно поэтому, что многие собеседники нашей исследовательницы говорили о войне как о работе. Некоторые из них (как правило, противники войны) нервно шутили на тему отъезд своих соотечественников в Украину как «на вахту» или «в командировку», другие использовали эти эвфемизмы без какой-либо иронии. Одна из информанток, молодой человек которой был контрактником и после ранения решил не возвращаться к «работе» в армии, рассказала, что ездить на заработки в Южную Корею и в Израиль с началом войны стало сложнее — и это тоже подталкивает людей подписывать контракты. Фрагмент из интервью с ней демонстрирует, как она довольно буднично использует глагол «работают» в отношении войны:

«Еще плюс сейчас **“СВО”** началось, там тоже все работают. <...> Многие даже брак регистрировали, потому что мало ли... С одной стороны, это не очень... Многие парни у нас из-за денег туда уезжают. Потому что в Южную Корею все ездили поголовно буряты, в Израиль ездили [на заработки]. <...> **Сейчас тяжело стало ездить [на заработки в Азию], сейчас же не пускают. [В отпуске] несколько месяцев некоторые посидят и обратно едут [на СВО]**» (ж., 28 лет, работница сферы красоты, Удург).

Служба по контракту, по сути, оказалась альтернативой другим видам занятости, например, вахтенной работе, или отсутствию работы в принципе. Одна из информанток так описывает ситуацию в своем селе, где и до войны основными способами заработка были вахта и военная служба:

«Да, у нас много военных и много вахтовиков, потому что зарплаты маленькие в Бурятии. Это дотационный регион <...>. Многие говорят: “А, они же стали военными, пускай отработывают, идут на войну. А то что думают — без войны будут сидеть?” Я слышала такой ужас. А куда молодым, кто образование не успели получить по каким-то возможностям, невозможностям? Реально — вахта, либо контрактником, чтобы жить. Не потому, что “я хочу быть военным, защищать”, а именно работать там, потому что зарплата побольше. У нас пол [села] вахтовиков, пол [села] туда [на войну]» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удурт).

Объясняя, как их знакомые или родственники были мобилизованы, наши собеседники всегда возвращались к двум аргументам: у них или не было возможности отказаться («забрали», «приказали», «отправили»), или отсутствовали иные способы заработать. Как и в других регионах, в селах Бурятии мужчин часто забирали в армию из дома, иногда ночью, не давая ни опомниться, ни подготовиться. Многие подчеркивали, что в первые месяцы после объявления «частичной мобилизации» было страшно отпустить родственников, горестно принимать их тела обратно. Попытки избежать мобилизации вылились в массовый отъезд молодых мужчин, в первую очередь в Монголию. Однако постепенно люди привыкли даже к самым трагичным последствиям войны — смертям и похоронам. Вот как один из жителей Улан-Удэ, работающий в высшем учебном заведении, описывает это изменение:

«Первоначально каждую смерть обсуждали, на похороны ходили. Я помню, нас прям заставлял начальник: “Вашего выпускника, нашей альма-матер хоронят. Обязательно завтра все придите”. Мы даже не знали этого человека. Нам сказали и мы пошли, постояли там, проводили. То есть это прямо как-то вот так было. А сейчас я даже не знаю, кто у нас там последний погиб, и погиб ли вообще, и сколько их. А раньше это как-то активно везде [присутствовало]» (м., 40 лет, работник сферы образования, Улан-Удэ).

В селе же, несмотря на привыкание к смертям и войне, коллективная вовлеченность все-таки не утрачивает силу со временем:

«Привыкли уже [к тому, что многие уходят воевать]. <...> У нас недавно какого-то октября прибыли эти в один день, мобилизованный там прибыл. Ну, просто отдых на... В отпуск же их отправляют на две недели. И в этот же день груз 200 на

соседнюю улицу прибыл. И люди там, туда пошли. Там посочувствовали, сидели. А там тоже, туда одни и те же. Просто в основном это маленькое село держится на школе. Во всех мероприятиях — одна школа. **С “СВО” встретить, туда груз 200, [везде] учителя идут.** Того, живого встретить, просто, который с отпуска — тоже учителя идут с учениками. Вот так, нормально. <...> Нормально как-то, они привыкли. В начале, конечно, к этому все как-то: умирают наши парни, туда-сюда. Это все, плакали, ревели. А сейчас просто адаптировались. Гуманитарную помощь каждый месяц, [Мы] учителя, например, каждый месяц собираем» (ж., 32 года, работница сферы образования, Удург).

Однако привыкание к войне и нормализация новой повседневности в Бурятии проявляются иначе, чем в других местах. Если, например, в больших городах вроде Москвы или Санкт-Петербурга можно было продолжать жить так, как будто бы войны нет (ведь она напрямую не затронула жизнь большинства обычных людей), то в Бурятии просто «забыть» о ней невозможно. Близость смерти становится привычной и неотъемлемой частью повседневной жизни: «нормальная» реальность с ее «нормальными» заботами — работой, досугом, семейной жизнью — чередуется с сюжетами, связанными с войной. Последние возникают внезапно и обыденно и также внезапно исчезают.

Однажды, например, когда наша исследовательница в очередной раз пришла в волонтерский центр в Улан-Удэ, она встретила там Антонину Петровну, пожилую завсегдаю организации. Антонина Петровна, как всегда, деятельная, сказала, что научилась всему, чему только можно, кроме производства носилок — и тут же стала расспрашивать исследовательницу и другую волонтерку о деталях работы с носилками. Поинтересовавшись у присутствующих, понравился ли им обед, Антонина Петровна сообщила, что не сможет прийти завтра — у одного из ее внуков день рождения. «Восемь внуков у меня, все парни, — с гордостью проговорила Антонина Петровна и неожиданно добавила, — Еще четыре умерло, все парни были». «Умерли на фронте?» — переспросила исследовательница, удивившись будничности этой фразы. «Ну да, так получилось», — подтвердила Антонина Петровна. После этого она продолжала как ни в чем ни бывало наблюдать за тем, как исследовательница и другая волонтерка делали носилки, а затем встала и вышла, ничего не сказав (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Нормализация смерти является частью нормализации войны. При этом жители Бурятии не отрицают ее влияния на свою жизнь: наоборот, они начинают мыслить войну не как экстраординарное событие, а как норму, как часть повседневности. Вот как, например, наша исследовательница описывает свое общение с молодым музыкантом из Улан-Удэ, Львом:

«Раз Тимур опять вспомнил про армию, я решила все-таки попытаться вернуть разговор к теме жизни во время войны. Я сказала, что у меня почти все друзья испугались и уехали, а сейчас спрашивают, мол, как там у вас, наверное, совсем плохо? Лев ответил, что войны сейчас идут во всех странах. А ощущается война, если только ты живешь рядом с границей. Я ответила, что все же у них в Бурятии очень много мобилизованных, контрактников, что я видела постоянные объявления в местном новостном телеграмм-канале о том, что кто-то умер. И что, наверное, это влияет как-то на население. На это он заметил, что “это нормально”, к тому же, везде работает пропаганда, а в СНГ есть еще “культ героизма” (что, насколько я понимаю, позволяет сделать войну более приемлемой)» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Представить войну нормой потому, что «войны ведут везде», пытаются многие россияне, в том числе жители столиц — мы описывали этот процесс в нашем [прошлом аналитическом отчете](#). То, что отличает Бурятию, — это влияние горизонтальных связей на восприятие войны.

Сила социальных связей

В Бурятии, в отличие от других регионов, на восприятие войны ее жителями сильно влияют горизонтальные связи и их интеграция в вертикальные (административные) структуры. Этот феномен не ограничивается клановостью, которая обычно привлекает внимание исследователей. Социальные связи в Бурятии включают большое количество людей и являются активными каналами передачи информации. Они также функциональны, то есть представляют собой ресурс — их используют в самых разных ситуациях, от поиска рабочих для ремонта квартиры до решения более серьезных вопросов.

Из-за того, что каждый человек связан с другими и осознает важность и значение этих связей, война затрагивает не отдельных людей, а группы: семьи, локальные сообщества, рабочие коллективы. Выше мы цитировали отрывки из двух интервью — преподавателя университета из Улан-Удэ и преподавателя сельской школы. Эти интервью объединяет не просто

описание динамики эмоций, связанных с войной, а именно переход от сильных переживаний к привычке. Оба наглядно демонстрируют, что участие коллективов в проводах и встречах военнослужащих является обязательным — не только с точки зрения субординации («начальник заставлял»), но и с точки зрения ожидаемого сообществом поведения. В городе это ожидание, однако, постепенно сходит на нет вместе с усталостью от войны, в то время как в селах, где отношения между людьми менее анонимны, оно остается, сохраняя статус обязанности, которую не принято оспаривать.

Ощущение, что все друг с другом как-то связаны, вносит свой вклад и в то, как жители республики обсуждают войну. Разговоры о войне, тем более, с критикой официальной российской позиции, считаются небезопасными. Это происходит по нескольким причинам.

Во-первых, многие опасаются не только того, что информация о позиции конкретного человека может попасть «не в те руки» и повлечь индивидуальные последствия, но и того, что это может навредить широкому кругу людей, с которыми связан этот человек. Однажды исследовательница разговорила с Мэгрэн о том, как меняются реакции людей в стране на войну. Исследовательница заметила, что многие ее знакомые, недовольные войной, уехали из России. Мэгрэн рассказала, что из Бурятии люди уезжали по этой же причине. Многие ее друзья покинули страну, и от этого ей очень грустно. «А те, которые остались, — продолжила Мэгрэн, — Например, Батод, я, Зоригма, одноклассники мои, просто все молчат, потому что ты понимаешь, какую ты цену будешь платить за то, что ты раскроешь рот. Тебя доконают, доконают твоих близких». А поскольку она и ее оставшиеся в Бурятии друзья очень любят свою малую родину и не хотят уезжать, объяснила Мэгрэн, им приходится молчать (этнографический дневник, Удург, октябрь 2023).

Многие антивоенно настроенные собеседники нашей исследовательницы не просто не поднимали тему войны первыми, но в принципе старались избегать ее как в интервью, так и во время неформальных бесед. Часто исследовательнице ничего не оставалось, кроме как инициировать обсуждение войны самой. Реакция собеседников на такие попытки оказывалась разной: кто-то становился нервным и испуганным, кто-то старался уйти от темы или прямо признавался, что не хочет говорить про войну, а кто-то радовался возможности поделиться накопившимися эмоциями.

Во-вторых, обсуждение войны, особенно в случае несовпадения взглядов обсуждающих, может негативно сказаться на функциональности социальных связей. [В нашем первом отчете](#) мы писали о том, как люди начинают

избегать споров и ссор, стремясь сохранить личные отношения — например, с партнерами или близкими родственниками. Многие жители Бурятии также не хотят потерять важный для выживания ресурс — свои социальные связи. Кроме того, поскольку роль горизонтальных связей — особенно семейных — крайне важна в республике, вопрос о том, «что обо мне подумают люди», не является праздным. Сохранение репутации равно сохранению связей и собственного лица. Вот как Батод, учитель истории, описывает динамику обсуждения войны и то, почему в какой-то момент эти обсуждения сошли на нет:

«Во-первых, если учитывать первые дни и недели СВО, то каждая семья, каждые там группы людей: коллеги, кто-то еще, друзья, то-се, они разделились же на два таких лагеря [сторонников и противников войны]. <...> Это, в принципе, [и] в стране так было. И мы тоже не исключение. Но **потом постепенно до некоторых людей понимание дошло, что надо дальше продолжать жить**. А мне с этими людьми что? <...> И вдруг мне что-то там... Сейчас же непредсказуемое время. **Что-то у меня случится, я обращусь. И они ко мне обратятся, и так далее, и так далее.** <...> [Здесь] горизонтальные связи высокие. Соответственно, если ты что-либо скажешь, к примеру, тебя родственники начнут там: “А ты что? Как там?” <...> Если ты это, допустим, родственникам озвучил. Но! Озвучить ты можешь в соцсетях, но в соцсетях что? Соцсети — же тоже большая деревня, получается? **Ты запостил что-нибудь, какое-то свое мнение — все, об этом знают родственники.** Родственники тебя начинают: “Фу-фу, как ты можешь?” <...> **А тут это все равно остается “что обо мне родственники подумают?”** И тоже не позволяют себе такого, лицом ударить. Потому что “мне тут жить, они на свадьбу к тебе приедут, там будут подарки нести, помогать чем-то, мясом, молоком, пятым-десятым”, вот таким вот образом» (м., 29 лет, работник сферы образования, Улан-Удэ).

Эти особенности социальных связей в регионе и их роль производят парадоксальный эффект: из-за страха за собственную безопасность и безопасность близких и нежелания становиться «белой вороной» люди, включенные в плотные сообщества, не могут поделиться с другими собственными взглядами и переживаниями. Вот как этот процесс описывает одна из жительниц Улан-Удэ, работница частной клиники:

«На мой взгляд, происходит какое-то страшное... **Каждый человек замыкается в себе.** Раскол в обществе ощутим, можно сказать так. Естественно, есть люди, которые поддерживают все происходящее в нашей стране. А есть часть, которая не поддерживает. Соответственно, конечно, вы сами понимаете, какая у нас сейчас политика. И поэтому все очень неоднозначно. Мы понимаем, что **все закрытые, никто не высказывает своего мнения открыто**, никто не пытается каким-то образом воздействовать — это те же люди, которые имеют какое-то влияние. Когда наблюдаешь за людьми, то грустно становится. Но мы понимаем, почему это происходит. Сейчас все в какой-то внутренней изоляции» (ж., 43 года, врач, Улан-Удэ).

В-третьих, из-за значимости социальных связей некоторые жители республики не готовы сопротивляться политике государства, даже когда на кону стоит их собственная жизнь. Например, один из собеседников исследовательницы, убежденный противник войны, в личном разговоре с исследовательницей признался, что не считает для себя правильным уезжать из страны в то время как его близкие, друзья и соседи оказываются на фронте не по своей воле. «Как я в глаза буду людям смотреть после этого?» — сказал он (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023). Если в начале войны многие мужчины, не желающие воевать и имеющие финансовые возможности, уезжали из страны, то со временем настроения — в том числе среди противников войны — изменились. Чувство ответственности перед погибшими земляками и родственниками удерживает в том числе и недовольных войной внутри страны, несмотря на риски мобилизации.

Таким образом, сила горизонтальных связей в Бурятии вместо того, чтобы создавать потенциал для сопротивления власти, подкрепляет лояльность государству и государственной политике. Социальные связи не становятся источником формирования альтернативных гражданских институтов или идентичности. Из-за интеграции с административными структурами, страха перед репрессиями и того, что исследователи называют [misplaced loyalty](#), — лояльность государству, которое способствовало уничтожению культуры бурят, являющаяся важной частью бурятской идентичности, — социальными связями подавляются протестные высказывания и неудобные чувства.

О государстве или хорошо, или никак

Некоторым из своих собеседников исследовательница признавалась, что в ее окружении есть люди, считающие, что государство недостаточно обеспечивает армию. Таким образом исследовательница пыталась вывести разговор на обсуждение роли государства в войне. Однако за целый месяц интервьюирования и этнографической работы в регионе ни один из ее собеседников не использовал это как ключ для того, чтобы высказать свое собственное отношение к государству, а в особенности — согласиться с критикой в его адрес. Если речь в разговорах заходила о недостатке снабжения, о плохих условиях службы или о боевых потерях, жители республики предпочитали не упоминать государство вообще. Они объясняли все эти недостатки тем, что «мы живем в такое время» или тем, что «везде так». Например, когда одна из волонтерок в Улан-Удэ, Алтына Зоригтовна, спросила нашу исследовательницу, почему ее подруга, к которой, по «легенде», исследовательница приехала погостить, не приходит вместе с ней в волонтерский центр, исследовательница ответила, что подруге не нравится война. «Подруга говорит, что это наши олигархи с американскими делят активы, и как бы простые люди страдают», — объяснила исследовательница. «Так мы же для этого и помогаем! — удивилась Алтына Зоригтовна. — Все же уничтожается. Ой, да ничего. Зато мы как-то хоть потихоньку-помаленьку делаем» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Почему люди избегают критики государства в повседневных разговорах? Самое очевидное предположение — из-за страха навредить себе или своим близким, о котором мы уже писали выше. Возможно, критика государства также кажется многим бесполезной: государство действует по своему усмотрению, на него невозможно повлиять, поэтому с его решениями остается только смириться и обсуждать их бессмысленно. Наконец, в регионах с выраженной государственнической идентичностью, каким во многом является Бурятия, активная поддержка войны зачастую — не столько отражение агрессивных, шовинистических, националистических идей, сколько следствием желания получить от государства признание себя и своих достижений. Поэтому даже когда государственные решения ставят под угрозу жизни жителей республики и их близких, люди, пытаясь избежать опасности, одновременно ищут у государства поддержки и участия. Однажды наша исследовательница стала свидетельницей разговора между швеями-волонтерками из Улан-Удэ, Сайной и Ольгой Васильевной, мужа, братья и сыновья которых уехали на войну. Пока обе женщины и наша исследовательница пили чай, те признались, что не хотели, чтобы их родные оказались на фронте. Но, по всей видимости, не найдя иного способа на что-то повлиять, они сплотились и основали

организацию помощи армии. Эта история поразила нашу исследовательницу — потому что еще днем ранее она видела Сайну и Ольгу Васильевну совсем в другом свете. В тот день Сайна впервые представила исследовательнице Ольгу Васильевну. Сайна сразу же объяснила, что именно Ольга Васильевна приносит из местного парламента те самые папки, которые волонтеры разрезают на детали для производства бронежилетов. «У нас скоро все будет правительственное, — сразу же откликнулась Ольга Васильевна. — И папки, и всякие блокнотики я принесла!» Сайна поддержала ее энтузиазм: «Вот что бы мы делали без правительства нашего? Такое добро! Все для фронта!» (этнографический дневник, Улан-Удэ, 5 октября). В вопросе Сайны о том, что бы они делали без «нашего правительства», не было иронии. Волонтерки воспринимают себя как часть государства: для них важно чувствовать, что государство их видит, ценит и помогает им, даже если, по большому счету, все их успехи основаны на эффективной кооперации друг с другом.

При этом местные чиновники относятся к ним осторожно, не хотят без необходимости отмечать их деятельность и не хвалят публично, хотя волонтеры этого жаждут и живо обсуждают любое появление чиновников в центре. Когда в телевизионном репортаже о патриотической организации, находящейся в том же здании, не была упомянута их волонтерская инициатива, они огорчились, но даже это не заставило их высказаться критически в адрес местной власти (или местного телевидения).

Таким образом, государство появляется в общении волонтеров также, как и покойники в известной российской поговорке: или хорошо, или никак. Несмотря на то, что работа волонтеров заключается в том, чтобы компенсировать недостатки государственной политики своим временем и силами, и они прекрасно осведомлены о проблемах снабжения российской армии, они продолжают испытывать гордость в связи со словами президента о смелости бурят и радоваться любым похвалам, изредка оброняемым местными чиновниками в их адрес.

***

Бурятия — один из российских регионов, наиболее сильно затронутых войной. Из-за безработицы и бедности служба в армии еще до начала войны входила в число нескольких стабильных и прибыльных карьер, доступных местным жителям. После начала войны практически в каждой семье кто-то продолжает служить в зоне боевых действий, возвращается домой инвалидом или погибает. Однако местные жители практически не говорят о войне.

Несмотря на отсутствие разговоров о войне в публичных местах, на улицах как Улан-Удэ, так и Удурга часто встречается реклама контрактной службы в армии. При этом если в Улан-Удэ нашей исследовательнице пусть с трудом, но все же удалось найти мероприятия, прямо или косвенно затрагивающие военную тематику, в селе Удург эти мероприятия отсутствовали совсем.

Отношение к войне в Бурятии во многом определяется двумя важными факторами: во-первых, сильной локальной идентичностью, неотделимой от идентичности государственнической, и во-вторых, плотными горизонтальными связями, интегрированными в административные структуры. В результате влияния этих двух факторов мы наблюдаем своего рода парадокс. С одной стороны, люди опасаются обсуждать тему войны даже со своими родственниками и близкими, причем не только из-за страха репрессий, но и из-за страха разрушить личные отношения, если близкие окажутся людьми с другими взглядами. С другой стороны, в Бурятии распространены различные волонтерские инициативы и практики, направленные на помощь армии, начиная от сбора денег, в том числе, через государственные учреждения, и заканчивая пошивом и отправкой снаряжения в зону боевых действий. И хотя некоторые из участников этих инициатив вынуждены быть их частью из-за социального давления, многие участвуют в них совершенно добровольно и гордятся этим. Волонтерство для таких людей — это не «помощь российской армии», а помощь своим близким, родственникам, коллегам и односельчанам, которые оказались в зоне боевых действий. Норма помощи «своим» превращает волонтерство в моральное обязательство, которое к тому же становится единственно доступным способом хотя бы как-то повлиять на ту тяжелую ситуацию, в которой оказались жители республики.

Собеседники нашей исследовательницы в Бурятии избегали обсуждения и тем более критики государства и местной администрации. Это было особенно заметно в случае волонтеров, которые своими действиями компенсировали недостатки работы государственных структур. Они, как и многие россияне, не считали государство источником или причиной войны и гибели своих сограждан. Но, в отличие от многих россиян, они с замиранием сердца ждали от государства признания своих заслуг, радовались любому доброму слову со стороны местных чиновников и чувствовали, что только государство может сделать их погибших близких героями, а, значит, их смерть — не напрасной.

1.3. Краснодарский край: «Нас не бомбят, и “Вагнер” к нам не заходил»

1.3.1. Введение: Краснодарский край: Краснодар, Южный Сокол и Новонекрасовск

Краснодарский край находится на юге России, граничит с Абхазией, Карачаево-Черкесией, Ставропольским краем и Ростовской областью, а по морю — еще и с Крымом. В регионе развито сельское хозяйство, есть промышленность, торговые порты, развивается строительство. В целом Краснодарский край считается экономически успешным регионом.

Хороший климат и морское побережье привлекают как туристов, так и тех, кто хочет переехать на постоянное место жительства в более комфортный регион. Благодаря потоку внутренних мигрантов из разных частей России население края постоянно растет. По словам наших собеседников — как экспертов, чья профессиональная деятельность так или иначе связана с оценкой благосостояния региона, так и простых жителей — за последние несколько лет население края выросло с пяти до шести миллионов. Возможно, в том числе с этим связаны [росты объемов строительства](#) в крае (в феврале 2023 оно увеличилось на 17% по сравнению с предыдущим годом).

Краснодарский край является многонациональным регионом: к нему принадлежит национальная республика Адыгея, а рядом находятся еще несколько национальных республик. В краснодарском «Центре национальных культур» функционируют двадцать восемь общественных организаций от разных национальных общин. Большинство жителей края (87,72 %) составляют русские, на втором месте — армяне (3,62%), на третьем — украинцы (0,5 %). Многие наши собеседники рассказывали, что у них есть родственники в Украине или украинские корни, добавляя, что это типично для региона. Для жителей края значимой является казачья идентичность, которую, впрочем, каждый сегодня понимает по-своему.

Краснодарский край был выбран нами для исследования, кроме прочего, из-за его географической близости к зоне боевых действий. В процентном соотношении мобилизованных в Краснодарском крае [меньше, чем во многих других регионах](#), в то же время, согласно подсчетам [«Би-би-си»](#) и [«Медиазоны»](#), регион находится в верхней части рейтинга по абсолютному числу погибших военнослужащих в Украине. Это кажущееся

на первый взгляд противоречие будет менее удивительным, если учесть, что по количеству жителей Краснодарский край занимает третье место по стране после Москвы и Московской области. Стоит принять во внимание и то, что регион имеет тесные связи с ЧВК «Вагнер». Военная база ЧВК «Вагнер» находилась в деревне Молькино (около 40 км от Краснодара) вплоть [до июля 2023](#). В Молькино также действовал [центр набора бойцов](#), куда для прохождения военной подготовки приезжали люди из разных регионов России. В апреле 2024 недалеко от бывшей базы ЧВК [был открыт памятник](#) Евгению Пригожину и Дмитрию Уткину (на территории часовни ЧВК «Вагнер»). В этом же районе, [по некоторым данным](#), находится массовое захоронение погибших участников ЧВК «Вагнер».

Безусловно, Краснодар выделяется среди других городов и населенных пунктов края — это город-миллионник с большим количеством строящихся и [вводящихся в эксплуатацию](#) новых жилых домов и районов, [избытком автомобильных пробок](#) и нехваткой [школ](#) и [детских садов](#). Вообще стройка, пробки и переполненные учениками школьные классы — это три основные темы, которые то и дело возникали в разговорах нашей исследовательницы с жителями города. Чуть больше трети наших собеседников были уроженцами Краснодара, а вместе с уроженцами края они составляли примерно половину. Вторая половина — это люди, приехавшие в Краснодар в разном возрасте с разных концов бывшего СССР. В Краснодаре даже появился специальный термин, обозначающий приезжих, — «понаех». Один из наших собеседников, активно участвующий в городской жизни, выражал надежду на то, что если приезжие и местные будут активнее взаимодействовать друг с другом, со временем различия между ними сотрутся: «Это все надо пережить, чтобы город развивался, чтобы он перестал быть городом “кубаноидов” и “понаехов”» (м., 46 лет, советник директора частной компании, Краснодар).

Кроме Краснодара, нашей исследовательнице удалось побывать в двух небольших городах с населением около сорока тысяч (из-за густонаселенности региона в нем не просто найти город с меньшим количеством жителей): в курортном и активно растущем Южном Соколе и в большей степени промышленном Новонекрасовске с крупным исправительным учреждением по соседству.

Южный Сокол — это активно строящийся курортный город с санаториями и базами отдыха. В то же время одним из способов заработка для жителей Южного Сокола является военная служба, поскольку недалеко от города располагаются воинские части. Город пользуется популярностью у туристов. Кроме того, сюда активно переезжают люди из других

регионов России на постоянное место жительства. Несмотря на невысокие зарплаты и нехватку рабочих мест, город привлекает семьи с детьми и людей пожилого возраста своим климатом, природой и комфортной инфраструктурой.

В отличие от Краснодара и Южного Сокола, население Новонекрасовска в последние годы не растет. Впрочем, оно и не убывает, оставаясь более или менее стабильным с 1970-х годов. В городе развито производство, связанное в основном с пищевой промышленностью. Есть несколько техникумов: рабочие специальности, по словам самих обучающихся там студентов, востребованы в городе. Но выпускники школ и техникумов далеко не всегда сами хотят работать на промышленных предприятиях, поэтому уезжают в Краснодар или другие российские города, чтобы получить высшее образование и найти офисную работу. Новонекрасовск со своим одноэтажным центром кажется более провинциальным, чем, например, тот же Южный Сокол. Один из местных жителей охарактеризовал его так: «И не добрая провинция, и не вот этот суетной пафосный Краснодар. Какое-то такое промежуточное состояние» (м., 34 года, журналист, Новонекрасовск). В Новонекрасовске связи между жителями кажутся более плотными, чем в других двух городах — вероятно, в том числе потому, что в городе не так много приезжих.

1.3.2. Война в публичном пространстве

Наша исследовательница провела в Краснодарском крае пять недель. В течение этого времени она часто и много ходила пешком, а также пользовалась общественным транспортом, чтобы погрузиться в городскую повседневность. Перед отъездом исследовательницы в Краснодарский край нам казалось, что в этом регионе, в отличие от двух других, война будет особенно заметной — как в виде символов на улицах городов, так и в виде популярной темы в разговорах жителей. И действительно: как минимум Краснодар и Южный Сокол оказались обильно усеяны Z-символикой. Однако, как и в Свердловской области и Республике Бурятия, люди не спешили обсуждать войну друг с другом.

Городской ландшафт на фоне войны

Прогуливаясь по Краснодару, заезжий москвич или Санкт-петербуржец не сможет не заметить Z-символику. Буквы Z встречаются на фасадах учреждений культуры, на общественном транспорте и остановках, на

заборах и рекламных щитах. Нередко реклама новых квартир или недавно открывшихся супермаркетов соседствует с плакатами #За Родину или объявлениями о наборе на службу по контракту. Такое соседство позволяет милитаристским визуальным образам (которые несомненно бросаются в глаза гостю города) со временем стать привычной и даже незаметной частью городской повседневности для местных жителей.

При этом если в начале войны, по рассказам собеседников нашей исследовательницы, горожане помещали Z-символику на объекты личной собственности (например, машины или окна домов), то сейчас эта символика пропала оттуда:

«Изначально очень много транспортных средств, как личного пользования, так и общественного транспорта, они были, ну, там на многих присутствовала буква Z, очень много [таких было] транспортных средств. Сейчас их гораздо меньше стало — снимали, поубирали» (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар).

Некоторые наши собеседники объясняли исчезновение военной символики тем, что жители края «попривыкли» к войне и у них «пропал ажиотаж» (м., 18 лет, студент колледжа, Новонекрасовск) — похожие объяснения слышали исследовательницы и в других регионах. За последние полтора года в городском ландшафте Краснодара произошли и другие изменения, о которых мы можем судить как по рассказам наших собеседников, так и благодаря наблюдениям, которые нашей исследовательнице удалось сделать в апреле 2022, когда она приезжала в город для работы над другим проектом. Например, в начале войны в городе была заметна не только провоенная, но и антивоенная символика. Однако вернувшись в Краснодар осенью 2023 года, исследовательница только единожды наткнулась на антивоенное граффити.

Z-символика в Южном Соколе не так бросается в глаза, как в Краснодаре, зато на билбордах тут и там висят портреты местных жителей-героев «СВО». Как и везде, в городе множество стендов с рекламой службы по контракту — например, нашей исследовательнице встретился плакат, стилизованный под советский, с лозунгом «Ты записался добровольцем?». На центральной аллее города много памятников, связанных с Великой Отечественной войной, и везде лежат цветы. У памятника, посвященного «героям локальных военных конфликтов», развевается флаг ЧВК «Вагнер» и стоят портреты Евгения Пригожина и Дмитрия Уткина, окруженные свежими цветами. Помимо цветов жители приносят сюда и другие предметы, например, кусочки хлеба (в традиционной русской

культуре распространена практика приносить кусок хлеба и другую еду на могилу в поминальные дни, чтобы покойному не было голодно на том свете). Этот памятник привлекает особое внимание прохожих — к нему подходят, читают памятную табличку на постаменте, фотографируют.

В городском ландшафте Новонекрасовска намного меньше провоенной символики, чем в Краснодаре или Южном Соколе. Ни на центральной площади города, ни в главном городском парке наша исследовательница не заметила плакатов с буквами Z или рекламы службы по контракту. Впрочем, стоит признаться, что в городе в целом почти отсутствует наружная реклама.

Зато исследовательнице случайно встретился гораздо более оригинальный визуальный материал, когда однажды она свернула из городского парка в сторону пригорода. Это была выставка детских рисунков под открытым небом:

«Рисунки были просто прикреплены к забору на улице. Они были разные: пейзажи, натюрморты, портреты животных... Но мое внимание привлекли рисунки с белыми голубями, которых было несколько, и с земным шаром — это напоминало антивоенные рисунки советских детей. Но на одном из них была надпись “За мир”. Была ли она оставлена рукой автора, или появилась позже и без ведома автора (поскольку рисунки висели на улице в открытом доступе для всех) — непонятно» (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023).

За все время, проведенное в Краснодаре, Южном Соколе и Новонекрасовске, наша исследовательница не слышала разговоров о войне в публичном пространстве города — ни в общественном транспорте, ни в кафе, ни на улицах, ни между посетителями культурных мероприятий. Случайные прохожие и участники общественных мероприятий обсуждали здоровье, покупки, школьное обучение детей, говорили о поездках в санатории, о работе и так далее — но только не о войне.

Таким образом, отсутствие разговоров о войне в публичном пространстве кажется общей чертой самых разных населенных пунктов — стремительно растущего мегаполиса Краснодара, популярного у туристов Южного Сокола и индустриального Новонекрасовска. Еще одной общей чертой кажется сокращение как провоенной, так и антивоенной символики в городском пространстве с начала войны. Тем не менее, привлекательные для приезжих Краснодар и, чуть в меньшей степени, Южный Сокол все еще сохраняют Z-символику на некоторых государственных

учреждениях (и на общественном транспорте), отличаясь этим от менее туристического Новонекрасовска и от многих других, более отдаленных от зоны военных действий, регионов России.

Война в культурном пространстве Краснодара: «Когда такая погода, какие могут быть переживания?»

В Краснодаре наша исследовательница побывала на двух выставках, посвященных «специальной военной операции». Первую из них она обнаружила в центральном и популярном у туристов и местных жителей Государственном историко-археологическом музее. Отдельный зал в нем был отведен под экспозицию «СВОи герои». Ее афиша висела в больших окнах музея, выходящих на одну из центральных улиц города, и бросалась в глаза прохожим. Вот как описывает экспозицию в своем дневнике наша исследовательница:

«Состояла она большей частью из стендов с текстами и фотографий: стенды были про распад СССР, постсоветскую Украину, про присоединение Крыма, “русскую весну”, страдания Донбасса, предпосылки “специальной военной операции”, присоединение новых территорий и героев “СВО”. Было также немного военных артефактов, а еще — письма детей солдатам и письма солдат детям. В этом же зале были стенды про Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье и Сирию» (этнографический дневник, Краснодар, ноябрь 2023).

Выставка размещалась в проходном зале, где не было ни посетителей, ни постоянно дежурившего сотрудника. Впрочем, в какой-то момент в комнату все-таки заглянула смотрительница из соседнего зала. Исследовательница тут же поинтересовалась у нее, давно ли появилась эта выставка. Выяснилось, что выставка открылась два месяца назад (в сентябре 2023 года) и что ее планируют «расширять и дополнять».

Вторая выставка обнаружилась в тематическом музее. Просмотрев список музеев Краснодара, наша исследовательница нашла среди них Музей боевой славы. Само название музея наталкивало исследовательницу на мысль, что в нем должно оказаться что-то, так или иначе связанное с войной России и Украины. И ее ожидания оправдались:

«Музей находился на небольшом островке, весь островок (по крайней мере его облагороженную часть), занимал “Парк победы”. <...> Я попала на “Аллею памяти” о Великой Отечественной войне. Потом зашла в сам парк, в котором было много

памятников и экспонатов вроде танков или мин. Через этот своеобразный парк я дошла до самого музея. Рядом со входом в музей я обнаружила стенды, посвященные героям СВО. <...> Когда я вошла, в музее было несколько семей с детьми 5-12 лет. Музей оказался небольшим — всего две комнаты. Один зал был посвящен Великой Отечественной войне. Второй — войнам после ВОВ, то есть войне в Афганистане, двум чеченским войнам, войне в Грузии в 2008 году, и, конечно, «СВО». Кроме, собственно, стендов с фотографиями и текстом, там почти ничего не было <...>. Дети помладше бегали и шумели — им явно было не очень интересно. Взрослые одергивали их, что-то рассказывали, один папа советовал своему сыну почитать, что написано на стенде» (этнографический дневник, Краснодар, ноябрь 2023).

Если в историко-археологическом музее в зале со «СВОими героями» наша исследовательница не встретила других посетителей, то в Музее боевой славы семьи с детьми рассматривали экспозицию. Впрочем, заинтересованность демонстрировали родители, но не дети. Кажется логичным, что в историко-археологическом музее с множеством этнографических, зоологических и прочих выставок зал о героях «СВО», где нет ничего, кроме идеологических заряженных стендов, не пользуется популярностью. Сам характер выставки — от бросающейся в глаза афиши и текста, воспроизводящего официальный, государственный взгляд на войну, до практически пустого, без наплыва посетителей, зала — позволяет предположить, что выставка сделана, как это часто бывает в России, «для отчетности». Выставка в Музее боевой славы производит совсем другое впечатление. В отличие от историко-археологического музея, находящегося в центре города и привлекающего как местных жителей, так и туристов, Музей боевой славы располагается не в самом центре, не слишком известен даже среди краснодарцев и, вероятно, любим специфической аудиторией с особым интересом к тематике музея.

Находясь в Краснодаре, наша исследовательница следила также за анонсами актуальных городских мероприятий, надеясь найти что-то, так или иначе связанное с войной. В первые же дни в одном из городских пабликов ей попался анонс лекции Дениса Абраменко, посвященной тому, как организовать помощь жителям «новых территорий России». Мероприятие требовало регистрации, но по ссылке в паблике записаться на него, судя по всему, мог любой желающий — что и сделала исследовательница. Когда она оказалась в зале, где вот-вот начнется мероприятие, она обнаружила, что там собралось не больше тридцати человек, большинство из которых — молодые люди на вид шестнадцати-двадцати пяти лет. В полевом дневнике исследовательница добавляет: «Женщин в зале было

совсем мало, а молодые люди были похожи на студентов столичного вуза, — в частности, напротив меня сидел молодой человек с окрашенными в белый волосами, довольно оригинально подстриженными» (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023).

Денис Абраменко, по его словам, сам собирал гуманитарную помощь и приезжал с ней в Донецкую, Луганскую и Херсонскую области. Он увлекательно и вдохновенно говорил о том, как там живут люди, в чем они нуждаются и как непросто бывает оказывать им помощь. Несмотря на безусловно провоенные взгляды, Денис Абраменко время от времени критически высказывался в адрес официального, государственного взгляда на войну. Например, после лекции один из слушателей поинтересовался, какой была жизнь до войны в Мариуполе. Абраменко ответил в том духе, что жили, мол, люди хорошо, как и везде — чем вызвал негодование спросившего. «Как же хорошо? Там же, говорят, похищали людей, расстреливали, пытали!» — возмущался он. Абраменко поспешил пояснить: «Похищали политических оппонентов, депутатов пророссийских партий, пророссийских активистов — да, конечно, их похищали и пытали ВСУ, но обычные люди жили хорошо» (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023). Этот и подобные ему вопросы и комментарии из зала демонстрируют, что в аудитории собрались люди заинтересованные, с провоенными взглядами, представители того самого меньшинства убежденных сторонников войны, зафиксированного [опросами](#). Вероятно, Денис Абраменко — на вид не старше тридцати пяти, харизматичный, с ярко выраженной гражданской позицией — уверенно и даже смело рассуждающий на важные для страны темы, привлекал внимание таких молодых людей.

Наша исследовательница, конечно, решила не ограничиваться посещением такого специфического события. Она также побывала на обычных городских мероприятиях — двух вечерах в рамках фестиваля национальных культур края — для того, чтобы посмотреть как текущая война отражается на культурной и социальной жизни города. В рамках фестиваля национальных культур, который пришелся как раз на время пребывания нашей исследовательницы в городе, разные народы, проживающие в Краснодарском крае, проводили свои творческие вечера. Сначала исследовательница попала на вечер культуры одного из народов Кавказа. Здесь она чуть было не забыла, что находится в воюющей стране: на сцене танцевали девушки и юноши в народных костюмах, ведущие комментировали содержание номеров, а вокруг царил атмосфера праздника и веселья, которой заразилась и сама исследовательница. Однако в завершении вечера кое-что нарушило это состояние безмятежности — один из выступающих вдруг произнес: «Всем хотел пожелать здоровья, мирного неба.

Сегодня хотелось бы, чтобы мир был на Кубани и всюду» (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023). Сложно сказать, что это было: скрытый антивоенный комментарий? Пожелание «мира после скорейшей нашей победы»? А может быть, это была просто ритуальная фраза, хорошо знакомая всем, кто получил советское и постсоветское школьное образование?

Через три недели исследовательница посетила еще одно мероприятие в рамках того же фестиваля: вечер казачьей культуры. Она направилась на него не просто так: ей казалось, что уж здесь-то — в связи с непосредственным участием кубанских казаков в военных действиях в Украине — трудно будет не говорить о войне. Интуиция не подвела нашу исследовательницу: пусть война и не была в центре происходящего, некоторые из участников мероприятия о ней говорили. Вот что она записала об этом в своем дневнике:

«После открытия почетные гости говорили речи. Одна из выступающих посвятила свою речь Украине. Она начала с того, что у Краснодарского края всегда было много связей с Украиной: и культурных, и экономических. А потом привела пример “дружбы народов”: на концертах, посвященных поддержке российских войск, участвующих в “СВО”, исполнялись в том числе и украинские песни на украинском языке, “потому что нету войны между народами и между культурами, а фашизм, он национальности не имеет”» (этнографический дневник, Краснодар, ноябрь 2023).

Таким образом, в рамках одного фестиваля два публичных тематически близких события очень по-разному взаимодействовали с темой войны в Украине. В первом случае можно было забыть, что наша страна ведет войну, а во втором — услышать пламенную речь, посвященную Украине и «СВО». Важно, однако, обратить внимание на содержание этой речи вкупе с содержанием самого мероприятия: речь, по сути, объясняла, почему исполнение песен на украинском языке в рамках фестиваля — за которое, между прочим, некоторые граждане России [уже получали штрафы и аресты](#) — является пророссийской, а вовсе не антироссийской практикой.

В общем и целом, на протяжении четырех часов, проведенных нашей исследовательницей на обоих городских мероприятиях в Краснодаре, ей удалось услышать только одну короткую речь об «СВО», произнесенную одной из множества участниц и участников, — и то, вероятно, в связи с особыми обстоятельствами — чтобы обосновать допустимость испол-

нения песен на украинском языке. Таким образом, если отвернуться от баннеров с Z-символикой и обойти стороной музеи с экспозициями, посвященными войне, Краснодар покажется обычным южным городом, на улицах и пешеходных аллеях которого по вечерам поют уличные музыканты, люди танцуют, безмятежно и неспешно прогуливаются, сидят в кафе и барах. Как заметил один из жителей Краснодара в разговоре с нашей исследовательницей: «Когда такая погода, то какие могут быть у людей переживания? В такую погоду хочется гулять и наслаждаться жизнью, а что там где-то происходит — об этом не думать» (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023).

День народного единства в Южном Соколе

В Южном Соколе наша исследовательница оказалась как раз в «День народного единства» — праздник, заменивший в 2005 году широко отмечавшийся в СССР «День Великой Октябрьской социалистической революции». Исследовательница ожидала, что в этой связи в городе будут проходить какие-то мероприятия. Так что, когда на скамейке во дворе дома, где она только что сняла квартиру, исследовательница увидела одиноко сидящую женщину, она тут же подошла познакомиться и, если повезет, узнать, куда в ближайшие дни можно было бы сходить. Соседка оказалась коренной жительницей Южного Сокола — и рассказала, что уже совсем скоро в Центральном парке начнется концерт, приуроченный к празднику. Сама она идти не планировала — то ли из-за состояния здоровья, то ли из-за других дел, — но ее дети и внуки собирались мероприятие посетить. Дома, распрощавшись с соседкой, исследовательница поискала в социальных сетях информацию о грядущих мероприятиях в городе. Оказалось, что кроме того самого концерта под названием «Россия объединяет!» по случаю «Дня народного единства» в городской библиотеке намечается поэтический фестиваль «За Россию».

Центральный городской парк был опрятным — с ухоженными клумбами и асфальтированными аллеями, обсаженными высокими деревьями, в чьей тени так приятно было бы отдохнуть в жаркий солнечный день, расположившись на лавочке. Исследовательница услышала, что концерт уже начался, как только зашла в парк через центральный вход — и поспешила по направлению к играющей музыке. Чем громче становилась музыка, тем больше вокруг оказывалось людей: кто-то покупал сувениры в лавках, кто-то прогуливался со сладкой ватой или уплетал пирожки. В общем, царил атмосфера праздника и нашей исследовательнице так хотелось ей поддаться! Но, решив, что в ее случае сладкая вата только помешает вести наблюдения за праздником, исследовательница пробралась ближе к сце-

не. Со сцены звучали в основном патриотические песни с разнообразной тематикой: казачьи, советские, стилизованные под русские народные. Люди слушали и танцевали.

Вечером того же праздничного дня исследовательница отправилась в городскую библиотеку, где проходил поэтический фестиваль с интригующим названием «За Россию». Судя по афише, мероприятие обещало быть насыщенным — и показ фильма, и командная игра, и, собственно, чтение стихов. Вот как наша исследовательница описывает свои впечатления в дневнике:

«Я зашла в зал. Столы в нем были расставлены буквой П. Две женщины приглашали всех рассаживаться. Почти все места, чуть больше тридцати, были уже заняты. Я увидела свободный стул в середине одного из столов и села. Пространство зала было украшено многочисленными буквами Z. Люди еще приходили, сотрудницы приносили дополнительные стулья. Когда люди расселись, ведущие объявили об открытии праздничного вечера. Во вступительном слове говорилось, что День народного единства — это один из самых главных праздников нашей многонациональной страны. После речи на большом экране в углу зала большая буква Z сменилась на видеоролик о Минине и Пожарском <...>. Поэтическую часть ведущая открыла прочтением стихотворения из интернета, посвященного солдату “СВО”. Потом поэты, которых на мероприятии оказалось не меньше трети, стали по очереди читать свои собственные стихи. Почти все они были про войну, а половина именно про “СВО” <...>. Небольшая группа молодежи школьного возраста организовано ушла примерно на втором часу мероприятия. На общем фоне героического военного пафоса редкие вкрапления стихов про любовь к родному городу или краю казались глотком свежего воздуха <...>. После поэтической части объявили перерыв перед просмотром фильма, но я улучила момент и покинула мероприятие» (этнографический дневник, Южный Сокол, ноябрь 2023).

Стихи и речи, звучавшие на протяжении вечера, не были похожи на все предыдущие публичные выступления, которые наша исследовательница уже слышала на мероприятиях в Краснодаре и здесь, в Южном Соколе. Они отсылали к текущей войне, обращались к воюющим и пострадавшим там российским военнослужащим — жителям города и не только. Одновременно казалось, что мероприятие собрало постоянную аудиторию библиотеки. Это подтвердила и ведущая вечера, объявив, что «все выступающие сегодня поэты — наши хорошие друзья». Можно предположить,

что война для этих регулярно пишущих и читающих друг другу свои стихи членов городского сообщества стала очередной темой, на примере которой они могли реализовать свой творческий потенциал.

За пределами патриотических мероприятий атмосфера в городе была не менее беззаботной, чем в Краснодаре. Люди гуляли, сидели на скамейках с мороженым и кофе, слушали музыку и танцевали в городском парке — днем, утром и вечером.

«С праздником, товарищи!» в Новонекрасовске

Как и жители Краснодара и Южного Сокола (а также жители двух других регионов, в которых мы проводили исследование — см. Главы 1.1 и 1.2), новонекрасовцы утверждали, что не ощущают влияние войны на свою повседневную жизнь. Однако кое-что в связи с войной, по словам наших собеседников, в городе поменялось — например, стали появляться тематические городские мероприятия. Некоторые жители отзывались о таких мероприятиях иронически. «Начались вот эти вот шабаши с патриотическими танцами» — прокомментировал в интервью местный журналист (м., 34 года, Новонекрасовск). Другая собеседница нашей исследовательницы, наоборот, признавалась, что такие мероприятия трогают ее до глубины души:

«Когда эта вся тема на мероприятиях затрагивается, когда реально ты видишь плачущих, потому что такие стихи читают, всякие вот эти истории, видео-ролики и даже вот эта бабушка с флагом. **Боже мой! Не знаю, я, наверное, дня два плакала**» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск).

Она также добавила, что подобные мероприятия помогают людям объединяться, поддерживают участников СВО и поднимают людям настроение: «Все стараются как-то быть более позитивными, стараются поддерживать» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск).

Наша исследовательница не застала в городе больших мероприятий с концертами, зато попала на небольшой митинг у памятника Ленину в честь празднования годовщины Великой Октябрьской революции. Сцены как таковой на митинге не было: участники по очереди выходили к памятнику, в центр круга, и произносили речи. Все пришедшие — порядка тридцати человек — были с цветами, поздравляли друг друга и радовались празднику. В то же время выступающие не избегали актуальной политической повестки в своих речах. Они говорили о необходимости помощи фронту, беженцам, жителям приграничных областей России.

Исследовательница обратила внимание, что они при этом не стеснялись называть войну войной. Так, например, Нина, одна из вышедших к памятнику женщин лет семидесяти, начала свою речь со слов: «Товарищи! Идет война! Мы говорим “спецоперация”, но на самом деле это война, постоянно гибнут люди...». Однако ее выступление завершилось на мажорной ноте: «Победа будет за нами, враг будет разбит! С праздником, товарищи!» (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023).

В Новонекрасовске наша исследовательница регулярно общалась с городскими активистами, среди которых были люди с разным отношением к войне и власти. В их компании она оказалась на экскурсии в музей соседнего района. Одной из участниц поездки была Нина, выступившая на митинге несколькими днями раньше.

Музей был посвящен истории района начиная с 1920-х годов. Выставки рассказывали о становлении колхоза, Великой Отечественной войне и оккупации, а также послевоенном восстановлении района. Стенды знакомили посетителей с жившими в районе героями — войны и труда. Там же был небольшой стенд с фотографиями местных жителей, погибших в Афганистане. У этого стенда между Ниной и экскурсоводом — Владимиром, мужчиной примерно одного с ней возраста, — произошел следующий диалог. Указав на стенд, Владимир сообщил посетителям: «Это наши воины-интернационалисты». Нина поинтересовалась: «А есть ли здесь те, кто погиб в СВО?» Владимир ответил уклончиво: «Пока нет информации». Нина заинтересованно уточнила: «Нет? Бог миловал?». Владимир пояснил, что, мол, погибшие есть, но информации о них пока слишком мало. Нину почему-то такой ответ не устроил, и она несколько с вызовом заявила: «Но в районе должны знать об этом!». Владимир сказал, что есть в районе и «те, кто пришел оттуда», но они «об этом много не рассказывают» и потом добавил: «Это ад кромешный, но сейчас уже полтора года прошло, многое изменилось, появились новые тактики...», выдержал короткую, но многозначительную паузу и перевел разговор на другую тему (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023).

Краеведческий музей самого Новонекрасовска тоже обнаружил в себе следы войны. В нем исследовательница обнаружила два стенда, посвященных «СВО», расположенных недалеко от входа. Стенды информировали посетителей о «Евромайдане» и «русской весне», минских соглашениях и предпосылках СВО. Исследовательница посетила краеведческий музей в середине рабочего дня — возможно, именно поэтому, а возможно, вследствие непопулярности самого музея, других посетителей там не обнаружила.

Кажется, что в Новонекрасовске, несмотря на отсутствие провоенной символики в городском ландшафте, война тем не менее не остается незамеченной. Время от времени она напоминает о себе на городских мероприятиях или в местном музее, а еще — в повседневных разговорах людей друг с другом, чему будет посвящена отдельная часть этой главы.

Военное волонтерство: «Ты не можешь прекратить войну, но ты можешь отправить подгузники, пеленки, сгущенку»

Несмотря на то, что в Краснодарском крае нам не удалось побывать на встречах волонтерских организаций, помогающих армии, среди наших собеседников регулярно встречались люди, включенные в такое волонтерство в том или ином формате. От них мы знаем, что именно представляют из себя подобные инициативы в регионе.

В Краснодаре, например, волонтерские группы существуют при нескольких политических партиях. Кроме того, кое-кто из собеседников нашей исследовательницы рассказывал, что гуманитарную помощь собирают в православных храмах, которые они посещают, а в некоторых из них прихожане даже плетут маскировочные сети и шьют трусы для раненых. В Южном Соколе действует большая городская волонтерская организация — ее упоминали почти все наши собеседники. Жители Новонекрасовска говорили как минимум о нескольких волонтерских инициативах, связанных с войной. Например, в городе существует молодежная волонтерская организация при одном из местных колледжей, большую часть участников которой составляют студенты этого же колледжа. Сбор гуманитарной помощи также организуется местным отделением как минимум одной из политических партий, и эта помощь, по словам одного из наших собеседников, отправляется прежде всего мирным жителям, а не армии. Есть в Новонекрасовске и различные низовые инициативы. Например, одна наша собеседница рассказала про чат в телеграмме, в котором она состоит, — по ее словам, там «девочки собирают деньги и покупают все нужное для фронта» (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023).

Нередко провоенное волонтерство становится естественным продолжением других видов волонтерской и гражданской активности, в которые были вовлечены некоторые наши собеседники до войны. Например, Леонид — собеседник нашей исследовательницы в Краснодаре, — и до войны участвовал в решении различных городских, экологических и социальных проблем. Но с началом войны в его жизни появилось еще и связанное

с войной волонтерство: «Стало больше забот в плане помощи нашим бойцам. Ну, сначала беженцам, а потом бойцам. Мы постоянно что-то собираем, кому-то что-то помогаем» (м., 39 лет, политик, Краснодар).

Другая жительница Краснодара, Ирина, последние несколько лет находится на пенсии. До войны она работала «в разных благотворительных социально-ориентированных проектах», сейчас же участвует в «проектах, связанных с “СВО”» (м., 59 лет, пенсионерка, Краснодар). Если Леонид является тем человеком, который организует сборы и гуманитарные передачи, то Ирина откликается на частные запросы и пытается вовлечь своих знакомых в этот процесс, поскольку собственных ресурсов ей не хватает:

«То есть я сейчас просто сама так чисто для себя... Например, в Луганском госпитале там надо постельное белье, полотенце, еще что-то, я просто спрашиваю у своих знакомых, у кого, что есть, сама поехала, пособирала, перестирала, перегладила, отвезла, все на склад сдала» (ж., 59 лет, пенсионерка, Краснодар).

Как мы можем предположить, для людей, давно вовлеченных в гражданскую активность, провоенное волонтерство становится еще одним элементом этой активности. Собеседнику нашей исследовательницы Виталию — жителю Новонекрасовска и члену одной из парламентских партий, кажется важным помогать именно мирным жителям Донбасса и беженцам, а не российской армии:

«Мы только мирному населению помогаем. У нас такая установка. Ну, во-первых, потому что для армии у нас там есть целое министерство, которое этим и должно заниматься, — государство должно за это отвечать. Мы, в общем, туда не лезем. А мирному населению никто не поможет, кроме нас» (м., 44 года, политик, Новонекрасовск).

Сбор гуманитарной помощи оказывается деятельностью, которая позволяет Леониду, Ирине и Виталию проявить активную жизненную позицию. Нередко этому способствуют и соответствующие социальные связи — вся их структура перестраивается под текущие практические задачи. Такой «переход» оказывается наиболее логичным и не требует дополнительных усилий со стороны наших собеседниц и собеседников.

Другим понятным путем «входа» в волонтерство становится взаимодействие с разнообразными организациями, на первый взгляд никак не связанными с армией и фронтом. Наши собеседники посещают храмы,

водят детей в детские сады, ходят на родительские собрания в школы. В этих учреждениях часто происходит сбор гуманитарной помощи. Одна из наших собеседниц — Светлана, жительница Краснодара, рассказала о своем опыте: «Мы недавно в школе, где ребенок, собирали волонтерскую помощь для госпиталя. В храмах собирают, а мы ходим в храм» (ж., 38 лет, дизайнер, Краснодар). Светлане около тридцати пяти, наша исследовательница встретила ее у себя на съемной квартире — пригласила в гости, чтобы можно было спокойно и неспешно поговорить. Перемешав в чашке с чаем сахар, Светлана объяснила свои мотивы: «Потому что и там, и там люди. Ты ничего больше не можешь, кроме как собрать помощь. Ты не можешь прекратить войну, но ты можешь отправить подгузники, пеленки, сгушенку» (ж., 38 лет, дизайнер, Краснодар). Подобную установку мы обнаружили и в деятельности волонтеров в Бурятии (см. раздел 1.2.2): мотивом к участию в такой деятельности может служить вовсе не поддержка войны, а чувство бессилия, которое эти люди пытаются преодолеть. Чувствуя, что они не в силах повлиять на ход войны, остановить ее, они пытаются сделать хоть что-то — иногда этим «чем-то» становится помощь жителям прифронтовых зон или беженцев, а иногда — и помощь мобилизованным солдатам.

Некоторые жители края рассматривают подобные волонтерские проекты как один из методов воспитания, в том числе, воспитания патриотического. Например, еще одна жительница Краснодара, Ольга, мама двоих маленьких детей, рассказала нашей исследовательнице о волонтерских инициативах в детском саду, куда ходят ее дети:

«Блиндажные свечи они делали, игрушки детям Донбасса отправляли. Я в этом, в принципе, **ничего не вижу плохого**. И письма солдатам писали, открытки, и тому подобное. **Может быть, какой-то патриотический дух можно воспитывать** в детях. **Но насколько они понимают, для чего это?** Маленькие еще. Кажется, **во всех школах, детсадах такое сейчас обязывают**» (ж., 33 года, инженер в декрете, Краснодар).

Показательно в этом фрагменте то, как именно Ольга размышляет о помогающих армии инициативах, в которые оказываются вовлечены ее дети. С одной стороны, она не видит в них «ничего плохого» и предполагает, что таким образом можно воспитывать «патриотический дух». Но следующее вопросительное предложение как будто бы опровергает ее собственный аргумент: не слишком ли рано заниматься патриотическим воспитанием в детском саду? И, наконец, завершается этот фрагмент простой констатацией происходящего вокруг: так или иначе, этим занимаются все школы и детские сады. Иными словами, Ольга размышляет

об окружающей ее реальности, примеряет к ней разные аргументы, но в конечном счете, не имея, как и многие, четкого мнения по поводу войны, военного волонтерства и патриотического воспитания, она принимает реальность такой, какая она есть.

Конечно, участие в помощи армии практикуется не во всех детских садах и школах. Тем не менее ситуация в ее детском саду совсем не исключительная. Тамара, школьная учительница тридцати лет из Новонекрасовска, рассказала нашей исследовательнице о своем активном участии в сборе гуманитарной помощи — вместе с детьми она и ее коллеги пишут письма на фронт и делают подарки для военных:

«Мы сами собираем гуманитарную помощь, отвозим в пункт сбора. Несколько раз отвозили — не именно от школ, а в городской пункт сбора. Мы быстренько собрались, отвезли. <...> У нас учителя шинковали капусту им туда. <...>. Мы делали и эти вот амулеты бойцам “СВО”, тоже вместе с письмами отправляли» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск).

Тамара поясняет, что такие инициативы в ее школе стали одним из инструментов работы со «сложными» классами — возможностью чем-то занять детей, воспитать в них значимые, на ее взгляд, ценности: «То есть стараемся их как-то увлечь. Ко Дню матери делаем поделки, концерты — вот у нас такая вот... Куда-нибудь поехать в духовность» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск).

Тамаре было очень важно подчеркнуть добровольный характер такой активности, в том числе для детей: школьники, как она объясняет, сами приносят, кто что может. Одновременно наблюдения, сделанные нами в Бурятии, — там исследовательнице удалось увидеть скушающих школьников за добровольно-обязательной «волонтерской» работой — позволяют как минимум предположить, что у детей может быть другой взгляд на военное волонтерство.

Вероника — другая собеседница нашей исследовательницы в Краснодаре, — бойкая женщина лет шестидесяти, рассказала, что один раз участвовала в плетении сетей в церкви недалеко от дома. Ее главным желанием, однако, была помощь не бойцам «СВО», а своей уже совсем пожилой маме: «Мы с мамой крутили ленточки, из которых потом делается маскировочная сетка. Я посчитала, что ей будет полезна такая работа пальцами» (ж., 57 лет, работница сферы продаж, Краснодар).

Как мы могли убедиться, Вероника, Тамара, Ольга и Светлана, как и многие другие собеседники и собеседницы нашей исследовательницы, не являются убежденными сторонниками «СВО», несмотря на свое периодическое участие в военном волонтерстве. В каждом отдельном случае причины вовлеченности в такие практики, как правило, лежат за рамками поддержки или не поддержки войны. Иными словами, волонтерами могут двигать самые разные мотивы, лишь небольшую часть которых составляет желание «внести вклад в победу».

Для работницы образования Кристины, жительницы Южного Сокола, волонтерство стало значимой частью жизни:

«Я помогаю маскировочные сети плести. Я увидела, как люди последнее время свое готовы тратить на то, чтобы идти, что-то шить, что-то плести, что-то готовить. Меня это очень вдохновляет. Но также поддерживает понимание того, что в какой-то страшной ситуации ты не останешься один, что будут те, кто тебе всегда помогут» (ж., 37 лет, работница сферы образования, Южный Сокол).

Кристина с мужем переехали в Южный Сокол несколько лет назад, в начале войны они развелись. Волонтерское сообщество играет в ее жизни важную роль — она чувствует себя уверенней и понимает, что ей есть на кого опереться в сложной жизненной ситуации. Вероятно, развод с мужем и жизнь в городе без родных только увеличил для нее потребность в таком сообществе.

Другие жители края помогают армии прежде всего потому, что их близкие оказались в зоне «СВО». История Дарьи, учительницы шестидесяти лет из Новонекрасовска, удачно иллюстрирует эту тенденцию. Сын ее кумы был мобилизован, и с тех пор Дарья время от времени отправляет передачи на фронт — как сыну кумы, так и его сослуживцам. Нередко это требует от Дарьи необходимости торговаться и искать, где подешевле. Так, недавно она покупала несколько килограммов яблок, — и ей удалось договориться с продавцом о скидке. Вместе с другими жителями города, близкие которых тоже оказались на фронте, они собрали деньги на оплату доставки гуманитарной помощи прямо в зону боевых действий. «Яблоки быстрее всех расхватали!» — не без гордости говорит Дарья (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023).

Антонина — пожилая работница культуры из Новонекрасовска — яркий пример человека, вовлеченного в волонтерство вследствие своих устойчивых провоенных взглядов. В разговоре с нашей исследовательницей

она резко осудила людей, которые отказываются участвовать в сборах гуманитарной помощи. Ее осуждение в первую очередь касается именно тех, кто имеет для этого достаточные финансовые возможности. Антонина рассказала о своем знакомом, который не захотел участвовать в сборе денег для фронта, объяснив это тем, что он «их туда не посылал». Говоря об этом, Антонина акцентировала внимание на моральном аспекте отказа, указав на достаток своего знакомого: «Ездит на машине за несколько миллионов и тысячу рублей пожалел. Да? Вот тоже позиция. И как вот после этого?» — возмущалась она (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023). Сама Антонина состоит в одной из инициативных групп города и вовлечена в самые разные практики:

«Мы тут делаем все, что можем: сеточки плету, носки вяжу, трусы шью, какие борщи, супы эти делаю. Чем могу, всем помогаю, передачи делаю, собираем там, приглашаю там людей, собираем продукты, средства, передачку туда» (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023).

Словом, немало жителей Краснодарского края так или иначе вовлечены в различные волонтерские практики — ведь даже среди небольшого числа наших собеседников таких людей было достаточно. Конечно, кое-кто занимается этим в связи с устойчивыми провоенными взглядами и пытается вовлекать других (как, например, это делает Антонина). Большинство же участвует в военном волонтерстве по самым разным причинам, не являясь при этом активными сторонниками войны. Некоторые и прежде были вовлечены в различные формы социального активизма, и военное волонтерство предоставляет им еще одну возможность быть активными. Для кого-то такое участие имеет важную социальную функцию — оно обеспечивает чувство общности, ощущение того, что горожане всегда поддержат друг друга в трудную минуту. Кто-то решает волонтерить из-за неспособности повлиять на ход войны, но видит в этой практике возможность хоть как-то вовлечься и сохранить контроль над происходящим. Кто-то же просто хочет помочь близким, не по своей воле оказавшимся на передовой.

1.3.3. Война в жизни горожан: «Ничего не изменилось»?

Посетители Краснодарского края, подобно нашей исследовательнице, рискуют раствориться в безмятежности теплого и уютного южного региона. Повседневная жизнь в такой атмосфере, как кажется, способствует «отгораживанию» от войны: «Когда такая погода, то какие могут быть у людей переживания?» — вспомним еще раз слова одного из жителей города. По словам большинства наших собеседников, война не коснулась их непосредственно: у них нет родственников или близких, ушедших на фронт, они продолжают ходить на работу, водить детей в школы или детские сады, отдыхать на море. Тем не менее, война постоянно возникала в разговорах жителей края с исследовательницей — и не только потому, что исследовательница регулярно задавала вопросы про нее. Все-таки не так много людей в России смогли бы рассказать о последних двух годах своей жизни, никак не коснувшись войны.

Частыми случайными собеседниками нашей исследовательницы оказывались водители такси. В дороге они охотно отвечали на вопросы и делились своими размышлениями. Во время одной из таких поездок по Краснодару водитель такси Александр сказал: «Эта война никому не нужна. Но так как она есть, от нее никуда не убежишь» (этнографический дневник, Краснодар, ноябрь 2023). Однако у нас постоянно складывалось ощущение, что наши собеседники дистанцируются от войны. «Не хочется ходить ни на какие массовые мероприятия, потому что там так или иначе где-то это пролезет обязательно. В остальном нет. Нас не бомбят, к нам “Вагнер” не заходил. Визуально никаких изменений», — признался Дмитрий, фрилансер из Краснодара (м., 44 года, фрилансер, Краснодар).

Во многом наши наблюдения в Краснодарском крае совпадают со словами Александра, водителя такси. Большинство наших собеседников совсем не радовались войне, но принимали ее, полагая, что все равно не смогут каким-то образом повлиять на ход событий.

Бытовые и экономические эффекты войны

В попытках завести разговор о влиянии войны на жизнь собеседников наша исследовательница нередко начинала издали — спрашивала о том, что изменилось в городе за последние пару лет. Чаще всего она получала один и тот же ответ: «Да ничего не изменилось». Тем не менее если исследовательница продолжала этот разговор, она выясняла, что жизнь города и жизнь самого собеседника претерпели множество изменений в последние годы, и многие из них — в связи с войной.

В один из первых дней в Южном Соколе, прогуливаясь по парку, наша исследовательница увидела сидящую на лавочке женщину лет шестидесяти и подошла к ней, чтобы расспросить ее про город. Женщина, представившись Надеждой, рассказала, что живет в городе больше десяти лет и довольна своим местом жительства — тепло, уютно, воздух хороший. Когда исследовательница аккуратно перевела разговор на «СВО», — изменилось ли что-то в городе после ее начала, Надежда повторила слова других собеседников: «Как бы нас, пенсионеров, особо не касается это. Мы не слышим, чтобы здесь были какие-то изменения в связи с этим. Так что не могу сказать. Тихо и спокойно». Тем не менее она вспомнила закрывшийся в Краснодаре аэропорт: «Сейчас стало сложнее летать — надо добираться до Сочи, это единственный аэропорт». А потом добавила: «А еще у нас приехала одна соседка с Донецка. Но мы как-то сдружились, мы в очень хороших отношениях. Мы ходим, вместе гуляем» (ж., 64 года, пенсионерка, Южный Сокол).

Про закрывшийся аэропорт вспоминали и другие собеседники нашей исследовательницы, но чаще всего именно в Краснодаре. Водитель такси Анатолий, который вез нашу исследовательницу на одно из городских мероприятий, заметил, что закрытый аэропорт создает ощутимые сложности: «Приходится ехать на “Ласточке” до Сочи, и только там на самолет». Но не менее ощутимым изменением для него оказался рост цен: «Цены конские стали! На все» (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023). Анатолию вторит другой собеседник исследовательницы, мужчина лет сорока, с которым она разговорилась на фестивале национальных культур края:

«Чаще стал обращать внимание при приобретении товаров на цену. Начинаешь задумываться о целесообразности, о необходимости покупки какого-либо продукта, вещи — необходимо это или не необходимо, может ли подождать» (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар).

В то же время наши собеседники обращали внимание на то, что по сравнению с другими регионами Краснодарский край является экономически благополучным. Во время прогулки по осеннему городскому парку Новонекрасовска Константин, тридцатичетырехлетний журналист, поделился с нашей исследовательницей следующими соображениями:

«На Кубани люди **плюс-минус хорошо живут**. Людям за пределами Кубани реально денег не хватает. И **тактика с заваливанием деньгами ради войны, она сработала отлично**. То есть очень многие люди идут воевать, потому что это способ

просто заработать денег. На Кубани все равно плюс-минус сытые люди живут, и их не так-то просто деньгами туда поманить. У них худо-бедно, у них есть огород. **Когда у тебя в холодильнике есть колбаса, ты не очень хочешь воевать»** (м., 34 года, журналист, Новонекрасовск).

Константин отметил при этом, что его собственное материальное положение, положение его семьи и некоторых знакомых изменилось в худшую сторону после начала войны. Тем не менее никто из его знакомых не пошел служить по контракту ради заработка.

Также жители края говорили о трудностях в профессиональной деятельности, которые возникли из-за санкций. Например Денис, молодой врач, рассказывал, что они с коллегами испытывали острый дефицит расходных материалов, особенно в 2022 году:

«Очень много кто из дистрибьюторов оборудования прекратили поставку в Россию из-за санкций. Если с оборудованием еще не все так печально, потому что какой-то запас его есть, то с расходниками, которые меняются после каждого пациента <...> это ощущается непосредственно. Сейчас ситуация стабилизируется, по большей части за счет китайских партнеров, мы сейчас потихоньку переходим на китайское оборудование, работаем с их расходниками» (м., 26 лет, врач, Краснодар).

На подобные проблемы жаловались не только работники медицины, но и IT-специалисты. Впрочем, и те, и другие, так же как и Денис, признавались, что в настоящий момент, осенью 2023 года, все более или менее наладилось — может быть, как до войны не стало, но работать вполне можно.

Александра, молодая женщина, с которой наша исследовательница познакомилась во время прошлой поездки в Краснодар, сокрушалась, что «пропало очень много товаров: ни косметики нет, которой она раньше пользовалась, ни магазинов с одеждой, где обычно покупала себе вещи. Непонятно, куда сейчас ездить отдыхать с семьей — раньше ездили в Европу, в прошлом году поехали в Сочи, где цены как в Европе, а условия несравнимо хуже» (этнографический дневник, Краснодар, ноябрь 2023).

Несмотря на то, что жители Краснодарского края сообщают о различных бытовых трудностях, возникших на фоне войны, они не считают последние достаточно серьезными для того, чтобы называться «изменениями в

жизни». Настоящие изменения, как мы поняли из разговоров с нашими собеседниками, — это когда кто-то из близких оказывается в зоне боевых действий. Но таких людей мы почти не встретили.

Никто из семьи не ушел — значит, все в порядке?

При этом у многих наших собеседников были знакомые, которые ушли на войну; многие также регулярно слышали истории о воюющих или даже погибших земляках. Если героями этих рассказов были профессиональные военные и добровольцы, то они не вызывали особого сочувствия у наших собеседников — ведь люди сами сделали свой выбор. «Ну, воюют, кто хочет деньги заработать», — как-то сказала соседка исследовательницы в Краснодаре (ж., 51 год, работница сферы образования, Краснодар).

Наличие желающих служить по контракту в сочетании с общим богатством края дает возможность тем, кто не хочет участвовать в войне, избежать этого. «У меня близкий знакомый, хороший парень <...>. Месяца два назад ему пришла повестка на военные сборы, он пошел, откупился», — рассказал нашей исследовательнице журналист Константин во время прогулки по вечернему парку в Новонекрасовске (м., 34 года, журналист, Новонекрасовск). Понимая, что желающих отправиться в зону боевых действий достаточно, многие испытывают облегчение. Максим, молодой человек, имеющий отсрочку от мобилизации по работе, признался нашей исследовательнице во время интервью: «Это хорошие ребята, которые, на самом деле, сейчас сидят в окопах вместо нас, потому что они туда пошли, и так или иначе дали возможность не идти туда нам» (м., 27 лет, IT-специалист, Краснодар).

Однако далеко не все наши собеседники и собеседницы могут уверенно смотреть в будущее. Как-то раз по дороге домой исследовательница увидела на детской площадке молодую женщину — та представилась Ольгой и кивнула на двух маленьких детей, мол, ее, приглядывает. Размышляя о том, что изменилось с начала «СВО» для ее семьи, Ольга заключила: «Конкретно нас война никак не затронула, слава богу. А так, думаю, что некоторые семьи затронула». Например, она рассказала, что недавно похоронили ее одноклассника, что «у мужа пара друзей там служат — военные, призвали». Мужа самой Ольги, по ее словам, «пронесло», он «по военному билету “условно годен” по состоянию здоровья». При этом Ольга осознает, что не защищена от влияния войны на свою жизнь в будущем — при определенных обстоятельствах ее мужа могут призвать на войну: «Поэтому страх и присутствует» (ж., 33 года, инженер в декрете, Краснодар).

Переживания по поводу своего будущего свойственно не всем нашим собеседникам. Например, по мнению Николая, активного сторонника войны, которого наша исследовательница встретила в парке, где он читал газету, закинув ногу на ногу, ничего специфического в стране не происходит: «Кто-то гибнет, не без этого, но люди и на гражданке гибнут, я не считаю это великой катастрофой», — объяснил он. Из его окружения никого не «забрали» на войну («даже из соседей, не то что родственников»), а у него самого почти нет рисков пострадать — ему давно за пятьдесят, а со своим взрослым сыном он в плохих отношениях:

«Он жук такой, что ему никакая мобилизация не грозила. Мы с ним еще давно поссорились, что он мне “папа, отмажь меня от армии”. Я ему предлагал, что могу отмазать только путем поступления в [техническое] училище, только так. А он и учиться не хотел, и в армию не хотел» (м., 55 лет, строитель, Краснодар).

Для многих наших собеседников в Краснодарском крае именно участие их близких в войне означало бы, что война «отразилась» на их жизни. Часть из них испытывают облегчение, говоря о том, что война их напрямую не коснулась: «Тьфу-тьфу-тьфу, никто из семьи не ушел», — говорит Татьяна, соседка нашей исследовательницы в Краснодаре (ж., 51 год, работница сферы образования, Краснодар). Тем не менее, страх перед неизвестным будущим (см. подробнее главу 2.4) и ощущение незащищенности то и дело проявляются в разговорах, даже если собеседники «не замечают» войну на повседневном уровне.

Нервное напряжение

Помимо страха за себя и своих родных, в разговорах с жителями Краснодарского края мы заметили еще один важный момент. О нем впервые заговорил Максим — тот молодой человек, который выше рассуждал о «ребятах, сидящих в окопах вместо нас». Он пил кофе, сидя напротив нашей исследовательницы в одной из популярных кофейен Краснодара, и неспешно подбирал слова: «По большей части, наверно, если посмотреть на город, то ничего не поменялось: те же люди, также свободно ходят». Максим продолжил:

«Но если говорить о мироощущении, то наверняка... Хотя, это одинаково могло бы повлиять не только на жителей Краснодарского края, но и на жителя любой точки России... Потому что, несомненно, это добавило ощущение какой-то нестабильности в повседневной жизни» (м., 27 лет, IT-специалист, Краснодар).

На фоне играла ненавязчивая музыка, люди за соседними столами пили кофе, ели десерты, их разговоры сливались в монотонное жужжание. Максим закончил свою мысль: «Людям страшно, они находятся в нестабильности эмоциональной, в финансово-экономической нестабильности» (м., 27 лет, IT-специалист, Краснодар).

Как-то раз наша исследовательница возвращалась домой по центральной улице после очередного интервью и обратила внимание на девушку лет двадцати, одиноко сидящую на скамейке. Исследовательница подошла познакомиться и попросила разрешения задать несколько вопросов для социологического исследования. Девушка, казалось, старалась отгородиться от происходящего: «Меня это не касается и ладно». Тем не менее говоря о городе, она заметила:

«Кажется, **все более загруженным стало**. И с работой какие-то проблемы, и с финансами постоянно у всех проблемы. И сам город какой-то более загруженный стал, много-много людей. Раньше такого, мне кажется, не было, было все более спокойно, лайтовенько. А **сейчас все суровее**» (ж., 23 года, безработная, Краснодар).

Как и Максим, эта девушка отмечает перемены в психологическом состоянии окружающих, но утверждает, что на ее собственную жизнь война не повлияла. Фрилансер Дмитрий же признается в переменах своего эмоционального состояния: «На мою жизнь повлияло, — стало нервненько, скажем так. То есть мне, как человеку, который сильно не за, — мне многие вещи неприятны, приходится сильнее фильтровать базар» (м., 44 года, фрилансер, Краснодар).

Еще один собеседник нашей исследовательницы, Денис, расположившись на летней веранде в еще одной популярной кофейне Краснодара, поделился одним из возможных объяснений замеченной Максимом «эмоциональной нестабильности»:

«Краснодар находится достаточно близко к этому всему, поэтому в городе **чувствуется некоторое напряжение**. У нас **особо не принято открыто об этом говорить**, но люди живут, честно сказать, в напряжении, и — что уж говорить? — я тоже. Мы знаем, отсюда на Украину уезжают добровольцы, мы это все видим, живем в этом» (м., 26 лет, врач, Краснодар).

Еще более откровенно эту тревожность обозначила Елена из Новонекрасовска, но добавила, что сама старается ей не поддаваться:

«Мы близко все равно. Тут, конечно, есть опасения. И Крым же тут у нас этот злосчастный. Если что-то с Крымом случится, что потом? Вдруг они решат через пролив сюда, к нам. Но я предпочитаю уже на данный момент не задумываться об этом, потому что, когда ты начинаешь себя накручивать, начинаешь паниковать, я в этом не вижу смысла, чтобы жить, страдать, а продуктивность падает, а повлиять ни на что не могу. Поэтому думать об этом... Я стараюсь не думать» (ж., 31 год, врач, Новонекрасовск).

Тем не менее многие собеседники нашей исследовательницы в Краснодарском крае вряд ли согласились бы с Максимом, а тем более — с Денисом. Большинство из них выражали уверенность, что Краснодарский край ничуть не опаснее любого другого региона России.

Уверенность в безопасности

За несколько месяцев до приезда нашей исследовательницы в Краснодар город пострадал от атаки беспилотника, в результате которой были задеты два дома, обошлось без жертв. Лишь немногие собеседники исследовательницы вспоминали эту историю, и те не выражали никакой тревоги по ее поводу. Соседка нашей исследовательницы Татьяна сказала об этом так: «Где-то бабахнуло, на Морской вроде. Но я не слышала» (ж., 51 год, работница сферы образования, Краснодар).

Уезжая из Краснодара в Южный Сокол, исследовательница вызвала такси до вокзала и, как обычно, заговорила с водителем. Она поинтересовалась, давно ли тот живет в городе, а затем — на правах любопытной туристки — спросила, ощущается ли в городе близость войны. «Нет, конечно!» — удивился таксист. В ответ удивилась уже наша исследовательница: «Ну один раз тут какой-то дрон даже к вам прилетал, дом задело!». Водитель, казалось, не придавал этому большого значения: «Да... Там какой-то дрон, или что это было? В Москве вон тоже было! До Кремля даже долетело!» (этнографический дневник, Краснодар, ноябрь 2023). Мы видим, что даже когда исследовательница сама напомнила своему собеседнику о непосредственном эффекте войны, тот не спешил разделять ее беспокойство. Да, конечно, — как бы говорит водитель, — я знаю об этом событии, но дроны падают на города везде, даже в столице, и в этом нет ничего особенного, ничего такого, о чем стоило бы думать или говорить. Мы уже не раз встречались с подобными попытками наших собеседников предста-

вить в качестве нормы экстраординарные события и даже писали о таком способе нормализации войны в [предыдущем аналитическом отчете](#). Особенность этого диалога, однако, в следующем: он демонстрирует, что не только далекие и поэтому абстрактные события (война где-то в Украине), но и нечто наблюдаемое и переживаемое непосредственно (дрон на соседней улице) может со временем становиться частью повседневности, переставая казаться чем-то экстраординарным.

Когда наша исследовательница замечала в беседах с жителями края, что линия фронта находится совсем недалеко, те обычно возражали: «Ну, прошу прощения, это с точки зрения столиц не так далеко. Но вообще это действительно далеко!» (м., 46 лет, советник директора частной компании, Краснодар). Или: «Ростов, конечно, там совсем рядом. А у нас тишина. Только вот эти самолеты “бахают”» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск). Самолеты, которые периодически «бахают» как в Новонекрасовске, так и в Южном Соколе, стали для их жителей такой же привычной частью жизни, как буквы Z на городском транспорте для краснодарцев.

Нашей исследовательнице и самой довелось с ними столкнуться. Уже в первый день своего пребывания в Южном Соколе она услышала громкие звуки, похожие на взрывы, но быстро заметила, что никто не придает им значения. Оказавшись чуть позже в такси, исследовательница уже привычно поинтересовалась у водителя, ощущается ли в городе близость «СВО». «Ну, тут иногда слышно», — признался тот. Но тут же успокоил ее: утренние звуки «взрывов» — это всего лишь «военный самолет, переходящий звуковой барьер» (этнографический дневник, Южный Сокол, ноябрь 2023).

Жители Южного Сокола, даже на фоне краснодарцев и новонекрасовцев, демонстрировали особенную уверенность в своей безопасности. Например, как-то раз наша исследовательница соблазнилась рекламой бесплатного массажа, а также возможностью прямо во время сеанса расспросить мастера о жизни в городе. Начав, как всегда, с вопроса об ощущении войны в городе, она услышала такой же привычный ответ: нет, сказала собеседница, о войне никто не говорит и не думает, «так же как везде, люди сюда приезжают отдыхать с удовольствием», «а мы непуганые, поэтому и не боимся» (этнографический дневник, Южный Сокол, ноябрь 2023). Наталья же, с которой наша исследовательница случайно заговорила во время прогулки в городском сквере Южного Сокола, выразила уверенность в том, что городу ничего не угрожает, поскольку

рядом находятся воинские части: «Потому что защищено, конечно, ничего сюда не прилетит. Абсолютно!» (ж., 33 года, госслужащая, Южный Сокол).

Наши собеседники в Краснодарском крае говорят о войне как одновременно о чем-то далеком, не затрагивающим их повседневные жизни («нас не призывают», «до нас не долетает»), и о чем-то обыденном, являющимся привычной частью повседневности («дроны везде падают»). Такое парадоксальное восприятие войны позволяет им ужиться с происходящим.

***

Краснодарский край — один из наиболее благополучных регионов России с экономической точки зрения, и пожалуй, самый благополучный с точки зрения географического положения: край омывается двумя теплыми морями, привлекает людей своим климатом и плодородными почвами. В то же время, его географическое положение имеет и другую особенность: на юге край граничит с Абхазией, а на западе — с Крымом, то есть является приграничной территорией. В 2008 году жители края оказались вблизи боевых действий, а с февраля 2022-го война снова идет совсем рядом. Пусть у подавляющего большинства наших собеседников нет погибших на фронте друзей или близких, все они знакомы с кем-то, кто ушел воевать. Тем не менее война для них, как правило, не является поводом для беспокойства: они ощущают себя вдали от боевых действий и в безопасности. Это, однако, не означает, что так называемая «спецоперация» никак не сказывается на их жизнях. Например, в словах многих жителей края звучат нотки тревоги, связанные с переживанием по поводу неясного будущего.

Война проникает в культурное пространство края — но осторожно. На крупных городских мероприятиях военная тематика почти не звучит, а локальные тематические мероприятия вокруг темы «СВО» собирают скорее узкую, заинтересованную публику. В столице края нам встретилось много провоенной агитации, а в музеях всех трех городов обнаружилось выставки, посвященные героям «СВО». Но за полтора года местные жители настолько привыкли к этому, что попросту перестали обращать внимание. Краснодар живет обычной, весьма насыщенной жизнью: туда активно приезжают туристы, яркие афиши на улицах города предлагают обширную культурную программу, кафе и рестораны принимают посетителей в том числе на своих летних верандах, на главном проспекте по выходным играют уличные музыканты, вокруг которых собираются про-

хожие, двигаясь в ритме музыки. Обычной жизнью живут и малые города края: Южный Сокол также развлекает туристов, менее туристический Новонекрасовск живет тихой привычной жизнью.

Мы не раз ловили себя на мысли, что жители Краснодарского края не хотят ни говорить, ни думать о войне, однако война то и дело напоминает о себе сама: закрылся аэропорт, выросли цены, сын кумы ушел на фронт, соседу пришла похоронка, в школе классный руководитель детей попросил скинуться на медикаменты для фронта, в храме предложили поучаствовать в плетении сетей, а на соседнюю улицу упал дрон. Совсем не замечать этого невозможно, но можно всеми силами стараться «не думать об этом» — чем и занимаются многие наши собеседники.

1.4. «У нас сейчас как будто нет войны»: сходства и различия военной повседневности в трех регионах

Краснодар и Улан-Удэ, Черемушкин, Удург, Южный Сокол и Новонекрасовск — города разного размера, разбросанные по карте России, бедные или не очень, расположенные далеко или близко от фронта: может ли быть что-то общее в том, как их жители переживают так называемую «спецоперацию», затянувшуюся на годы? Удивительно, но это сходство сразу бросается в глаза: везде люди так или иначе пытаются жить нормальной жизнью и не замечать войну. Они не обсуждают войну друг с другом без надобности и отмахиваются от исследователей с их вопросами: война далеко, нас она не касается. Одновременно, когда не замечать происходящее уже невозможно — например, погибает кто-то из знакомых или осколки дрона попадают в здание на соседней улице — они всячески пытаются представить происходящее в качестве нормы, а не чего-то экстраординарного. Дроны падают везде, — говорят они, — а войны были всегда.

Ощущение близости войны, с которым жителям этих городов приходится справляться, возникает при этом в разных регионах в связи с разными обстоятельствами. На это ощущение влияют такие географические факторы, как, например, количество военных частей (Бурятия) и колоний, откуда вербуют заключенных (Черемушкин) или близость к зоне боевых действий (Краснодарский край). Однако не менее важными являются и такие социальные факторы, как плотность социальных связей, циркуляция новостей, передаваемых знакомыми с фронта, или количество смертей в населенном пункте.

Во всех трех регионах разговоры о войне звучали в публичных местах и во время городских мероприятий все реже. В Черемушкине за последний год практически полностью исчезли визуальные отсылки к войне — не осталось даже рекламы набора на контрактную службу. В Улан-Удэ и Удурге тоже мало что напоминает о том, что страна уже второй год находится в состоянии военного конфликта. В городах Краснодарского края, расположенного ближе всего к зоне боевых действий, все еще хватает Z-символики, но и там ее количество за последний год уменьшилось. Эти небольшие различия могут объясняться внешними факторами — например, усердием местных властей и размером регионального бюджета. В то же время, концентрация визуальных отсылок к войне зависит и от инициативы самих горожан: например, и в Черемушкине, и в городах Краснодарского края люди сами стали избавляться от провоенных на-

клеек на своих машинах. Ни в одном из городов (за исключением одного случая в Краснодаре) мы не обнаружили антивоенных высказываний в виде граффити, наклеек или надписей, хотя, например, из телеграмм-канала «Видимый протест» мы знаем, что в прошлом такие высказывания иногда появлялись.

Во всех трех регионах организаторы публичных мероприятий избегали упоминаний о войне, осознанно или нет. Чаще всего общественные мероприятия проводились по привычным лекалам и, по впечатлениям исследовательниц, почти не отличались от подобных мероприятий в мирное время. В то же время в каждом регионе среди организаторов и участников мероприятий были энтузиасты, увлеченные темой войны в силу личных пристрастий или профессиональных интересов. Так, в Черемушкине отец Константин проводил провоенные молебны, а в Южном Соколе на культурное мероприятие в библиотеке собрались местные вдохновленные войной поэты. Такие события и объединения напоминают «клубы по интересам», которые собирают свою аудиторию, но не влияют на общую картину. Между тем в Бурятии «День отца» оказался заметным для горожан провоенным событием. Он привлек неожиданно много людей и вызвал у них эмоциональный отклик. Возможно, это произошло потому, что организаторы мероприятия, несмотря на всю его официозность, смогли ответить на запрос на героизацию не только погибших, но и их родственников.

В Краснодарском крае и Республике Бурятия мы обнаружили больше всего действующих волонтерских инициатив, направленных на помощь российской армии — впрочем, отчасти это может объясняться тем, что только в этих регионах исследовательницы побывали в крупных, столичных городах. Одновременно можно предположить, что существуют особые причины, делающие провоенное волонтерство в этих двух регионах популярным. В Краснодарском крае эта популярность вероятно связана с географической близостью войны: например, логистически удобнее располагать пункты сбора помощи недалеко от фронта, к тому же, сама помощь ощущается как менее эфемерная, когда ее получатели находятся рядом. А в Бурятии в практиках помощи армии из-за выраженной локальной идентичности, большого количества военнослужащих и сильных социальных связей участвуют даже противники войны, которые чувствуют необходимость помочь «своим». В обоих регионах военное волонтерство помогает людям ощущать принадлежность к сообществу и преодолевать чувство беспомощности, связанное с войной и ее последствиями.

Экономическое и социальное неравенство влияет не только на то, как люди воспринимают войну, но и на их поведение. Например, чем бед-

нее регион, тем менее участие в боевых действиях видится результатом выбора. В Бурятии, дотационном регионе с большим количеством военных частей, высоким уровнем безработицы и низкими зарплатами, наши собеседники рассматривают подписание контракта и службу в зоне боевых действий как альтернативу вахтенной работе или отсутствию работы в принципе. В более благополучном, но все еще довольно бедном Черемушкине о войне тоже часто говорят как о работе — но о работе непривлекательной, где даже относительно высокая зарплата не покрывает связанных с ней рисков. Сам факт наличия такого критического осмысления участия в войне указывает на то, что у людей в Черемушкине, в отличие от многих жителей Бурятии, есть ощущение возможности выбора. В более процветающем Краснодарском крае люди сами признаются, что относительное экономическое благополучие оставляет им выбор участия («когда у тебя в холодильнике есть колбаса, ты не очень хочешь воевать»), и выражают благодарность тем, кто сидит в окопах «вместо них».

Отношения жителей с государством и властью отличает Бурятию от других регионов — и влияют на содержание разговоров о войне. В Краснодаре, Южном Соколе, Новочеркасовске и Черемушкине, общаясь друг с другом, люди периодически жалуются на поведение власти и абстрактных «власть имущих», которые отправляют умирать их сограждан. Жители обоих регионов открыто говорят о недостаточном снабжении российской армии, из-за чего мобилизованным и их семьям приходится тратить собственные деньги на покупку обмундирования и необходимых вещей. В Бурятии, даже в ситуациях, когда наша исследовательница пыталась вывести разговор на обсуждение проблем со снабжением или смертностью, люди уходили от обсуждения этих тем. Государство кажется многим жителям Бурятии защитником и помощником, а еще тем, что превращает погибших в героев и делает их смерти ненеприятными.

Однако, несмотря на наличие недовольства многими аспектами войны в Черемушкине и городах Краснодарского края, ни гибель российских военных, ни другие очевидно связанные с войной и действиями российского правительства события (от прилета дронов до роста цен) не становятся для оправдывающих войну жителей основанием для критики государства и поиска ответственных за войну и приносимые ей беды внутри России. Для большинства из них война превратилась в привычную, не требующую объяснений и обсуждений, часть реальности. В каком-то смысле война перестала переживаться как событие, причины которого можно было бы обсуждать и за ходом которого можно было бы наблюдать. Сейчас, через два года, только когда эффекты войны затрагивают семью, друзей, сообщество своих, работу, отношения, — она вызывает подлинный эмоциональный отклик, продолжая, однако, восприниматься скорее как постигший общество природный катаклизм.

Часть 2.

**Как (не) говорят о войне в
новой реальности**

2.1. Восприятие войны

 Вситуации, когда война становится все более привычной частью российского общества, ее восприятие жителями страны не может не меняться. Из [опросов общественного мнения](#) мы знаем, например, что в течение 2023 года число как убежденных сторонников, так и убежденных противников войны уменьшалось, в то время как число уклоняющихся от ответа о своем отношении к войне и людей без определенного отношения — росло. [Качественные исследования](#) показывают, что даже среди убежденных противников войны есть те, кто со временем становятся все более лояльными государству, но не потому, что они меняют свои взгляды, а потому, что хотят жить нормальной жизнью и устают сопротивляться.

Одновременно появление в политической жизни антивоенных кандидатов Екатерины Дунцовой и Бориса Надеждина накануне выборов пробудило недовольных россиян. Огромные очереди из желающих поставить подписи за Надеждина явно на это указывали. Об этом же говорили и [результаты социологических опросов](#), проведенных в последние месяцы. Узнаваемость и популярность Надеждина и Владислава Даванкова уверенно росли — потому что с их именами россияне связывали надежду на мир. Узнаваемость Надеждина выросла с 38% до 45%, а Даванкова — с 25% до 46%.

Что говорят нам о восприятии войны в российском обществе противоречивые тенденции, заметные в опросах общественного мнения? Как можно понять, что думают те, кто уклоняется от ответов на вопросы об отношении к войне? На основе анализа качественных данных — интервью, фокус-групп и наблюдений — мы предложим более сложную картину восприятия войны россиянами.

Как и в других главах этой части, мы отдельно описываем восприятие войны ее противниками и ее не-противниками. Разумеется, это разделение сугубо аналитическое: в реальности отношение к войне представляет собой континуум, на крайних полюсах которого находятся убежденные сторонники и противники войны, а все остальные располагаются между ними. Но поскольку мышление и действия в разных частях этого континуума отличаются друг друга исследователям приходится каким-то образом делить людей на группы. Мы называем противниками войны тех, кто последовательно критикует войну, никогда не переключаясь на ее оправдание. Соответственно, всех остальных мы называем ее не-против-

никами. Среди последних есть как убежденные сторонники войны, так и те, кто оправдывает войну как «меньшее из зол» или вообще старается отстраниться от ее оценки.

Как меняется взгляд на войну в российском обществе спустя почти два года после ее начала? Что влияет на эти изменения? В этой главе мы поделимся с вами парадоксальным наблюдением: люди, оправдывающие войну, одновременно ее критикуют, причем постоянно, а зачастую и довольно резко. Чем тогда отличается восприятие войны оправдывающих ее россиян и восприятия войны ее убежденных противников — если и те, и те недовольны происходящим? И как одни сосуществуют с другими в новой реальности современной России? Эта глава дает ответы на эти и подобные вопросы.

2.1.1. Не-противники

Не-противники — это кто? И как меняются их взгляды за два года войны?

Не-противниками войны мы условно называем всех тех россиян, которые поддерживают войну, оправдывают ее или отстраняются от ее оценки. Иными словами, в эту категорию попадают люди с разным отношением к войне (или даже без определенного к ней отношения), но все они не являются критиками вторжения в Украину.

Каковы главные тенденции в динамике отношения к войне ее не-противников согласно данным опросов общественного мнения? Опросы команд «Хроники» и ExtremeScan [показывают](#), что в течение 2023 года поддержка войны падала, а желание мира нарастало. Так, в начале войны доля ее «декларативных сторонников» составляла 63%, а затем снижалась и на протяжении большей части 2023-го года держалась на уровне 53%. А вот группа «уклонистов», то есть тех, кто затрудняется или отказывается отвечать на вопрос об отношении к войне, росла, увеличившись в течение 2023 года с 28% до 36%.

Эта тенденция как будто бы начала [меняться](#) в июне 2024 года. Весенняя волна опросов, проведенных разными командами, продемонстрировала рост поддержки войны. [По мнению экспертов](#) портала Re:Russia, этот рост может объясняться улучшением социальных настроений в обществе или увеличившейся уверенностью в преимуществе России на поле боя. Результаты нашего, качественного, исследования дают углубленную картину изменений в восприятии войны ее не-противниками.

Наше исследование началось с сомнения в том, что подавляющее большинство россиян всецело поддерживают «специальную операцию». Глядя сегодня, спустя два года, на тех, кто не считает себя противниками войны, мы задаемся похожими вопросами. Можно ли сказать, что в России формируется большинство убежденных сторонников войны? Можно ли уверенно разделить общество на ее сторонников и противников? Что именно поддерживают те, кто декларирует поддержку «специальной военной операции»?

Между критикой и оправданием

Если раньше мы преимущественно опирались на метод интервью, который предполагает ответы на конкретные вопросы под запись, то теперь, благодаря этнографическому методу, мы смогли увидеть, как люди, не являющиеся противниками войны, говорят о ней в неформальной обстановке, причем в разных обстоятельствах и контекстах. Эти наблюдения привели нас к важному методологическому выводу: если в случае противников войны (как и ее уверенных сторонников) изменение формата беседы не оказывало существенного влияния на оценку происходящего, то суждения о войне большинства ее не-противников оказались напрямую зависимы от контекста и формата коммуникации. В зависимости от того, что говорили исследовательницы (иногда реплики исследовательниц носили провокативный, «экспериментальный» характер — подробнее об этом мы пишем в разделе «Методология»), люди переключались между критикой и оправданием войны.

Этнографический метод вкупе с интервью и фокус-группами позволил нам сделать важный вывод о динамике восприятия политической ситуации в стране и войны ее не-противниками. Не-противники, особенно аполитичные, стали больше критиковать войну, и одновременно сильнее чувствовать свою связь со страной и государством, ведущим эту войну. Упрощая, можно было бы сказать, что они стали и критичнее, и патриотичнее. При этом сочетание критики и патриотизма не привело к, казалось бы, возможному политическому синтезу, например, в форме критического патриотизма в духе «я люблю свою страну, но ненавижу государство» — и ниже мы объясним почему.

Сначала же мы опишем саму «игру» критики и оправдания войны и выявим логику переключения между этими режимами речи. В этом описании мы будем преимущественно опираться на этнографические дневники, причем в основном на один из них — из поездки в Черемушкин. Именно в Черемушкине мы впервые увидели это своеобразное сочетание критики и оправдания войны. Нам удалось это сделать благодаря

оригинальной стратегии исследовательницы, которая часто реагировала на критику войны со стороны ее собеседников и собеседниц вопросом: «Так, а может, быть и не надо было России начинать войну? Или: «Так, а может, тогда стоит немедленно вывести войска из Украины?»» Анализируя весь корпус данных, мы стали замечать сходное сочетание критики также оправдания и в материалах из двух других полей.

Критика войны: моральная, экономическая, «классовая»

В целом *лояльные к власти* россияне часто критикуют войну и делятся недовольством по ее поводу. Подчеркнем: это — критика, которую озвучивают не-противники войны. После анализа их критики мы проанализируем, как эти же самые люди оправдывают войну.

За два года войны изменилось кое-что очень важное в том, как россияне получают информацию о ней. В начале войны, рассуждая о ней и оправдывая ее, они вынуждены были по преимуществу опираться на новости из СМИ. Со временем они накопили множество личных наблюдений и знаний о войне, не опосредованных прессой и социальными сетями. Это новое знание они черпают из общения с теми, кто побывал на фронте, или с их знакомыми: к концу второго года войны в небольших городах практически не осталось людей, которые бы лично не знали кого-то, кто участвовал в войне. И, как правило, отсылая к более личному, не опосредованному прессой, знанию о войне, наши собеседники критиковали ее, противопоставляя это знание («правду») телевизионному официозу («лжи и пропаганде»). Так, например, работница музея из города Черемушкина возмущается в интервью:

«Все равно есть знакомые мальчишки, которые там находятся, и **они рассказывают какие-то вещи, которых, конечно, не покажут по телевизору**, про которые не скажут по телевизору. Четыре месяца назад мальчик приезжал, совсем молодой, ему 20 лет, приходил в гости, знакомый. <...> Он прямо совсем [сказал, что] там не то, что мы смотрим и видим. И они это все видят, они это все знают. Он: “Не верьте тому, что говорят по телевизору. Это не то. **Все, что там показывают — это все вранье**”. Одно время было про Артемовск, что мы его взяли. “Никуда мы не подступили, мы уходим назад. Но вам этого не покажут”, — так говорил. Как говорят, что все хорошо... Да, боеприпасы, оружие, это все есть. Даже вчера мы разговаривали — это все есть.

Но экипировку они всю покупают за свои деньги. **Государство им не выдает**, типа “мы все выдали” — ничего этого нет» (ж., 43 года, работница музея, Черемушкин).

Таким образом, это недовольство войной опирается на новые факты, о которых люди узнают лично из общения со знакомыми. Эти факты наделяются легитимностью «правдивых», противопоставленных телевизионной лжи. Важно, однако, что эта критика *может* выходить за пределы критики одних лишь фактов. «Правдивый» статус последних иногда способствует развитию более обобщенной критики войны. Грубо говоря, люди могут быть настолько уверены в этих фактах, что начинают ставить под вопрос действия государства как такового («ради чего, ради кого мы воюем?»). Развивая различные виды такой обобщающей критики — экономическую, социальную, классовую — не-противники войны тем не менее не становятся ее противниками. Риторические вопросы о смысле войны и оправданности действий государства редко переходят в прямые обвинения власти как ответственной за начало войны. Мы еще вернемся к этой мысли позднее.

Личное знание о войне, накапливаясь, становится предметом разговоров и сплетен. В этих разговорах рождается *моральная критика отклонений общества* — то есть высказывания людей, критически оценивающие поведение окружающих с точки зрения общепринятых норм — часто затрагивающая тему войны. Такие оценки россияне, не являющиеся противниками войны, раздают направо и налево. Часто эти оценки касаются «аморального поведения» женщин, чьи мужья находятся на фронте или погибли там. Мы подробно описывали циркуляцию таких оценок и сплетен в городе Черемушкин Свердловской области в посвященной ему главе (см. главу 1.1).

Привычка оценивать поведение друг друга, привычка к морализаторству становится своеобразным стартом для социальной критики. В условиях риска призыва на фронт и реальности, в которой знакомые люди воюют, критика войны рождается из повседневных, бытовых разговоров наших собеседников о личной жизни своих знакомых. Так, в одном из неформальных разговоров в Черемушкине уже упоминавшаяся медсестра Жанна жаловалась на желание своего мужа пойти на фронт: «Я ему говорила: “Ты понимаешь, что у тебя маленький ребенок, у тебя я. Вот ты уйдешь, не будет тебя — и что? Кто будет растить твоего ребенка?”». Она продолжила свое рассуждение в том духе, что, конечно, у ребенка может появиться новый папа, но с ее точки зрения, достойным отцом будет только родной отец. Приемные отцы, по ее опыту, часто плохо ведут себя с детьми своих жен, потому что «всякие бывают ебнутые мужики»

(этнографический дневник, Черемушкин, август 2023). Иными словами, взвешивая риски для своей семьи из-за возможного ухода мужа на фронт, Жанна, с одной стороны, практически утверждает, что война разрушает семьи, а с другой — раздает оценки девиантному поведению других людей. Разговоры и сплетни, наполненные такими оценками, превращаются в критику войны и в других ситуациях. Например — и снова, мы уже подробно писали об этом в главе, посвященной Черемушкину (см. главу 1.1) — рассуждая о том, что дороже, жизнь близкого человека или деньги, полученные от государства, наши собеседники (а в особенности, собеседницы), руководствуясь нормами общечеловеческой морали, делают выбор в пользу жизни.

Такие оценки и «взвешивания» *в теории* могут привести и к политической критике войны. Об этом мы знаем из высказываний движения жен мобилизованных, часть которого в последние месяцы превратилось в движение оппозиционное, протестное. Родственницы военнослужащих в своей публичной критике российских властей часто говорят то же самое: нам не нужны ваши подачки в виде денег, верните наших любимых с фронта! Можно предположить, что морально-политическая критика российских властей со стороны активисток движения «Путь домой» укоренена в народном морализаторстве, распространенном в самых разных социальных средах и населенных пунктах в России.

Люди, в целом оправдывающие войну, могут критиковать различные ее аспекты *с экономической точки зрения*. Важный пункт недовольства наших собеседников касается материального аспекта участия в войне — оснащения и подготовки людей, которых призывает и отправляет на фронт государство. Наши собеседники часто жалуются на то, что затраты на подготовку мобилизованных (да и добровольцев) к участию в боевых действиях полностью ложатся на плечи членов их семей. Им приходится самостоятельно приобретать и оплачивать экипировку и средства защиты, самостоятельно добывать пропитание на передовой и даже ремонтировать за свой счет боевую технику. Так, в одном из неформальных разговоров собеседник нашей исследовательницы сначала утверждал, что все его знакомые, которые поехали на фронт, в целом довольны выплатами. Однако, он тут же вспомнил о конкретном знакомом, который, хотя точно так же исправно получал все выплаты, был вынужден за свои деньги чинить и заправлять бензином машину, за рулем которой участвует в боевых заданиях. Этот факт по-настоящему возмутил нашего собеседника (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

Иногда экономическая критика войны это нечто большее, чем жалобы на конкретные факты несправедливости в распределении благ. Она касается заново формирующегося в военное время социального контракта между гражданами и государством: если вы забираете у нас мужчин, мы ожидаем, что в обмен на нашу лояльность вы позаботитесь об их безопасности и нашем благополучии. Так, пожилая жительница Черемушкина Любовь Васильевна в целом искренне оправдывает «спецоперацию». В то же время она не считает ее народной, патриотической войной. Если в начале войны она жертвовала деньги для помощи армии и фронту, спустя полтора года она призналась, что делала это не по собственной инициативе, а по настойчивому предложению городской администрации, а также стала настаивать на том, что спонсировать боевые действия должно ведущее их государство. «Они же за Родину воеют, — возмущалась она в одном из разговоров с нашей исследовательницей. — Почему я должна? У меня пенсия небольшая, а мне добавили электроэнергию. Вы тогда не добавляйте мне — я помогу солдату» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Многие наши собеседники — это представители непривилегированных, экономически незащищенных групп, жители небольших и бедных населенных пунктов. Общаясь с ними, мы периодически слышали *социальную и классовую критику* войны. В фокусе этой критики находятся социальные проблемы. Во время одной из посиделок в Черемушкине участники заговорили об Афганской войне и о том, нужна ли она была России. Витя вдруг стал возмущаться, говоря, что инвалиды Афганской войны ничего не получили от государства. «Так я и говорю, что толку от этого нет никакого. От любой войны нет толку! Люди потом побираться начинают, у них нет руки, нет ноги нахуй, — продолжил он. — Есть толк тем, кто сидит выше. Земли-хуемли, блять, это все бабосы! Война — это бабосы, отмывка денег, вот и все!» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). Витя, молодой мужчина из рабочего класса, в целом поддерживающий «спецоперацию», в то же время критикует ее, причем не только отдельные ее аспекты, но и войну как таковую. Война, с его точки зрения, плодит бедность и социальную незащищенность в масштабах страны. Это те формы угнетения, которые Витя и похожие на него люди переживают в своем опыте. Неудивительно, что в этих критических высказываниях мы видим фигуры жертв войны — бедных, и бенефициаров войны — элиты. А еще — фигуру государства, которое не заботится о гражданах.

Участники фокус-групп, проведенных совместно с «Хрониками» и ExtremScan, нередко говорили о том, что «спецоперация» усугубила разрыв между народом и властью. «Разрыв огромный между властью и

народом», — выразилась одна из участниц (фокус-группа, Самара, ноябрь 2023). Говоря о том, как меняются отношения между государством и гражданами во время войны, другая информантка добавила: «Там у них свое общество наверху, и они сами там решают, управляют» (фокус-группа, Самара, ноябрь 2023).

Действительно, классовая критика войны, как и другие разновидности критики, — это не просто морализаторство и болтовня. Иногда такая критика звучит остро и направлена против государства. Уже упоминавшийся Витя в том же разговоре возмущался — почему депутаты и генералы не отправляют своих сыновей на фронт? «Много кто бы за Пригожина пошел бы, потому что российскую власть надо убирать. Всех этих депутатов-хуятов, они нахуй не нужны!» — подытожил он (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

Из этих критических суждений, пронизывающих достаточно эклектичные высказывания информантов о войне, следует важный вывод. Российские власти так и не смогли объяснить эти цели — именно поэтому критические высказывания не-противников в адрес войны как таковой часто звучат вопросительно. «За что воюем?» — говорят они. Или: «Чего они хотят от этого всего?» и т.д., подчеркивая непрозрачность официальных объяснений смысла «спецоперации». Так, например, медсестра Жанна из Черемушкина возмущалась во время посиделки в дружеской компании: «Мы ни за что не воюем, блять. Я не понимаю этого всего. За что должны наши дети, чьи-то сыновья, мужа, не знаю, проливать кровь? За что?» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Некоторые наши собеседники не просто формулируют такие риторические вопросы, но и дают на них ответы: эта война нужна представителям власти и элит («они», «те, кто наверху», «власть предержажшие»), которые делят земли, деньги и оружие, жертвуя жизнями простых россиян. Так, по словам Люды из Черемушкина, «эти пидарасы землю делят, блять! А наши пацаны просто гибнут за то, что они не могут поделить эту землю». А с точки зрения ее коллеги Марины, «это политическая война — политики между собой воюют, деньги отмывают, оружие, туда-сюда» (этнографический дневник, август 2023). Таким образом, в каком-то смысле они пытаются сказать, что цели войны и интересы «политиков» никак не соотносятся с интересами обычных людей. Эта интерпретация событий важна прежде всего потому, что она не была спущена сверху (напротив, фактически она является разоблачительной по отношению к представлению о войне как о защитной и благородной), но зародилась внизу, в повседневных разговорах рядовых россиян.

Таким образом, критические высказывания по поводу войны тех, кто в целом ее оправдывает, направлены не только на ее отдельные аспекты. Некоторые наши собеседники критикуют войну в целом, а еще — российскую власть. Такая критика не является, однако, политической критикой курса российских властей, это скорее критика «классовая», противопоставляющая «элиты» и «простых людей». Критика войны и государства, даже острая, не становится частью антивоенного политического проекта, иными словами, эти люди не превращаются в противников войны.

Оправдание войны: мы — не агрессоры, агрессоры — не мы

Итак, в ходе неформальных бесед наши собеседники — не-противники войны часто критиковали «спецоперацию» в ее разных аспектах за то, что она наносит ущерб россиянам, а конкретные уточняющие вопросы способствовали усилению этой критики. Но как только кто-то из участников разговоров задавал вопрос вроде «А может быть, не стоило России начинать войну?», значительная часть не-противников реагировали на него эмоциональными разоблачительными восклицаниями в духе «А мы и не начинали, это на нас напали» или «Стоило, ведь другого пути не было!». Вопросы о целесообразности решения начать войну приводили к тому, что наши собеседники и собеседницы войну оправдывали. Так мы получили доступ к разнообразным оправданиям войны ее не-противниками.

Наши собеседники, признаваясь в одной части беседы, что они не понимают смысла и целей войны, в следующий момент могли говорить нечто прямо противоположное: что смысл войны предельно конкретен, а все происходящее — неизбежность, имеющая множество предпосылок в прошлом и настоящем. Когда наша исследовательница в Свердловской области говорила с отцом Алексеем и его женой Верой, последние предположили, что если бы два братских народа заявили о своем нежелании воевать, то никакой войны бы не было. «Но ведь накануне войны в России было считанное количество людей, хотевших воевать, а война все равно началась», — возразила исследовательница. О. Алексей и Вера неожиданно согласились: «Никто не хотел, никто не хотел», — произнесли они один за другим. «Но это не помешало начать войну», — довела свою мысль до конца исследовательница. И тут отец Алексей парировал: «Но мы же не начинали войну!». «И мы сейчас за мир», — добавила его жена. И отец Алексей завершил ее мысль: «Но надо понимать, что не может быть мира впереди победы. Мир может быть следствием победы» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). То есть отец и матушка начали с того, что война не нужна «братским» народам, но,

столкнувшись с вопросом о том, стоило ли вообще начинать войну, они стали утверждать, что Россия ее не начинала, и вообще должна победить в войне.

Упоминание факта нападения России на Украину часто заставляет наших собеседников оправдывать войну как войну оборонительную, а не агрессивную:

Вопрос: А как вам кажется, если бы мы 24 числа не ввели бы войска, то что было бы?

Ответ: Трудно сказать. Но, опять же, история — вот Рихард Зорге, знаете такого разведчика? Сколько он говорил, что собираются нападать? Не обращали внимания, пакт о ненападении был подписан. Дождались... **Так может, наверное, все-таки лучше опережать?**

Вопрос: Не знаю, это сослагательное наклонение.

Ответ: Дело в том, что история, она всегда “если бы”, сослагательное наклонение. Тем более, что сейчас Луганская и Донецкая республика в составе России, а **далее-то наши не двигаются, они обороняют это все** (ж., 65 лет, пенсионерка, Черемушкин).

При этом сам набор конкретных аргументов в оправдание войны остается прежним — мы писали о нем, например, вот [здесь](#). Люди объясняют войну тем, что это был шаг, защищающий жителей Донбасса от Украины, или, еще чаще, Россию от угрозы НАТО. «За что мы воюем?» — спросила Тоня, ключевая собеседница нашей исследовательницы в Черемушкине во время одной из посиделок, обращаясь к своим друзьям, Вите и Артему. Уже упоминавшийся Витя, тот самый, который возмущался тем, что политики и генералы не отправляют на войну своих детей, а потом и вовсе заявил, что «от войны нету толка», ответил немного агрессивно, как будто защищаясь: «Как это за че? Ну изначально же был разговор, что американцы должны были типа занять территории Украины, поставить там свои ракеты». Артем согласился с ним, подтвердив, что «если Украина войдет в НАТО, то Америка может поставить ракеты ближе к Москве» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). Можно сказать, что оправдание войны и ее критика являются как бы двумя разными коммуникативными режимами, между которыми наши собеседники постоянно переключаются в ходе живого разговора.

Понять логику, стоящую за таким, на первый взгляд, парадоксальным поведением не-противников войны, невозможно, если подходить к анализу оправданий войны только с точки зрения их содержания, особенно учитывая, что набор конкретных аргументов в оправдание войны остается прежним. Во-первых, эти аргументы могут хаотично чередоваться друг с другом в речи одного и того же человека. Подобная взаимозаменяемость аргументов намекает на то, что они используются произвольно и не являются элементами устоявшейся и отрефлексированной картины мира. Во-вторых, эта неотрефлексированность аргументов обнаруживает в себя в том, что наши собеседники часто теряются и начинают звучать неуверенно, если сталкиваются с необходимостью развить или отстоять любой из этих аргументов в формате дискуссии. Иногда они прямо указывают на то, что сомневаются в своих словах. Продолжая разговор с Витей и Артемом, исследовательница решила спровоцировать молодых людей, осторожно заявив, что Россия как будто бы приходит в Украину и наводит там свои порядки, то есть наша армия ведет себя «как бандюки». Исследовательница, правда, тут же оговорила, что не хочет говорить ничего плохого про Россию, но просто пытается понять ситуацию. «Не, я понял», — примирительно ответил Артем. — «Согласен. Для каждого из нас вообще очень много непонятного» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

Подобные сомнения не удивительны, учитывая, что многие наши собеседники не являются людьми, осведомленными в политике. Реальность войны для них распадается на две части: непонятную геополитическую и более понятную, связанную с влиянием войны на повседневную жизнь, свою и своих близких, например, в связи с мобилизацией, распадом семей, ранениями и смертями. «Ну, видишь, давно это типа как бы накапливалось, накапливалось. Но не суть... Самое обидное — остаются же дети без отцов, матери без сыновей, жены», — сетовал Артем (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). Иными словами, более достоверное, причем критическое, знание о войне противопоставляется менее достоверному («это типа как бы»), зато «политическому» аргументу о неизбежности войны.

Почему же люди, которые сомневаются в собственных аргументах или прямо утверждают, что не понимают целей и смысла войны, оправдывают ее, к тому же часто довольно эмоционально? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отследить, как именно, а главное, для чего эти аргументы привлекаются людьми в живых неформальных разговорах. В какой момент заканчивается критика войны и начинается ее оправдание?

Что провоцирует такое переключение? Как можно одновременно критиковать войну как деструктивную и бессмысленную и оправдывать ее как имеющую смысл?

Для ответа на эти вопросы стоит еще раз внимательно взглянуть на критику войны ее не-противниками и сравнить ее с тем, как войну критикуют ее уверенные противники. Антивоенная критика представляет войну с Украиной как преступную, где преступником является прежде всего политическое и военное руководство России, и, в некоторых версиях, российские солдаты. Критика войны со стороны аполитичных россиян исключает интерпретацию войны как преступления, где есть виновник и жертва. Для них война — это борьба равных политических акторов, которые «делят» земли, «отмывают» деньги, «производят» оружие. Если у этой войны и есть жертвы, то в глазах не-противников это, прежде всего, рядовые жители России, умирающие из-за амбиций властей. Иными словами, критика противников войны направлена на отношения между национальными государствами, а критика ее не-противников — на отношения между государством и обществом.

Соответственно, когда собеседники не-противников войны (например, наши исследовательницы) подчеркивают тот вред, который российское государство наносит *своим* гражданам, продолжая «спецоперацию», — не-противники подхватывают такую критику. Когда же их собеседники, напротив, подчеркивают ответственность или, тем более, вину России перед Украиной, не-противники начинают оправдывать действия России.

Во время одной из неформальных посиделок за ужином в Черемушкине ключевая собеседница нашей исследовательницы и противница войны Тоня заговорила об очередном мобилизованном, недавно вернувшемся в город в гробу. Она обвинила российское военное руководство в том, что оно насильно отправляет на войну молодых людей вместо себя. Ее реплика спровоцировала пламенную речь Люды: «Детей воевать отправляют! За что?! Я эту политику вообще никак понять никак не могу — че они хотят от этого всего?!». Исследовательница, будучи носителем антивоенных взглядов, сделала в ответ, как ей казалось, логически следующее из этой речи предложение. «Так, может, просто взять и вывести войска завтра же, закончить это?» — сказала она. Но Люда неожиданно стала агрессивно защищать действия России: «Вот эти вот США, они долбят мирных жителей! — кричала она. — Они просто убивают мирных жителей и валят все на Россию! А при всем при этом это неправда, блять!» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Можно предположить, что, не имея возможности противопоставить себя авторитарному государству, развязавшему войну (и не имея возможности воздействовать на него и остановить войну), *наши собеседники принимают подобные обвинения на свой счет и поэтому переходят от критики к оправданию войны*. Но эта потребность в оправдании проистекает не из приверженности политическим идеологиям, например, националистическому представлению о непогрешимости России, а из общечеловеческой морали, осуждающей массовое насилие.

То, насколько важно многим не-противникам войны оправдаться, то есть очистить от вины свое собственное имя, демонстрирует диалог нашей исследовательницы с отцом Валентином, состоявшийся в пригороде Черемушкина. Исследовательница поделилась с отцом своей мыслью о том, что человеческие смерти — это всегда трагедия, будь то смерти россиян или украинцев. Она не зря озвучила именно эту мысль: ей казалось, что священнослужитель должен как никто другой ценить важность человеческой жизни и принципа «не убий». «Вот смотрите, — говорила исследовательница, — живут люди в городе Харьков, допустим, и вдруг началась война, идут бои, гибнут люди». **«Мы в этом не виноваты**, — вдруг ответил отец Валентин, хотя исследовательница не ставила вопрос о вине и ответственности. — Виноваты те, кто развязал эту войну, это сделал дьявол». Исследовательница предприняла еще одну попытку: «Но там же гибнет много мирных жителей, детей и стариков, женщин, ни в чем не повинных». «Смотрите, **мы в этом не виноваты**, мы не убиваем мирных жителей» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

Отчасти похожий разговор состоялся у другой нашей исследовательницы, собиравшей данные в Краснодарском крае. В разговоре с ней риелтор Елена, придя забирать ключи от съемной квартиры, в которой жила исследовательница, стала жаловаться на поведение своих родственников из Украины. Последние, по ее словам, больше не хотят с ней общаться (а значит — обвиняют ее). **«А я при чем?»** — возмущалась Елена. — Я что, хотела этой войны или я ее затеяла, эту войну?» Слова нашей исследовательницы подогрели эмоции Елены — она стала защищать действия государства, утверждая, что украинцы уже давно «ненавидят русских» и «хотят перерезать русским горло» (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023). Иными словами, оправдывая войну, многие ее не-противники на самом деле оправдывают не политические цели «спецификации», а самих себя.

Точно так же как критика войны ее не-противниками не превращается в антивоенную политическую позицию, оправдания войны не превращаются в провоенную политическую позицию. Например, несмотря на обилие

оправдательных аргументов и объяснений смысла военных действий, к которым отсылают наши собеседники, ни одно из этих объяснений не соотносится со сколько-нибудь ясным образом победы в войне. Высказывания не-противников войны о благоприятном для России ее исходе являются абстрактными и неопределенными. Например, когда наша исследовательница во время коллективной посиделки в Черемушкине спросила у Вити и Артема, когда, по их мнению, закончится война и чем она может закончиться, Витя уверенно ответил: «Наша победа будет, вот и все». «А в чем наша победа?» — уточнила исследовательница и в ответ услышала: «Хуй его знает. Мы просто Украину займем и все» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

За время, в течение которого идет война, российская власть так и не сумела объяснить гражданам ее смысл. По прошествии почти двух лет войны многие россияне не стали лучше понимать ее предпосылки и цели. Эту мысль удачно сформулировал один из участников фокус-группы в Самаре:

«Давайте, честно, если он скажет: “Так, ребята, вот у нас есть цель”, вот у нас раньше, помните, пятилетки всегда всю жизнь было в Советском Союзе — за пятилетку мы делаем это, на следующую пятилетку это. А мы не знаем, к чему? **Мы не понимаем, для чего, что нас дальше, за что мы воюем, что мы, к чему мы стремимся?** Или за сколько мы должны это, за 5 лет закончить, за 10, за 20, за 50? Мы не знаем ни сроков, ни планов, ничего» (фокус-группа, Самара, ноябрь 2023).

Таким образом, мы видим, что несмотря на усиливающуюся критику войны, ее не-противники продолжают войну оправдывать, иногда довольно эмоционально. Отчасти оправдание войны вызвано желанием оправдать Россию, нарушившую нормы общепринятой морали своим вторжением в Украину.

Патриотизм, но не империализм

Несмотря на то, что критика войны не превращается в антивоенную позицию, а оправдание войны у этой категории информантов не превращаются в позицию последовательно провоенную, есть нечто, что придает их взгляду определенную целостность. Какими бы ни были оценки войны, рассуждая о ней, не-противники часто рассуждают не только о своих семьях, но и о России в целом. Критикуя войну, наши собеседники делают акцент на конкретных людях и семьях, страдающих от войны. Однако часть наших информантов эта критика приводит к обобщению. Они

приходят к мысли о том, что она вредит россиянам и России: война разрушает семьи, приводит к смертям, заставляет государство увеличивать бюджетные траты на оборону в ущерб социальной помощи и экономическому развитию страны. В то же время, оправдывая войну, они настаивают на том, что война ведется с целью защитить Россию от угроз или преобразить ее за счет вызванных войной реформ. Во время «женской посиделки» в Черемушкине одна из ее участниц, Люда, возмущалась: «Вот эти вот США, они долбят мирных жителей!». Затем она перешла на крик: «Они просто убивают мирных жителей и валят все на Россию! Ты понимаешь, что они делают, пидарасы?». По наблюдениям нашей исследовательницы, Люда особенно акцентировала слово «Россия»: «Они говорят, что Россия виновата в этом, что Россия убивает мирных жителей. А при всем при этом это неправда, блять!» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2023).

Дело в том, что боевые действия на фронте и перемены, происходящие в тылу, заставляют живущих в России людей переосмысливать собственные отношения с родиной. Мы уже предположили, что переход от критики войны к ее оправданию в неформальных разговорах часто вызван желанием восстановить моральный статус ведущей войну страны. В этих случаях люди *далеко не всегда являются яркими патриотами*, чувствующими принадлежность к некоей общности. Иными словами, защищая Россию, они не опираются на возросшую социальную солидарность, на новые горизонтальные связи, *а защищают неопределенное «мы»*, существующее по умолчанию вследствие наличия у людей гражданского паспорта, — защищают, потому что над этим «мы» нависла угроза стигматизации из-за обвинений в военной агрессии.

Другие наши информанты говорят о том, что наблюдают рост патриотической солидарности. Так, один из них рассуждает в интервью:

«Вопрос: А вообще отношение к армии там, к контрактами, в связи с последними событиями у парней как-то изменилось?»

Ответ: Они стали более патриотичными. Прямо до глубины прямо патриотичные стали. Даже у нас, например, в школе: поднятие флага каждый понедельник бывает, гимн поют, стоят, поют. И я за мимикой все смотрю, наблюдаю. У них прямо все серьезно так, все...» (ж., 32 года, работница сферы образования, Удург).

Таким образом, в сознании некоторых наших собеседников «специальная военная операция», являющаяся трагедией, тем не менее несет и позитивные последствия — усиление патриотического чувства. Но какие виды патриотизма развиваются в России военного времени?

Меньшинство наших информантов, оправдывая войну, демонстрирует *идеологический патриотизм* — то есть воспроизводит официальную идеологию Кремля о «западной угрозе» для кремлевских элит:

«Если говорить про “СВО”, мое мнение, что Путин же много раз говорил о том, что уберите свои базы, не приближайтесь к нашим границам. Зачем вы это делаете? Зачем они за эту Украину взялись? **Я считаю, что Майдан на Украине, все это было сделано руками понятно кого.** Поэтому он просто не пытается этого допустить. И в Белоруссии попытки такие были, и в России такие попытки были, ту же Болотную площадь возьми. **Всегда пытаются все это раскачать. Для меня это все очевидно вот так**» (ж., 37 лет, работница сферы образования, Южный Сокол).

Важно, однако, отметить, что даже в идеологизированных версиях патриотизма мы встречаем указание на случайность, сконструированность патриотических взглядов. Мы называем этот феномен «спонтанным социальным конструктивизмом». «Социальным конструктивизмом» в общественных науках называют тезис о том, что многие явления человеческой жизни, которые кажутся нам естественными, на самом деле сформированы социальными институтами. Например, самые разные гендерно окрашенные различия кажутся нам естественными, данными от природы, а на самом деле, говорят социальные конструктивисты, это общество через воспитание учит нас тому, что существуют «мужские» и «женские» профессии или черты характера. Некоторые наши информанты могут быть как бы спонтанными социологами, социальными конструктивистами в том, как они объясняют самих себя. Часто они не настаивают на истинности или идейности своих взглядов и мнений, а скорее говорят: я так считаю, потому что меня так воспитали. Например, бывшая чиновница из Черемушкина так рассуждает о своем чувстве патриотизма:

«Вот говорят, в 90-х не было какого-то патриотизма. Был патриотизм, и мы все на этом... Не знаю. **Меня вот научили...** Например, гимн России играет, вот, допустим, я не знаю. Вы плачете? А у меня вот слезы сами собой происходят ... Я, в принципе,

не могу по-другому. Потому что я работала в органах, потому что **понятие субординации и приказа как бы вот воспитывалось**» (ж., 45 лет, госслужащая, Черемушкин).

Другая информантка также объясняет собственный патриотизм и поддержку «спецоперации» не истинностью политических убеждений и не естественностью любви к родине, а собственной социализацией:

«Вопрос: А у вас, когда началось это [война] в первый день, вы рассказывали, как это проходило. А вот ваши эмоции?

Ответ: Мои? Ой, у меня очень вообще эмоции разные. Опять же я против войны, конечно же, да. Но я **воспитана** в семье военного. У меня отец офицер, брат офицер <...> То есть и у меня, опять же, **меня так воспитывали**, дедушка погиб на войне в первые дни войны. Мамин папа. Мой второй дедушка — он служил на границе. Он, правда, умер от брюшного тифа, но тем не менее он с басмачами боролся. **То есть в моем понимании, что мужчина — это его святой долг — защищать нас, Родину** и все такое прочее» (ж., 36 лет, профессия неизвестна, Краснодар).

В условиях, когда патриотизм является скорее идентичностью, чем идеей, его движущей силой становится не вера, а повседневная практика. Часто люди проникаются патриотическим чувством не столько из-за веры в конкретную политическую идею, сколько вследствие участия в коллективном действии и через соприкосновение с материальными объектами, имеющими национально-историческое значение. Мы называем такой феномен **перформативным патриотизмом**, имея в виду, что такой патриотизм вырастает не из идеи, а из действия, из практики («performance»). Так, православная волонтерка говорит в интервью:

«Вот та история — **берешь же этот камень** и понимаешь, что по нему проходило тысячи людей. Вот на колокольню собора поднимаешься, вот эти кирпичики — это же представить только, 300 лет ходили люди, 200 лет назад. Вот это, как **мне ощущается, это дает ощущение патриотизма**, что ты живешь в такой стране, в которой до тебя жили тысячи, они до тебя это сделали своими руками. А ты, что ты можешь сделать сегодня?» (ж., 50 лет, работница культурной сферы, Черемушкин)

Этнографическая поездка в Бурятию позволила нам глубже осмыслить феномен перформативного патриотизма военного времени. В населенных пунктах Бурятии женщины, чьи близкие находятся на фронте, само-

организуются в волонтерские движения, чтобы плести маскировочные сети и шить форму для военных. В ходе самой этой практики происходит формирование солидарности между людьми, которая осмысливается как патриотическая. Часто она ассоциируется с памятью о советском обществе — но не потому, что наши собеседницы видят в современной России идеологическое или политическое продолжение советского проекта. Скорее, сама практика волонтерства напоминает советский фабричный труд, в процессе которого и формировался советский народ. Так, например, когда наша исследовательница, работая плечом к плечу с волонтерками в Улан-Удэ, спросила, может ли она налить себе кофе, одна из них, Сайна, ответила: «Кофе там, наливай! Тут все по-братски, как в коммуналке, как в Советском Союзе!» Периодически эти же волонтерки шутили про «социалистическое соревнование» — мол, они работают так быстро и эффективно, как будто бы участвуют в таком соревновании (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Думая, что они заняты важным делом, волонтерки ощущают себя значимыми членами национального сообщества. А поскольку государство помогает волонтерам и отчасти организует их деятельность, сама эта деятельность усиливает ощущение коллективной связи с государством, представителем национальной общности по умолчанию.

Безыдейный патриотизм военного времени отражает важную идеологическую особенность восприятия войны ее не-противниками. В отличие от российской политической элиты, которая считает Украину неполноценным государством, которому Россия «подарила» свои исторические земли, рядовые россияне живут в мире национальных государств, а не имперского пространства. Жить в мире национальных государств значит жить в мире национальных границ, которые мыслятся как легитимные и незыблемые. Именно эти границы и упраздняет имперское воображение и действие. Впрочем, следует отметить, что, хотя подавляющее число наших информантов не разделяет империалистической идеологии Кремля, они то и дело воспроизводят империалистический язык. Некоторые из них, например, могут говорить о том, что Украина была частью Российской империи или Советского Союза, а то и Киевской Руси — или даже настаивать на закономерности имперских притязаний России:

«Чтобы все это закончилось, нужно, чтобы противоположная сторона признала поражение, признала нашу правоту. Мы же **бьемся за свои территории, за наши города**. Чтобы сказали, что все, пошли на переговоры, и чтобы это все завершилось» (ж., 43 года, работница музея, Черемушкин).

И тем не менее империалистический дискурс плохо освоен нашими информантами. Если они и говорят на двух языках — империализма и национализма, — то язык национализма является для них родным, а язык империализма — иностранным, большинство уроков по которому они явно прогуляли. Для подавляющего большинства наших собеседников российско-украинская война — это не «война за исторические земли» и не «операция по освобождению братского народа от нацистов», а глобальная война альянса национальных государств с Россией как таким же национальным государством. «Просто у нас одна страна. А против нас воюют все страны», — говорит Артем из Черемушкина, объясняя, почему война длится так долго (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

Этнографический метод позволил нам увидеть, например, следующее: империалистическая идея Кремля, что русские и украинцы — это один народ, плохо усваивается не-противниками войны. Когда они оправдывают «спецоперацию», у них зачастую язык не поворачивается называть восточных украинцев или жителей Донбасса «русскими» — и тогда они употребляют слово «русскоязычные». Во время спора об оправданности войны между нашей исследовательницей, ее приятельницей Тоней, девушкой с антивоенными взглядами, и оправдывающими войну Витей и Артемом, Витя ожидаемо обвинял Украину: «А что они с 2014-го года над народом издевались?» — возмущался он. «Так это их народ же», — парировала исследовательница. — «Это типа русскоязычный народ», — поддержал своего товарища Артем, называя, как мы видим, народ Украины «русскоязычным», а не «русским» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

Точно такое же противопоставление россиян и украинцев, более того — отождествление жителей Донбасса с народом Украины — можно увидеть и в критике войны ее не-противниками. Однажды наша исследовательница, отправившаяся в Краснодарский край, села в такси и привычно заговорила с его водителем о том, чувствуется ли вокруг близость войны. Постепенно разговор перешел на тему мобилизации и потенциальную возможность водителя оказаться на фронте. «Не хочу», — выразил свое к этому отношению таксист. «А от кого это защищать? Я вообще и не пойму». И потом он добавил: «Они сами себя не защищают, ездят в Украину, те, кто живет в ДНР, ЛНР. Они будут сюда приезжать, а я вместо них пойду воевать? Мне это не надо» (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023). Иными словами, как и многие другие, он не считает жителей Донбасса частью России, как раз наоборот, для него они — часть Украины, национального государства, противостоящего России. Иными словами, в его случае патриотическое, или, если угодно, националисти-

ческое мышление в терминах национальных границ превалирует над имперским мышлением в терминах «русского мира», который находится вне этих границ и потому способен их менять.

Другой наш информант, житель Краснодарского края, противопоставляет собственный патриотизм желанию Кремля перечерчивать национальные границы — при этом он не формулирует никакой альтернативной идеи критического патриотизма, наоборот, ссылается на то, что далек от политики. Рассуждая о захваченных Россией территориях, он говорит:

«Я не политик, не экономист <...> [Но] я не гражданин этих территорий, я не могу их считать своими — они не мои. Они не родные мои, не по крови мои, они не мои <...> Вот если у меня отнимать родину — я буду за нее бороться. Есть люди, и я понимаю этих людей, которые считают ее своей. А другие люди считают, что «была твоя, теперь она моя». Я не понимаю этого. Для меня непонятно — как это так? Сейчас у любого человека приходи к нему домой, скажи: “Ты уходи, я здесь буду жить”» (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар).

Важно отметить, что и те, кто считают Украину агрессивным противником России, не говорят, что украинцы — это одурманенные русские, а украинское государство — неполноценное (как зачастую говорит официальная идеология Кремля). Напротив, они подчеркивают, что Украина — это не Россия, возможно, именно потому она и опасна для России. Например, в разговоре с нашей исследовательницей Елена, уже упоминавшаяся выше риэлтор из Краснодара, подчеркивает: «Для меня Россия — это Россия, а Украина — у меня там родственники, которые просто еще даже военная операция не началась — они уже нас ненавидели, уже не хотели с нами общаться, это факт» (этнографический дневник, Краснодар, октябрь 2023).

Таким образом, вне зависимости от того, представляется ли Украина врагом или жертвой, вызывает ли она симпатию или агрессию, она мыслится большинством наших информантов как отдельное, самостоятельное государство. Работница сферы образования из села Удург, в целом оправдывающая «спецоперацию», в то же время говорит в интервью о легитимности украинской государственности как о чем-то само собой разумеющемся:

«Из-за чего это идет? Из-за того, что какие-то территории хотят от них отделиться и войти в состав Российской Федерации? Это из-за этого же все происходит? Чтобы они вошли — **это надо**

было, чтобы Украина, украинские власти спокойно согласились на отчуждение своих территорий в пользу Российской Федерации. Но мне кажется, что ни одна власть на это не пойдет» (ж., 38 лет, работница сферы образования, Удург).

Данные этнографических наблюдений позволили нам увидеть, как в режиме реального времени националистический дискурс вступает во взаимодействие с империалистическим — и вытесняет его. Наши информанты как бы корректируют сами себя в пользу здравого смысла национальных государств, существующих внутри национальных границ, а не имперского фронта, переступающего эти границы. Например, во время посиделки дома у ключевой собеседницы нашей исследовательницы в Черемушкине, гостя, медсестра Жанна, сетовала на то, что вместо «победы» «каждый месяц приходят гробы, и не один раз в месяц». Война, по ее словам, «это не победа, это человеческое поражение, человек сам себя убивает, человек русский убивает русского». Помимо примата понятной морали («человеческое») над непонятной политикой («победа»), о чем мы писали выше, мы видим здесь язык имперского национализма. Жанна имела в виду, что украинцы — тоже русские, и поэтому на нынешней войне «русский убивает русского». Однако Жанна тут же поправила саму себя, потребовав: «Россия, ну выведи свои войска полностью все, чтобы посмотреть, кто кого бьет-то? Может, они сами себя херачат? Это ихняя война между собой». Жанна неожиданно озвучила не только антивоенный призыв вывести войска с территории Украины, но и противопоставила Россию Украине. Более того, Жанна как бы утверждает, что конфликт между Киевом и Донбассом — это не конфликт «русского мира» с Украиной, а внутриукраинский конфликт, который не должен касаться России. Она закончила свой монолог словами: «Украинцы — отдельный народ. За что мы воюем? Потому что там Зеленский ебнулся умом? Вообще зачем Путин полез защищать?» (этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023).

В то же время, границы между национализмом и империализмом подвижны и размыты. Одна из наших информанток, жительница Краснодарского края, вспоминает в интервью о том, что в период с 2014 по 2022 годы ее знакомые считали Украину не просто отдельной, а даже отдаленной страной, однако с началом полномасштабной войны она, вспоминая слова знакомых, не соглашается с ними и ставит под вопрос незыблемость национальной границы:

«Конечно, мы все знаем, что ее [войну в Донбассе] тут особо не афишировали, всегда как-то все равно дистанцировались. Ну, это же там — на Украине. Это же где-то там. А где “это там”?»

Это вообще на границе на нашей. Это вообще вот рядом с нами. Это же вот руку протяни — и вот оно уже» (м., 59 лет, пенсионерка, Краснодар).

Не случайно интервью с ней наполнено именно империалистической риторикой. «Украинцы, — говорит она, — Они... Это же не народ, как таковой, как национальность, это же вот, в принципе, казачество. Да? Это этнос» (м., 59 лет, пенсионерка, Краснодар).

Таким образом, мнение о том, что российское общество думает так же, как Кремль и Путин, является ошибочным. Как раз наоборот — даже не-противники войны рассуждают о ней с точки зрения вреда или пользы для России как национального государства в границах 1991 года (иногда с добавлением Крыма), а не как империи.

Желание мира и мечты о демократии?

Ни критика, ни оправдания войны не приводят к формированию политической позиции, антивоенной или провоенной. Значит ли это, что наши собеседники, не-противники войны, обречены на апатию и лишены политической субъектности? Скорее, нет. Даже если россияне не становятся противниками войны, некоторые из них могут постепенно артикулировать требование мира на основе своей социальной критики. А непонимание целей и смысла войны делает желание мира еще более настойчивым и безотлагательным. Более того, отдельные наши собеседники могут желать не только мира, но и демократизации.

Об этом говорят данные фокус-групп. Во время фокус-групп мы спрашивали информантов о том, о чем не спрашивали в интервью и этнографических беседах: о президентских выборах и о том, к каким переменам они могут привести. Некоторые из наших собеседников — те, кто собирались голосовать за Путина на выборах в марте 2024 года, — объясняли свой выбор тем, что Путин должен завершить войну. Такая серьезная задача требует серьезного политического лидера у власти. Эта логика хорошо видна на примере дискуссий во время фокус-групп:

Вопрос: Кто-то ждет каких-то изменений [от итогов президентских выборов]?

Ответ 1: Изменения будут, я так думаю, когда закончится все. Тогда, может быть, что-то мы уже начнем.

Ответ 2: Первое, что мы ждем, — это окончания войны, все. Я лично жду завершения военной операции» (фокус-группа, Самара, ноябрь 2023).

«Я пойду за Путина голосовать. Почему — потому что **при нем все это началось, он должен это все и завершить**» (фокус-группа, Ростов, ноябрь 2023).

Во время фокус-групп люди, в принципе лояльные нынешнему руководству и смирившиеся с реальностью войны, а главное, не имеющие оппозиционного или протестного опыта тем не менее, рассуждают о преимуществах состязательной либеральной демократии. Они часто говорят о том, как было бы хорошо, если бы в России было много разных партий и разных политиков, конкурирующих между собой, — тогда люди могли бы сделать политический выбор из разнообразия политических программ. Неужели наши информанты — *идеологические* сторонники западной либерально-демократической модели? Дело все же в другом: им кажется, что в типовой ситуации политической конкуренции возможно решение тех самых *конкретных социальных проблем*, от решения которых уклоняются политики, живущие в собственном мире. Так, одна из участниц фокус-групп говорит:

«Мне **нравится в идеальном мире история Северной Европы, где очень много партий** с очень разными, зачастую узкими интересами, там какие-нибудь партии за экологию, и что они представлены в том проценте, в котором их выбрали <...> очень не хватает внимания регионам, **очень не хватает**, как будто бы, **чтобы сделать акцент на какие-то разные области**, и ты мог как раз выбрать вот это. **И в общем, как-то повлиять**. Это тоже все разнообразие» (фокус-группа, Самара, ноябрь 2023).

Другими словами, далеко не только сторонники внесистемной оппозиции или посетители протестных митингов, а также и люди без соответствующего опыта говорят о желательности политической конкуренции, потому что она является для них условием решения волнующих их проблем. Политическое разнообразие — это выход на политическую конкретику:

«Я бы вот смотрел тоже на программу кандидата, то есть, допустим, он говорит: изменения, там на внутреннюю политику меня больше вот интересует, то есть там кандидат говорил, что, допустим, развитие регионов, меньше Москвы и Питера, боль-

ше регионов, изменение налоговой системы, у нас все деньги не в Москву чтобы шли, а оставались все-таки в регионах. Вот мне было бы вот это интересно, например» (фокус-группа, Самара, ноябрь 2023).

Либерально-демократическая система важна для некоторых наших собеседников, не-противников войны, не с точки зрения разнообразия как идеологического принципа, а потому что она «заземляет» политику на интересы людей, делает политику ближе к людям:

«Свежий взгляд однозначно нужен, и, опять же, конкретная программа, вот именно, что для людей будет в конечном итоге, а то нас все кормят завтра, завтра. Как что по работе, какие там субсидии будут, что для детей, там садики, чтобы окончательно решить проблему с ЖКХ там, чтобы навести порядок» (фокус-группа, Самара, ноябрь 2023)

Таким образом, вопросы о выборах и возможных социальных переменах позволили увидеть, что информанты, в целом лояльные власти, часто готовы требовать мира и хотели бы демократизации политической системы в России.

***

К поздней осени 2023 года не-противники войны стали более критичными в отношении «спецоперации», но в то же время они продолжают эмоционально оправдывать войну. Зачастую оправдание войны вызвано не политическими убеждениями, а желанием восстановить моральный статус России, которая нарушила нормы общепринятой морали, прибегнув к массовому насилию. Впрочем, ни критика, ни оправдания войны не делают большую часть наших информантов ее политическими противниками или сторонниками в строгом смысле слова. Как и прежде, большинство из них избегает политического самоопределения, занятия позиции.

И критика, и оправдания войны ее не-противниками часто ведутся в процессе переосмысления собственного отношения к родной стране. В глазах наших информантов война плоха тем, что вредит России, но нужна для того, чтобы ее защитить. При этом, говоря о «России», они, как правило, отсылают к стране в ее международно признанных границах (за исключением Крыма, который они считают частью России), тем самым демонстрируя нам, что они живут в мире национальных государств, а не имперского пространства — в котором живут обитатели Кремля. Не занимая четкой политической позиции, некоторые из наших информан-

тов тем не менее чувствительны к вопросу политических перемен — они мечтают о мире и иногда — даже о демократии, которая представляется эффективным способом решения конкретных социальных проблем.

2.1.2. Противники

Противники — это кто? И как меняются их взгляды за два года войны?

Поддержка и несогласие россиян с так называемой «специальной военной операцией» регулярно измеряется с помощью опросов общественного мнения. Поскольку прямой вопрос о поддержке войны нормативно окрашен (все знают, что «правильным» с точки зрения государства является положительный ответ), многие исследователи настаивают: для того, чтобы понять отношение к войне, нужны косвенные вопросы. Соответственно, сами определения поддержки войны и несогласия с войной, противников и сторонников, отличаются от опроса к опросу. Тем не менее тенденции, фиксируемые тремя основными опросными компаниями, изучающими отношение к войне, — проектом «Хроники» (совместно с Extreme Scan), группой Russian Field и Левада-центром — во многом совпадают.

Количество декларативных противников войны, то есть тех, кто даже на прямой вопрос о ее поддержке отвечают отрицательно, практически не меняется с начала вторжения и составляет, согласно разным опросам, от 10% до 16% населения России. Но само по себе это число малоинформативно, ведь из-за репрессий, а также из-за социального давления окружающих, многие люди просто не готовы отвечать отрицательно на такой вопрос, даже если война им не нравится. И мы не просто догадываемся об этом: недавно исследователи [подтвердили](#), что в России действует так называемая «спираль молчания» — эффект, в рамках которого носители непопулярного в обществе мнения не решаются его высказывать и этим только усиливают его непредставленность. Оказалось, что россияне в целом неохотно говорят с незнакомцами о войне, но противники войны делятся своим мнением с опросными агентствами в полтора раза реже, чем ее сторонники. Иными словами, задавая прямой вопрос о поддержке войны и измеряя результат, мы всегда получаем меньшее число противников.

Именно поэтому многие опросные компании используют для измерения поддержки и оппозиции войне дополнительные, непрямые вопросы, например, об отношении людей к мирным переговорам; их

представлении о том, на каких условиях возможен мир; их отношении к направлению бюджетных средств на военные нужды и так далее. Скажем, тех, кто не выражают лояльность войне, поддерживают вывод войск из Украины и не готовы тратить бюджетные средства на военные расходы, [проект «Хроники» называет](#) «близкими к противникам». В феврале 2023 года их число составляло 20% населения России, в октябре 2023 года — 18,5%, в январе 2024 года — 19%. [Russian Field выбирает](#) немного другой подход и подсчитывает всех тех, кто выступает за прекращение огня и мирные переговоры, — в феврале 2024 года их вообще оказывается 49%. Среди близких к противникам войны, как бы мы их ни определяли, больше женщин, чем мужчин; больше молодых, чем пожилых; больше потребителей информации из Telegram и YouTube, чем из телевизора.

В течение двух лет число людей, которые так или иначе недовольны войной и хотят ее прекращения, согласно разным опросам, [незначительно сокращается](#). Но при этом сокращается и число тех, кто уверенно поддерживает войну. А еще — [растет количество «уклонистов»](#), людей, которые не хотят отвечать на вопросы об отношении к войне (а значит, вполне вероятно, не хотят выражать лояльность политике государства, но и нелояльность выражать не готовы). Иными словами, люди разочаровываются в войне, но от этого не превращаются в ее противников, а пополняют так называемую «серую зону». «Серая зона» — это, с одной стороны, люди с размытым, противоречивым отношением к войне, а с другой, те, кто не готовы говорить о своем отношении с незнакомыми исследователями (и среди таких людей, вероятно, многие недовольны так называемой «специальной военной операцией»). Для того, чтобы понять, что творится в этой «серой зоне», и нужны качественные методы, например, длинные разговоры, в которых война является не столько фокусом, сколько фоном; и тем более неформальные разговоры без записи на диктофон, во время которых люди гораздо более открыты. Таким и было наше исследование.

Те, кого мы сами называем противниками, и похожи, и отличаются от «декларативных» противников войны, участвующих в массовых опросах. Мы считаем противниками войны тех, кто во время нашей коммуникации с ними последовательно выражал недовольство войной и кто не оправдывал ее. В этом смысле они похожи на «декларативных противников». Однако, в отличие от последних, многие из наших противников не были бы так откровенны, отвечая на прямой вопрос о поддержке войны под запись, — они могли бы и умолчать о своем негативном отношении к войне. Таким образом, группа, которую мы описываем здесь, составляет более чем 10-16% населения России, хотя ее точный размер определить непросто.

Какими бывают противники? Сегментация

Противники войны отличаются друг от друга: они потребляют разный медиа-контент, по-разному выстраивают отношения с другими людьми и социальными институтами, да и по-разному критикуют войну. Поэтому мы разделили встретившихся нам во время полевой работы противников войны на несколько групп: это интегрирующиеся, изоляционисты, угнетенные и активисты. Конечно, на основании качественных данных нельзя судить о размере той или иной группы, но тем не менее можно выдвинуть предположения об их масштабе — что мы и сделаем.

Интегрирующиеся противники — это те, кто по разным причинам принимают решение продолжать жить в России и быть частью российского общества. Они не поддерживают войну, но не выражают свою точку зрения открыто, а главное, не разрывают связи с лояльными государству близкими. Чувствуя, что не способны повлиять на ситуацию, они предпочитают реже слышать о войне, сокращают медиапотребление и пытаются, по их собственным словам, «жить нормальной жизнью». В нашем поле мы встретили немало противников такого типа, больше всего — в небольших городах всех трех регионов, где отсутствует вариативность мнений и сред, которую все еще можно найти в столицах. Мы полагаем, что это довольно распространенный за пределами городов-миллионников способ существования противников войны. О тенденции интеграции противников войны в лояльное государство или же аполитичное большинство [пишут](#) и другие исследователи.

Например, Мария, жительница села Удург в Бурятии, очень тяжело восприняла новость о начале вторжения — первые полгода она не могла жить нормальной жизнью. Однако с течением времени она все меньше следила за новостями о войне. По ее словам, «если каждый день смотреть, то, кажется, моей психике не хватит, мне даже страшные сны снились ужасные в это время» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удург). В итоге она пришла к мысли, что «не верит никаким политикам», ни пророссийским, ни проукраинским, а еще перестала занимать слишком «категоричную» позицию в спорах с близкими, не желая ссориться с ними, потому что «смысла нет»:

«Когда это все началось, то я полгода, наверное, в депрессии была — ничего не хотелось, все казалось бессмысленным, страшно было. Наверное, страшнее этого — привыкнуть к этому. <...> Но, по крайней мере, **я свою страну люблю. Я люблю свою землю, я люблю свою малую родину, я люблю свои места**, потому что я здесь росла, у меня тут много друзей, знакомых. У

меня в семье даже разные мнения по этому поводу — раньше я была категорической, спорила. А сейчас даже смысла нет это показывать, потому что **я все равно их люблю, а из-за этого враждовать?** Гражданскую войну у себя семейную делать? Этого не хочется» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удург).

Оставаясь противницей войны, Мария принимает своих близких, и даже свою страну, которую она снова учится любить. Она молчит о своем негативном отношении к войне, объясняя, что «мы живем в таком обществе <...> где нельзя говорить открыто» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удург). Работая в образовательном учреждении, она регулярно сталкивается со сборами пожертвований российским мобилизованным, которые организуют ее коллеги. Первое время она отказывалась в них участвовать, но потом стала соглашаться, надеясь, что деньги пойдут «нашим братьям», а не напрямую на войну. Иными словами, она интегрируется в общество Удурга, скорее лояльное государству, не переставая при этом быть противницей войны.

Петр, работник транспортной сферы из Краснодара, погружается во все большее уныние по ходу затягивания войны, полагая, что ни к чему хорошему война не приведет. При этом, полагает он, к реальности, которую не можешь изменить, нужно как-то приспосабливаться. Петр сократил потребление новостей о войне, чтобы не «находиться в напряжении» (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар), поддерживает общение со своими провоенными близкими и даже участвует в сборах денег для оказания помощи мобилизованным на фронт знакомым. От этого он, впрочем, не начинает оправдывать войну, продолжая считать, что военные действия против Украины бессмысленны.

Противники-изоляционисты, в отличие от интегрирующихся в новую реальность противников, окружают себя людьми с антивоенными взглядами. Людей с провоенными взглядами они склонны видеть как необразованных или «зомбированных» пропагандой, иными словами, стереотипизировать их. Изоляционисты, продолжая по разным причинам жить в России, мечтают из нее уехать — и это тоже отличает их от противников войны, описанных выше. Впрочем, как и интегрирующиеся в новую реальность, изоляционисты жалуются на усталость от войны, сокращают потребление политических новостей и стараются жить обычной жизнью. Поскольку далеко не у всех есть возможность изолироваться от большинства внутри «пузыря» единомышленников, можно предположить, что размер этой группы уступает размеру предыдущей.

Так, Паша, антивоенно настроенный житель Черемушкина в Свердловской области после начала войны прервал общение с провоенными знакомыми и близкими, которые, с его точки зрения, не разбираются и даже не пытаются разобраться в происходящем. За два года он сформировал круг антивоенных друзей. Паша выехал (и увез свою жену и детей) в Казахстан после объявления мобилизации в 2022 году, но вернулся, поскольку его работа — в России. Впрочем, он все еще мечтает уехать из России навсегда. Тем не менее даже он пытается жить, насколько это возможно, «нормальной жизнью» до потенциального отъезда.

Показательно, что при всей непохожести противников-изоляционистов на интегрирующихся в новую реальность противников, и те, и другие в каком-то смысле намеренно деполитизируются, отказываясь от свойственного им (до войны и в начале войны) регулярного потребления политических новостей. И те, и другие ощущают, что не могут повлиять на ситуацию, а значит, нет смысла переживать ее снова и снова. Они чувствуют усталость от собственного бессилия и стремятся оградить себя от войны насколько это возможно — для того, чтобы иметь возможность «жить нормальной жизнью» в российском обществе. Вот как объясняет свое решение одна из информанток:

«Я поняла, что мне очень сложно работать, потому что я думаю не о том, постоянно сижу в Телеграме, я постоянно отвлекаюсь, совершаю очень много ошибок. То есть у меня есть выбор: либо мне **очень сильно переживать**, настолько сильно переживать **и не мочь ничего сделать**, чтобы изменить ситуацию. А реально **один человек ничего не изменит**, ситуацию, ну, никак. И лишиться при этом работы. **Либо все-таки работать и тогда уделять уже меньше времени и сил этому вопросу**» (ж., 46 лет, работница сферы образования, Краснодар).

Если в первые месяцы войны многие ее противники заставляли себя не «привыкать» к войне, читать политические новости и не терять способность ужасаться им (мы писали об этом в [нашем первом аналитическом отчете](#)), то спустя время эта установка меняется на противоположную. По прошествии двух лет с начала так называемой «специальной военной операции» они начинают отстраняться от тяжелых, депрессивных новостей и сходятся в этом с теми аполитичными россиянами, которые находят войне оправдания: и те, и другие не рады происходящему, но не чувствуют себя в силах повлиять на что-либо.

Угнетенным противникам, как это следует из названия, не удастся преодолеть свое депрессивное состояние. В отличие от интегрирующихся и изоляционистов, они продолжают потреблять информацию о войне из либеральных медиа и, в каком-то смысле, так и не возвращаются к «нормальной жизни». Они не изолируют себя от провоенно настроенных близких, поддерживая с ними связи, но и не могут полностью интегрироваться в «большое» общество. Они мечтают уехать из России, но не видят реалистичных возможностей для осуществления этой мечты. Это люди, потерявшие свое старое место в мире, но еще не нашедшие ему альтернативы. В каком-то смысле это временное, переходное состояние, в котором сложно находиться долго: со временем такие противники могут смириться и интегрироваться в общество; они могут найти единомышленников и превратиться в изоляционистов; или же они могут уехать из России. Так что эта группа представляется еще более малочисленной, чем предыдущие две.

Наконец, **противники-активисты** — это те, кто вовлечен в антивоенный активизм. Они окружают себя антивоенно настроенными людьми, часто такими же активистами, и продолжают активно потреблять новости о войне. Они не пытаются вернуться к «нормальной жизни», но именно они, в отличие от "всех" остальных групп, смотрят на происходящее с оптимизмом, полагая, что война и путинский режим — не навсегда, и что своей деятельностью они приближают другую, счастливую, Россию. Разумеется, очень сложно оценить размер этой группы, но в любом, даже самом демократическом обществе, активисты составляют меньшинство и одновременно играют очень важную роль. В нашем поле, в котором мы стремились говорить с «обычными» людьми, мы встретили только одного активиста, но антивоенному активизму в России посвящены отдельные исследования — например, мы рекомендуем прочитать [этот отчет](#).

Чем недовольны противники? Критика войны

В рамках этой, третьей, волны нашего исследования мы почти не спрашивали у наших собеседников напрямую о том, почему они считают оправданной или недопустимой войну. Тем не менее, оправдания и критика войны возникали в самых разных «естественных» контекстах без прямых или наводящих вопросов с нашей стороны. Итак, что именно не нравится в войне ее противникам спустя почти два года после ее начала?

Опрос Левада-центра, проведенный в марте 2024 года, показал, что самым популярным аргументом в пользу окончания войны и перехода к мирным переговорам является тот факт, что из-за войны постоянно гибнут люди, причем как с российской, так и с украинской стороны

(целых 49% опрошенных [выбрали этот вариант ответа](#)). В наших разговорах с противниками войны этот тип критики также встречается чаще всего: «Как можно радоваться войне, каким-то боевым действиям, где рушатся дома, люди теряют имущество, близких?» (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар) — возмущается, например, один из наших информантов. Интервью и неформальные разговоры с противниками показывают, что аргумент о недопустимости войны из-за ее жертв является частью более общего типа критики войны — своего рода морально-этической критики. Большинство противников так или иначе утверждают, что война — это не просто смерти невинных людей, а это варварский акт, нечто, чего не должно существовать в современном цивилизованном мире. Как мы показывали в нашем предыдущем аналитическом отчете, эта установка была свойственна значительному числу россиян в первые дни и недели войны. Однако впоследствии часть из них стали убеждать себя, не без помощи провластных СМИ, что подобный взгляд — это взгляд инфантильный, наивный, ведь на самом деле войны идут везде и всегда. Многие из сегодняшних противников войны — это те, кому удалось сохранить подобную «наивную» установку, пронести ее через все два года войны:

«Но мне кажется, что в любом случае **война — это плохо, когда люди конфликтуют между собой**. Какое-то насилие — я сама против этого» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удурт).

«Я прежде всего говорю о том, что так нельзя. Такого вообще **не должно допускаться в XXI веке**. Я думала, что это вообще должно уйти в историю. Как можно в такое время, имея столько всего интересного в жизни, совершать такое **средневековое мракобесие?**» (ж., 53 года, бухгалтер, Улан-Удэ).

Впрочем, антивоенно настроенные россияне говорят о неоправданных жертвах войны не только для того, чтобы указать на недопустимость войн как таковых, но и для того, чтобы подчеркнуть бессмысленность этой конкретной войны. Как возмущается один из противников-изоляционистов, «ты не вернешь этих детей погибших, людей, которые просто ни с того, ни с сего... С хера ли вообще? С чего?» (м., 42 года, строитель, Черемушкин). Такая критика выглядит следующим образом: у этой войны нет осмысленных целей, все объяснения властей — неубедительны, а значит, война никому кроме власти не нужна. Так, Петр из Краснодара говорит в интервью:

«Я **не понимаю**, за что на сегодняшний день так долго ведутся боевые действия. Я **не понимаю**. Практически никаких особых изменений не происходит по новостным лентам, но боевые действия ведутся. Я **не понимаю**, за что так долго там ведется эта операция и люди несут потери. Я **не понимаю**, за что» (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар).

Симптоматично, что в этом маленьком фрагменте он употребляет фразу «не понимаю» целых четыре раза, превращая ее в основной критический аргумент против войны. Он не останавливается на этом и вступает в спор с одним из самых распространенных оправданий войны, которое россияне регулярно слышат как из провластных медиа, так и от своих близких. Согласно этому оправданию, мы не нападаем на Украину, мы защищаемся от угрозы, ведь Украина, подконтрольная Западу, могла бы напасть первой. Петр считает такой аргумент несостоятельным:

«Мы неглупые люди, мы понимаем, что Украина сама по себе как Украина не в состоянии даже мечтать о том, чтобы напасть на кого-то в плане страны такого объема, как Россия. Она просто не в состоянии, это глупо думать, что ребенок нападет на взрослого дядю и победит его. Это, естественно, нет, конечно. Я так думаю, что не было такой вероятности, что у Украины хватит мозгов напасть на Россию. Это самоубийственно было бы» (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар).

Такой тип критики войны часто встречался в наших неформальных разговорах с россиянами. Например, исследовательница, собиравшая данные в Краснодарском крае, регулярно заводила беседы с водителями такси, большинство из которых войну так или иначе оправдывали. Однако один из ее собеседников-таксистов, в ответ на вопрос о том, не получал ли он повестку, неожиданно сказал: «А зачем оно мне надо? Люди умирают...». Он помолчал и добавил: «Не хочу. А от кого это защищать? Я вообще и не пойму. От кого защищать?» (этнографический дневник, Краснодар, 29 октября 2023). Короткого разговора с этим таксистом, конечно, недостаточно для того, чтобы с уверенностью назвать его противником войны, — ведь, как мы показываем выше, большинство тех, кто так или иначе оправдывают необходимость войны, одновременно жалуются на самые разные ее аспекты, особенно в связи с мобилизацией (см. раздел 2.1.1). Но важно здесь как раз то, что недовольство «непонятностью», бессмысленностью войны — это установка, которая объединяет противников войны с аполитичной частью ее не-противников. Отличает же их скорее регистр, в котором эта установка озвучивается: если противники войны высказывают ее настойчиво, с возмущением, иногда яростью,

то оправдывающие войну аполитичные информанты говорят о бессмысленности войны неуверенно, как будто бы все еще пытаюсь найти в ней смысл. Тем не менее сама по себе эта установка может играть ключевую роль в развитии антивоенной повестки в России, ведь она потенциально объединяет значительную часть россиян с самым разным взглядом на происходящее.

В наших материалах, разумеется, встречаются и другие типы критики войны, но гораздо реже, чем первые два. Так, некоторые противники объясняют свое недовольство войной тем, что из-за нее не решаются внутренние проблемы страны или, еще хуже, создаются новые проблемы. Иными словами, вместо того, чтобы повышать пенсии, развивать образование и медицину, государство тратит ресурсы на войну, которая приводит к новым экономическим проблемам, вызывает отток специалистов за рубеж и поляризует российское общество.

Интересно, что в первые месяцы войны ее противники, наряду с бессмысленностью так называемой «специальной военной операции», возмущались недопустимостью нападения на «братский» народ или, наоборот, осуждали вторжение в «чужую», независимую страну (мы писали об этом в нашем [первом аналитическом отчете](#)). Теперь же эти аргументы почти не звучат из уст противников войны — как будто бы за эти полтора-два года Украина стала слишком другой, чтобы оставаться «братской», и одновременно слишком увязанной с российской внешней политикой, чтобы оставаться «чужой». Война меняет российское общество, и ее противники, живущие в России, в любом случае смотрят на мир не так, как они делали это в первые месяцы вторжения в Украину.

Противники и их окружение. Изоляция или стремление понять другого

Репрезентативные опросы общественного мнения, проводимые во время войны в России, показывают, что социальное окружение людей напрямую связано с их восприятием войны. Например, те, кто считает «военную операцию» успешной, в основном [окружены](#) теми, кто разделяет их мнение, и наоборот. Качественные данные тоже фиксируют эту тенденцию: часто наши собеседники — противники войны или уже находят себя среди единомышленников, или последовательно создают такое окружение, сокращая связи с теми, кто поддержали вторжение в Украину. Как объясняет одна из информанток, говоря про своих коллег, «тут-то у меня исследовательский круг, люди доходчивые, все понимают, у нас с ними один нарратив, одна точка зрения» (ж., 34 года, работница науки и образования, Краснодар). В небольших городах, удаленных от

столиц, люди не часто обнаруживали себя в кругу единомышленников на момент начала войны, поэтому им часто приходилось сокращать общение с прежними друзьями:

«По большому счету, **я таких [поддерживающих войну] людей удалил**. Я знаю, что они топят, обсуждают, но я стараюсь на себя это не примерять, на себя это не тянуть — **это они там, без меня**. Я в этом не принимаю участие» (м., 42 года, строитель, Черемушкин).

«СВО — это неплохая лакмусовая бумажка. То есть, в принципе, **я увидел, кто в этой ситуации как себя повел и кто как оскотинился**. Потому что очень многие люди в моих глазах оскотинились абсолютно. То есть они, в принципе, показали свое нутро. ... Я не знаю, просто как-то стараюсь ограничивать таких людей» (м., 34 года, журналист, Новонекрасовск).

Показательно, что именно те, кто изолирует себя от провоенной части общества, склонны больше других навешивать негативные ярлыки на своих оппонентов. Как и в начале войны (об этом мы писали [в нашем первом аналитическом отчете](#)), они считают оправдывающих войну сограждан людьми необразованными и поэтому подверженными воздействию пропаганды. «Это чисто зомбированный человек, можно сказать, в плане пропаганды» (ж., 27 лет, студентка магистратуры, Улан-Удэ), — утверждает одна из информанток, говоря о своей знакомой. Другая объясняет свое отношение к оппонентам немного подробнее:

«Я почему с ними не спорю? Я из их разговоров понимаю, что **матчасть у людей поверхностная**, то есть матчасти как **таковой** не существует. Люди **знают историю очень поверхностно**, люди знают ситуацию очень поверхностно. Качество образования за эти года намного... Оно просто на нуле. **Люди мыслят шаблонами**» (ж., 53 года, бухгалтер, Улан-Удэ).

Интересно, однако, что другие противники войны, чувствуя, что война еще долго будет частью российской реальности и понимая, что они не в их силах эту ситуацию изменить, так или иначе принимают эту реальность. Это та реальность, в которой им предстоит существовать какое-то время и разделять ее тяготы с близкими других взглядов. Не переставая быть противниками войны и режима, эти люди стараются с пониманием относиться к тем, кто не является их единомышленниками, но тоже так

или иначе страдает от войны. Например, рассуждает Батод, противник войны из Улан-Удэ, убеждать тех, кто потерял своих близких из-за «специальной военной операции», в ее проступности — бесчеловечно:

«Потому что, условно говоря, допустим, кто-то близких потерял. Ну, не будешь же ты человеку говорить, что-то там убеждать его в обратном, что все было напрасно и пятое-десятое, это вот. **Ему так плохо, а ты еще будешь плохое говорить. Это очень странно будет**» (м., 29 лет, работник сферы образования, Улан-Удэ).

Затем он продолжает:

«Но потом постепенно до некоторых людей понимание дошло, что надо дальше продолжать жить. А мне с этими людьми что? **А мне с этими людьми строить, продолжать.** А мне с этими людьми... И вдруг мне что-то там... **Сейчас же непредсказуемое время. Что-то у меня случится, я обращаюсь. И они ко мне обратятся** и так далее, и так далее. И более какие-то... Как бы это высокопарно ни прозвучало бы, да, человечность... Вот как ни парадоксально, это я так вижу, но человечности в этом плане больше стало» (м., 29 лет, работник сферы образования, Улан-Удэ).

Стремление некоторых противников войны понять своих сограждан, несмотря на их отличающийся взгляд на войну, сохранить теплые, человеческие отношения с ними, усиливается со временем. Как и в первые месяцы войны, такие люди избегают споров с близкими, но одновременно пытаются найти новые основания для формирования «позитивных» привязанностей (то есть не только через избегание плохого, но и поиск хорошего) — с близкими через общие ценности «человечности», к стране через любовь к «малой родине» и так далее:

«Но, по крайней мере, **я свою страну люблю.** Я люблю свою землю, **я люблю свою малую родину,** я люблю свои места, потому что **я здесь росла, у меня тут много друзей, знакомых.** У меня в семье даже разные мнения по этому поводу — раньше я была категорической, спорила. А сейчас даже смысла нет это показывать, потому что **я все равно их люблю, а из-за этого враждовать?** Гражданскую войну у себя семейную делать? Этого не хочется» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удург).

В конце концов, многие противники войны чувствуют, что они оказались в одной лодке с оправдывающими войну россиянами, и так или иначе именно с ними (а не с теми, кто эмигрировал) им предстоит разделить все ее негативные последствия.

Война как часть нового порядка

Таким образом, война становится неустранимой частью нового порядка в России, с которым так или иначе вынуждены считаться и те, кто не приемлет войну. Если в Москве и Санкт-Петербурге (и, возможно, еще нескольких городах-миллионниках) многим противникам войны удастся существовать в антивоенных средах, то в небольших населенных пунктах оказаться среди людей с антивоенными взглядами сложнее — и поэтому многие противники так или иначе интегрируются в новую реальность, в большое общество, лояльное государству или аполитично-безразличное (не переставая при этом осуждать войну). Как мы уже знаем, они, например, сокращают потребление политических новостей и стараются жить «нормальной жизнью», потому что «невозможно 24/7 об этом думать, потому что есть свои дела, жизнь, дети, семья и работа» (м., 42 года, строитель, Черемушкин). «Ну вот в такой реальности мы сейчас живем, пытаемся к ней приспособиться, пытаемся с ней жить», — резюмирует эту ситуацию другой информант (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар).

Некоторые противники войны также критикуют упрощенный, черно-белый взгляд на ситуацию в России, согласно которому все, кто оказались в зоне боевых действий или помогли мобилизованным, автоматически становятся пособниками преступной путинской войны. Интересно, что таким образом они оспаривают не только взгляд на Россию, часто присущий антивоенным эмигрантам, но и свой собственный взгляд в момент начала войны.

История одного из наших информантов из Улан-Удэ, работника образования Георгия, отказавшегося говорить под запись, представляет в этом отношении особый интерес. Будучи противником войны, Георгий жалуется при этом на «биполярность» антивоенного взгляда на Россию, согласно которому «есть враги, а есть друзья». В реальной жизни, по его словам, ему приходилось встречать тех, кто подписал контракт до войны и не смог разорвать его с началом «спецоперации», или тех, кто попал в армию против своего желания, не имея ресурсов и знаний для уклонения и тем более сопротивления. Однажды, рассказывает он, его самого попросили выступить с торжественной речью в честь годовщины военного события. Он хотел отказаться, но начальство пригрозило

ему проблемами. В результате он произнес речь во время городского мероприятия, но постарался выступить нейтрально, избегая оценочных суждений в поддержку войны. Самое же интересное в разговоре с Георгием — это его, противника войны, готовность оказаться в армии в знак солидарности с другими жертвами этой несправедливой войны. Ниже приведен фрагмент из полевого дневника, описывающего этот отрывок разговора:

«Иногда просто нет такого выбора — не пойти на фронт, — говорит Георгий. Он рассказывает историю своего коллеги, за которым “пришли”, несмотря на его тяжелую форму диабета, и отправили на фронт. Близкие, включая Георгия, пытались его “отбить”, но ничего не удалось сделать. А потом коллега погиб, “и все, его нет”. Убежать из России можно было в сентябре 2022 года, после объявления мобилизации или в марте 2022 года, после начала войны, а теперь уже поздно, — заключает Георгий. Потому что, мол, если сделать это сейчас, то как потом “людям в глаза смотреть”, как продолжать жить в этой республике? Опыт, который люди, даже антивоенно настроенные, переживают в России и переживают в эмиграции, — это совсем разные опыты, по мнению Георгия (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023).

Мы видим, что Георгий, будучи противником войны, чувствует необходимость разделить ее последствия со своими менее удачливыми или менее защищенными согражданами, с теми, кто попал в зону боевых действий. Если многие аполитичные не-противники войны готовы оказаться в армии из-за своей неспособности сопротивляться судьбе («а что делать», «выхода нет», «если призовут, то пойду»), то подобные Георгию противники рассматривают эту опцию в качестве осознанного морально-этического выбора. Мы можем не соглашаться с логикой или ценностями, которые стоят за таким выбором, но мы должны понимать, что он исходит из антивоенной, а не провоенной установки — просто эта установка формируется в обществе, в котором война осмысливается как неустрашимая часть нового порядка.

Именно поэтому некоторые противники войны могут, например, требовать от государства льгот, если кто-то из близких погиб на фронте, или оказывать материальную и нематериальную помощь знакомым военнослужащим. Последнее часто происходит в результате социального давления — как призналась одна из наших собеседниц во время неформального разговора за ужином в Черемушкине, «если ты не хочешь участвовать в этом, то ты как бы не очень хороший человек считаешься»

(этнографический дневник, Черемушкин, сентябрь 2023). Но при этом многие противники войны не видят ничего зазорного в таких актах, если они не спонсируют войну напрямую:

«Единственное, что я делал, это было один раз — я вез ящик с обезболом. Но я взял 355 гарантий, что этот обезбол будет людям, которым оторвало руки или ноги, то есть которые 100% туда не вернуться» (м., 34 года, директор частной фирмы, Краснодар).

Итак, не все те, кто помогают мобилизованным, поддерживают войну, а некоторые и вовсе являются ее противниками. Но они живут в обществе, в котором их близкие, часто против своей воли, оказываются в зоне боевых действий без опыта, без обмундирования, без лекарств — и они не всегда могут остаться в стороне.

Некоторые же противники войны, адаптирующиеся к новой реальности, делают это не только потому, что чувствуют себя не в силах ее изменить, а еще и потому, что мыслят стратегически свое будущее в послевоенной России, в которой именно таким людям, как они, возможно, предстоит заниматься политикой. А значит, им нужно сохранить лояльность своей стране, то есть как бы они ни относились к происходящему, не воевать, например, против своей страны:

«Я считаю, что **если они не планируют заниматься политикой и не ассоциируют себя с Россией**, то они имеют на это [воевать на стороне Украины] право. Но если они собираются вернуться в страну, то это тоже преступление. Я считаю, что так нельзя. Условно, можно запустить коптер, который жажнет куда-нибудь в Белгородскую область, в какую-то бабушку, которая не участвует в войне. Поэтому не должны граждане России воевать с Россией. Это не слагает ответственности с России, но, тем не менее. Право Украины защищаться — оно незыблемо, они должны это делать, но без участия [россиян]» (м., 34 года, директор частной фирмы, Краснодар).

В конце концов, настаивают многие противники войны, живущие в России, если мы беспокоимся о будущем своей страны, то лучше принять войну как часть этой реальности, чтобы иметь возможность менять к лучшему хоть что-то, чем отвергнуть все происходящее в России и погрязнуть с ней навсегда:

«В плане отъезда я считаю, что здесь **все равно должны оставаться люди, которые могут и готовы что-то делать для улучшения жизни** здесь. Если ты можешь как-то помочь своему городу, как это пафосно бы ни звучало, и своей стране, то лучше делать это здесь, потому что, **как это ни прискорбно и цинично звучит, жизнь продолжается**. И большому количеству людей все равно нужна помощь. То есть как-то сделать их жизнь лучше, до кого можно дотянуться. **Если уехать, за исключением какой-то публицистики или полемики, вряд ли ты можешь как-то повлиять на то, что происходит**» (м., 46 лет, советник директора частной компании, Краснодар).

Так или иначе, спустя полтора-два года после начала, война становится нормой внутри российского общества. Однако, эта норма ни в коем случае не является морально-этической нормой! Иными словами, россияне не начинают считать войну правильной, нужной или позитивным событием, а противники войны не начинают ее оправдывать, даже частично. Превращение войны в норму означает лишь то, что она теперь — неотъемлемая часть нового порядка, что-то неприятное, но одновременно рутинное и неустранимое, что-то, к чему вынуждены привыкать, под что вынуждены подстраиваться даже антивоенно настроенные россияне. Важно помнить об этом, когда мы поддаемся соблазну представлять российское общество в черно-белых тонах.

***

Итак, противниками войны мы называем тех информантов, которые последовательно критикуют войну во время наших с ними разговоров, ни разу не переключаясь в модус ее оправдания. Различные опросы похожим образом определяют «декларативную оппозицию» войне, однако наши данные, в отличие от опросов, позволяют захватить тех противников, которые не готовы выразить свою оппозицию незнакомым исследователям и интервьюерам публично, но готовы поделиться ей в рамках неформальных разговоров с исследователями. Среди противников войны есть те, кто пытается интегрироваться в новую реальность («интегрирующиеся противники»); те, кто, наоборот, изолируется от нее, окружая себя людьми с антивоенными взглядами («противники-изоляционисты»); те, у кого не получается ни то, ни другое («угнетенные противники»); и, наконец, те, кто продолжает бороться против войны («противники-активисты»). Противники войны сегодня критикуют ее прежде всего с морально-этических

позиций — как варварский акт, как нечто, чего не должно существовать в цивилизованном мире; но также — за бессмысленность, ведь государство не может дать внятных, убедительных объяснений ее целям.

Некоторые противники войны, например, «изоляционисты» и «активисты», окружают себя только единомышленниками, однако это не просто сделать в небольших, удаленных от столиц городах. Поэтому в таких местах мы часто наблюдаем противоположную тенденцию — противники войны так или иначе встраиваются в институты и сообщества, лояльные государству, и испытывают сочувствие к тем, с кем им приходится делить ее тяготы, даже если последние войну оправдывают. Эти противники не меняют своего отношения к войне, но меняют к российскому обществу, многие аполитичные члены которого не выбрали войну, но вынуждены жить с ее последствиями. Противники устают от постоянного чувства бессилия в связи со страшными новостями о войне и поэтому сокращают потребление таких новостей, пытаются жить «нормальной жизнью». Впрочем, многие из них думают о судьбе своей страны, которую они любят, и возможность на что-то влиять в которой у них остается только тогда, когда они до какой-то степени принимают новую военную реальность. Ведь если полностью отвергнуть ее и уехать из России, как выражается один из наших информантов — противников войны, «вряд ли ты можешь как-то повлиять на то, что происходит».

2.1.3. Не-противники и противники: сравнение

Самые разные свидетельства и данные указывают на то, что, во-первых, людей с нечетким, противоречивым отношением к войне гораздо больше, чем ее убежденных сторонников и противников, и, во-вторых, их количество со временем только увеличивается. Но как изучать такую «серую зону» в восприятии войны? Это позволяют сделать качественные методы, а в особенности — этнографический подход, когда исследователи наблюдают за разговорами и поведением людей в «естественной среде». Интересно, что то, какие результаты приносит этот метод, уже само по себе связано с особенностями восприятия войны разными людьми. Например, мы обнаружили, что во время неформальных бесед люди с позицией (то есть, убежденные противники и сторонники войны) рассуждают о войне примерно так же, как и во время формализованных интервью. Однако аполитичные оправдывающие войну россияне «под запись» и во время неформальных бесед ведут себя совсем по-разному. Кроме того, в неформальных беседах сторонники и противники войны охотно обсуждают «СВО», тогда как не-противники пытаются все время «соскочить» с этой темы, поговорить о чем-то другом. Иными словами, те, у кого есть

позиция в отношении войны (обычно это люди с развитым интересом к политике), последовательно озвучивают ее в самых разных форматах коммуникации. Те же, у кого четкой позиции нет, — аполитичные россияне, одновременно оправдывающие и жалующиеся на войну, — часто меняют свои оценки происходящего в зависимости от коммуникативной ситуации, то есть от того, с кем, в каких обстоятельствах и о чем они говорят. Поэтому наличие у нас этнографического материала дает особые преимущества в попытках понять, что происходит внутри «серой зоны».

Интуитивно можно было бы предположить, что ключевое различие в восприятии войны между оправдывающими ее россиянами и ее противниками должно заключаться в том, что первые всегда войну защищают, а вторые — всегда критикуют. Однако это не совсем так. С одной стороны, спустя почти два года с начала войны некоторые ее противники стали интегрироваться в новую российскую реальность: они не переставали осуждать войну, но одновременно стали с пониманием относиться к поведению и рассуждением ряда оправдывающих ее россиян. С другой стороны, не-противники войны недовольны происходящим в стране и самой войной и в определенных ситуациях озвучивают это недовольство. Но в отличие от убежденных противников войны, в зависимости от контекста они переключаются между критикой войны и ее оправданием. Тем не менее в том, чем именно недовольны противники войны и ее не-противники, и в том, как они выражают свое недовольство, есть сходства и различия.

Как и в начале войны, ее противники критикуют сегодня российское вторжение с морально-этических позиций. Они называют войну преступлением и варварством, недопустимым в 21 веке. Не-противникам войны такая критика принципиально чужда. Более того, если они слышат подобные высказывания из уст своих собеседников, то начинают еще сильнее оправдывать действия России. Дело в том, что, социализируясь в деполитизированном обществе и не интересуясь политикой, они часто не проводят различия между «государством», «страной» и ее гражданами, ими самими. Но, конечно, разделяют общечеловеческую мораль — представление о том, что войны и убийства невинных граждан — это плохо. Поэтому когда им говорят, что Россия ведет преступную войну и убивает людей в Украине, они могут воспринимать эти обвинения на свой счет: это они, россияне, совершают преступления. Чувствуя, что обвинения в их адрес несправедливы, ведь они не выбирали войну и не в силах ее прекратить, они начинают отрицать сам характер преступления: Россия не начала войну первой, мы защищались от угрозы НАТО, и вообще войны идут везде.

Однако не-противники войны тоже критикуют «специальную операцию» с моральной точки зрения, но совсем по-другому — через жалобы на вызванные войной нарушения общепринятых моральных норм. Например, они могут выражать недовольство тем, что жена погибшего на фронте мобилизованного купила на полученные деньги слишком дорогую машину, или что молодой муж и отец добровольно отправился на фронт ради заработка, оставив дома только что родившегося ребенка. Критика поступков своих знакомых в конечном счете превращается в критику войны: жизнь дороже денег, говорят наши собеседники, зачем идти воевать непонятно ради чего. Иными словами, противники войны осуждают ее с точки зрения универсальных этических норм, как варварство и преступление, тогда как оправдывающие войну россияне выводят критику из повседневных, а то и бытовых моральных (о)суждений (знакомый бросил своего ребенка). Но в обоих случаях источником критики является свойственная деполитизированному обществу привычка оценивать окружающий мир в этических или в моральных категориях.

Вообще аполитичные не-противники войны гораздо чаще, чем ее убежденные сторонники и противники, судят о ней, исходя из своего конкретного, личного опыта. Например, для противников войны уже давно очевидно, что «по телевизору врут», — они исключили телевидение из своего медиарепертуара много лет назад. Для более аполитичных не-противников этот факт стал особенно заметен во время войны благодаря тому, что личные свидетельства их знакомых — жителей восточной Украины или мобилизованных на фронт — противоречили официальному телевизионному описанию событий. На фоне личных свидетельств пропагандистский нарратив стал казаться им особенно лживым и лицемерным. «Что по телевизору говорят — это все хуета», — утверждают они, потому что в реальности людей бросают под огонь неподготовленными и не говорят об огромных потерях. Это заставляет не-противников ставить под вопрос сам смысл войны — ради чего «наши мальчики» погибают? Однако это вопросительное, но однозначно критическое утверждение о войне не приводит противников к следующему шагу, утверждению о том, что вся «специальная операция» — ошибка.

Ощущение бессмысленности войны, таким образом, тоже является общим для ее убежденных противников и многих аполитичных, в целом оправдывающих войну, россиян. Однако для противников войны ее бессмысленность служит одним из оснований для критики «специальной операции» как таковой: раз у государства нет внятного объяснения того, зачем нужна война, значит, она не нужна вовсе. Логика не-противников же устроена по-другому: с одной стороны, очевидный вред, который наносит государство, ведущее войну, собственным гражданам и стране в целом, заставляет

их обращать внимание на лицемерие пропагандистского нарратива о войне и ставить под сомнение ее официальные обоснования. Но, с другой стороны, сталкиваясь с обвинениями России — то есть, не только государства, но и ее жителей, — в немотивированной военной агрессии, направленной на граждан другой страны, они пытаются найти смысл в происходящем, даже если этот смысл от них скрыт («власти знают, что делают»).

Россияне с самым разным взглядом на войну так или иначе формулируют ее экономическую и социальную критику. Однако, опять же, аполитичные оправдывающие войну россияне чаще отталкиваются от личного столкновения с конкретными проблемами: пенсии растут, цены растут, тарифы на ЖКХ растут, а власти отправляют «наших мальчиков» на фронт без подготовки и обмундирования и просят нас, обычных граждан, обеспечивать их всем этим. «Мальчики» приезжают без рук и без ног, но в городе нет нормальной медицины. Противники же войны озвучивают похожую критику на более абстрактном уровне: социальные и инфраструктурные проблемы вокруг не решаются, а государство тратит деньги на войну. Иными словами, обобщая многое из сказанного выше, противники войны (как, впрочем, и ее убежденные сторонники) сами по себе склонны рассуждать о происходящем на уровне моральных и политических *принципов*, тогда как аполитичные оправдывающие войну россияне только иногда переходят на этот уровень, начиная с очень конкретного, личного опыта столкновения с реальностью военного времени.

Мы не зря произнесли слово «иногда»: действительно, в отдельных случаях рассуждения не-противников войны обладают потенциалом выхода на более обобщенный, политический уровень. Например, оправдывая войну, они часто защищают «Россию», некое, пусть неопределенное, но обобщенное «мы», которое обвиняют «извне» в военной агрессии. Абстрактная российская (но не русская!) идентичность таким образом начинает играть большую роль для некоторых из них. Аналогично жалобы на очень конкретные бытовые проблемы, с которыми они или их близкие сталкиваются из-за войны, могут приводить к — пусть пока риторической — постановке под вопрос осмысленности войны как таковой.

2.2. Кто решит наши проблемы? Отношение к государству в военное время

Начало полномасштабного вторжения России в Украину стало неожиданностью и шоком для большинства россиян. Одновременно практически с первых дней войны государство стало требовать от своих граждан лояльности этому не самому прозрачному для людей решению. Не имея опыта выработки суждений по отношению к сложным (гео)политическим вопросам, многие россияне вынуждены были опираться на аргументы пропаганды или взгляды более просвещенных близких для того, чтобы как-то определиться со своим отношением к происходящему. Однако, если событие подобного масштаба — война с другой страной — случилось в их жизни впервые, то им уже приходилось иметь дело с не всегда понятными решениями государства как на федеральном (например, реформы), так и на местном (локальные проблемы и поведение местных властей) уровнях. Спустя некоторое время нам, исследователям, стало понятно, что логика, которую многие россияне применяли в своих суждениях о войне, не была изобретена ими с нуля: отчасти это была все та же логика, с помощью которой они раньше рассуждали о государстве, разделяя государство «большое» (в Кремле) и «малое» (в своих городах, поселках и селах). Эта глава посвящена теме отношения людей к государству и к властям разных уровней, не в последнюю очередь в связи с социальными проблемами, с которыми сталкиваются люди в своих населенных пунктах. В ней мы покажем, как по-разному противники войны и ее не-противники соотносят себя с политикой и государством. Это поможет нам лучше понять, откуда взялись различия в их оценках войны.

2.2.1. Не-противники

**«Голосуй — не голосуй, все равно получишь...»:
общий взгляд на государство и политику**

Как мы помним (этому посвящен почти весь наш [второй аналитический отчет](#)), большинство не-противников войны в России — это *те, кто оправдывают войну, но не являются при этом ее убежденными сторонниками*. Эти люди, как правило, не следят за политическими новостями (за исключением разве что первых месяцев войны), не интересуются тем, что происходит «наверху», в Кремле, и чувствуют слабую связь между проблемами их повседневной жизни и тем, какие решения принимают чиновники где-то в Москве.

Например, Кристина, 25-летняя студентка из Улан-Удэ, в общем, не самый «пассивный» человек: вместе с другими студентами она периодически помогает приютам для животных и ветеранам ВОВ. Однако она никогда не следила и не следит за новостями о стране и мире, а в выборах участвовала только один раз, потому что «надо было, чтобы студенты проголосовали» (ж., 25 лет, студентка и администратор клиники, Улан-Удэ). Работница музея города Черемушкин Свердловской области Галина тоже признается, что государственная политика ее совсем не интересует, и вообще политика — это скорее мужская, чем женская сфера. Галина периодически просматривает Яндекс.Новости и может услышать новости из телевизора, когда его смотрят другие члены семьи. При этом она следит за местными группами ВКонтакте и даже читает местные газеты, поскольку то, что происходит в городе, ее касается, — в отличие от «политики»:

«Политика — это на уровне правительства. Это взаимоотношения с другими странами. Политика, которая ведется внутри страны. Что еще политика? Это какие-то решения совсем вышестоящего государственного масштаба. Ну вот, это другие страны... Политика — **это что-то такое государственное, большое, в чем я не разбираюсь**, это точно» (ж., 43 года, работница музея, Черемушкин).

Разговаривая с аполитичными оправдывающими войну россиянами во всех трех регионах, мы периодически задавали им вопросы о предстоящих президентских выборах весны 2024 года. Многие наши собеседники с трудом вспоминали, о каких именно выборах идет речь, кого надо будет выбирать, и даже уточняли, имеем ли мы в виду выборы российские или американские (о которых некоторые из них были осведомлены лучше, чем о российских). Эта нескрываемая неосведомленность сама по себе хорошо демонстрирует отношение наших собеседников к российскому государству — которое существует где-то там, далеко, и отношения к их повседневной жизни не имеет. Иногда информанты даже представляли такую аполитичность как сознательную установку, как своего рода ценность: «Я **стараюсь** быть аполитичной, ни ту, ни другую сторону не принимать, жить как сложились обстоятельства», — говорит нам краснодарская пенсионерка с историческим и политологическим образованием. И более того — она желает аполитичности своим детям: «Наверное, хотелось бы, чтобы они жили, как и я, в каких-то своих шорах, аполитично, чтобы их не касалось это» (м., 59 лет, пенсионерка, Краснодар).

Оправдывающие войну россияне в общем и целом лояльны государству. Однако многие из них не столько верят в то, что государство и президент делают что-то хорошее для народа, сколько боятся изменений к худшему.

Как выразился один из краснодарских таксистов в разговоре с нашей исследовательницей, «Володя [Путин] себе место прогревает, не делает ничего». И тут же добавил: «Но если убрать Володю и поставить кого-то другого, то непонятно, что будет» (этнографический дневник, Краснодар, ноябрь 2024). Эта установка, как уже можно было догадаться, трансформируется в одно из встречающихся всем нам оправданий войны: война — это, конечно, плохо, но если бы Россия не ввела войска в Украину, то могло бы случиться что-то похуже. В еще более явном виде этот страх перемен к худшему заметен в интервью с 17-летним жителем Черемушкина, Денисом. На вопрос о том, сменится ли когда-нибудь Путин на посту президента кем-то другим, он отвечает:

«Конечно, он сменится. Ему уже сколько лет? Только неизвестно кем. Там есть какой-то кандидат, но если он станет на место, **то он будет еще хуже, чем Путин, он сразу хочет начать войну**» (м., 17 лет, студент колледжа, Черемушкин).

Этот ответ может показаться парадоксальным. Разве Путин уже не начал войну? Но этот ответ хорошо иллюстрирует опасения многих оправдывающих войну россиян: сейчас, при Путине, мы все еще можем жить нормальной жизнью, а кто знает, что случится при смене власти — не дай бог «настоящая» война придет в наши дома! Другие информанты вообще признавались нам в том, что планируют голосовать за Путина потому, что только он, Путин, может закончить войну: он начал, мол, ему и заканчивать — [говорят они](#). Иными словами, для многих аполитичных оправдывающих войну россиян лояльность власти, президенту и, собственно, войне означает не столько одобрение происходящего, сколько страх перемен к худшему.

Большинство из них замечают самые разные проблемы, существующие в стране, и они, конечно, недовольны этими проблемами. Это недовольство, однако, не делает их последовательными критиками государства и не приводит их к мысли о необходимости системных перемен. Скорее наоборот: они склонны оправдывать существующий порядок вещей. Так, например, Полина, председательница участковой избирательной комиссии из Черемушкина, прекрасно понимает, что не просто так из избирательных бюллетеней пропала графа «против всех» — ведь это был один из немногих способов законного выражения несогласия с происходящим в стране. Но, комментируя эту ситуацию, она пытается представить ее в качестве естественной, нормальной:

«**Это реалии. Нас ставят в рамки** эти, нас всегда ставят в рамки в любом случае. Всю жизнь нас ставят в какие-то рамки. Вы на работу приходите — вам говорят: “У нас дресс-код”, допустим. “У нас временные рамки: со столько-то до столько-то, у нас такие вот правила, надо пойти спрашиваться”. Вы же не будете их нарушать целенаправленно, потому что вам это не нравится? Потому что будут последствия, да? **То же самое и нас помещают в эти рамки. Надо просто учиться коммуницировать с этим**» (ж., 33 года, работница культурной сферы, Черемушкин).

В этом высказывании мы видим ту же логику, с помощью которой многие аполитичные россияне оправдывают войну: конечно, ни один нормальный человек не желает войны, но войны — это, увы, часть нашей реальности, они идут всегда и везде, с этой реальностью нужно смириться и научиться в ней жить. Эта установка на принятие и смирение хорошо видна в интервью с еще одним молодым жителем Черемушкина, Максимом. Исследовательница задает ему несколько провокативный вопрос: «А знаешь ли ты, — говорит она, — что есть люди, которые считают, что эту войну не нужно было начинать, что она необоснованна? Знаешь, что есть такая точка зрения?». В ответ Максим неожиданно начинает рассуждать вовсе не про войну, а про государство: власти, говорит он, всегда делают, что хотят, не спрашивая мнения граждан. Может быть, перед нами скрытый критик государства и войны? Совсем нет: это, казалось бы, критическое рассуждение нужно Максиму для того, чтобы объяснить, почему люди *не должны* вмешиваться в дела государства:

«Мне кажется, что **не нам это** [надо ли было начинать войну] **решать**. Это выше, там путинские все моменты. Они же все делают. Они же нас не спрашивают. Мы каких-нибудь реформ не хотим, я просто вспомнил какие-то реформы, мы против них. А они говорят: “Надо делать”. И все, делают. И нас не спрашивают» (м., 21 год, студент колледжа, Черемушкин).

Елена, артистка черемушкинского самодеятельного театра, казалось бы, гораздо более критична в своей оценке государства, чем Максим. «Просто сейчас смена государственной парадигмы, — говорит она. — Сейчас что нужно государству? Надо, чтобы люди трудились на своих местах, не вылезали. Кто вылезает — того погасят, правильно или нет?» (ж., 50 лет, работница культурной сферы, Черемушкин). Затем она жалуется на закон об экстремизме, который, по ее словам, применяется избирательно, чтобы заставить неугодных замолчать. Елена даже опасается, что этот закон может быть использован против их самодеятельных спектаклей — кто же

она, если не убежденный критик государства? Сочувственно выслушав ее, исследовательница спрашивает: «А как вам кажется — почему все так?» И слышит неожиданный ответ:

«Я думаю, что **во всем надо искать позитив**, выход, что-то яркое. Мы в спектаклях тоже стараемся, чтобы людям было понятно, где свет, куда идти, с чего начать. **Надо начинать с себя**, это мое глубокое убеждение, основанное на чтении святых отцов, евангелия, знакомства с историческими данными. Если каждый человек начнет с себя...» (ж., 50 лет, работница культурной сферы, Черемушкин).

Иными словами, сетуя на поведение государства, Елена при этом не приписывает ему ответственность за происходящее: ведь на вопрос «почему так?» она ни слова не говорит про государство или власть, перекладывая ответственность на обычных граждан, которые, желая изменений, должны «начать с себя». Еще более неожиданным кажется рассуждение предпринимателя из Новонекрасовска в Краснодарском крае. Это рассуждение начинается с критики нечестности выборов в России — и информант выглядит заядлым оппозиционером. Заканчивается оно, однако, перекладыванием вины за происходящее на обычных граждан: как только люди станут образованнее и научатся правильно проводить выборы, последние станут честными, утверждает он.

«Вот это у нас бич, у нас нет честных выборов. И поэтому многие говорят, типа “за нас все решили”. Нет! Когда соберется общественность, будут независимые, кто будет знать от и до как проводить выборы, потому что половина членов комиссии или главные члены комиссии, они не знают правил выборов. Они делают так, как им сказали сверху, а не как положено по законодательству России. Я с этим не раз сталкивался. И **если люди будут знать это, когда будут идти в наблюдатели, в члены комиссии, они будут видеть, как это независимо будет проходить, то тогда выборы будут честно проходить**» (м., 29 лет, предприниматель, Новонекрасовск).

Вообще установка «если мы хотим изменений, начинать надо с себя» в разных вариациях регулярно встречается в наших материалах. Во многом она является свидетельством бессилия, ощущаемого многими россиянами: не чувствуя, что они могут хоть на что-то повлиять за пределами своей частной жизни, они отстраняются от политики и привыкают рассчи-

тивать только на себя и своих близких. Это равнодушие к деятельности государства вследствие собственного бессилия хорошо видно в том, как многие информанты рассуждают о выборах:

Вопрос: А как ты относишься к правительству, к Путину?

Ответ: Не знаю. **Они меня не касаются, я их не касаюсь.**

Вопрос: Ты ходил на выборы какие-нибудь?

Ответ: Нет. Я знаю, что **мой голос ничего не решит по факту**. Просто дают возможность тем людям, кто голосует именно за этого человека. Мне кажется, что это все неправда, что дают людям выбор того, кто будет правителем (м., 21 год, студент колледжа, Черемушкин).

Подобные рассуждения мы регулярно встречаем не только в интервью, записанных на диктофон, но и во время неформальных разговоров, в которых принимали участие наши исследовательницы. Например, в городе Черемушкине исследовательница оказалась на посиделке с участием нескольких местных жительниц, организованной ее ключевой собеседницей Тоней (в первой части этого отчета мы называем ее «женской посиделкой»). В какой-то момент разговор зашел о предстоящих (в тот момент) президентских выборах. «Ну что, за кого голосовать будем?» — спросила Тоня, зная, что исследовательницу интересует эта тема. «Я ни за кого не голосую никогда», — ответила Алена. «Я тоже не хожу», — согласилась с ней Света. «Никто не ходит на выборы? А почему?» — удивилась Тоня. «Не вижу смысла», — пояснила Алена. «Я никого не знаю», — добавила Маша. «У нас столько в России людей! Проголосуют без нас. Подумаешь, не проголосовала, — раскрыла свою мысль Алена и чуть позже добавила, — Там **уже все сделано заранее! Голосуй или не голосуй — мне кажется, все равно**» (этнографический дневник, Черемушкин, август 2024). Молодая жительница Краснодара формулирует ту же самую мысль следующим образом: «Я — это просто **песчинка под плинтусом**, мой голос **ни на что не повлияет**, так что у меня **нет смысла этим заниматься**» (ж., 23 года, безработная, Краснодар). Ей вторит пенсионер, живущий на хуторе под Краснодаром и приезжающий в город увидеться с внуком:

«А толку-то, что на выборы пойдешь? Какой толк? Бюджетные деньги раз — и все. А то же самое и будет. <...> Меня политика не интересует. **У них свое, у народа — свое**» (м., 69 лет, пенсионер, пригород Краснодара).

Окончание этого короткого комментария принципиально важно. Оно передает хорошо знакомое многим аполитичным и оправдывающим войну россиянам чувство: государство и обычные люди — это два разных мира с разными интересами, и жителям «второго мира», народу, лучше не лезть в «первый мир», государство, если они не хотят лишних проблем.

В отличие от аполитичных оправдывающих войну россиян, среди ее **убежденных сторонников** мы чаще всего встречаем людей, следящих за новостной повесткой и имеющих какие-то политические убеждения или хотя бы симпатии. Взгляды одних убежденных сторонников войны сформировались еще до ее начала; взгляды других — в основном, постоянных зрителей федеральных каналов — вместе с ее началом. Однако и те, и другие продолжают активно следить и интересоваться политическими новостями.

Некоторые убежденные сторонники войны, особенно те, кто политизировался недавно и регулярно смотрит новости по телевизору, демонстрируют свою активную поддержку самых разных аспектов деятельности государства. Например, они, в отличие от аполитичных оправдывающих войну россиян, готовы ходить на выборы:

Вопрос: А на выборы вы ходили до этого и сейчас?

Ответ: На выборы-то? **Конечно, когда требуется, тогда ходим всегда.**

Вопрос: А выборы федеральные, местные — во всех ли участвуете?

Ответ: Во всех.

Вопрос: А на местных выборах, как для вас, что важно при выборе кандидата?

Ответ: Знаете, я-то сильно... Краевые достижения почитаю, которые ближе мне, того и выберу, да. У нас сейчас вообще **просто замечательные глава и города, и района**. Просто не знаю. Прямо молодцы. Они вот там за школой. Вы не были? (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск).

Эта информантка, Тамара, как бы проговаривается, что участвует в выборах, потому что это «требуется». Эта оговорка не удивительна: Тамара, учительница из Новонекрасовска в Краснодарском крае, начала активно интересоваться политикой только в 2022 году и все еще сохраняет многие

установки, свойственные своим более аполитичным согражданам, — например, представление о том, что выборы нужны государству, а не народу.

Важно понимать, однако, что среди убежденных сторонников войны есть не только те, кто демонстрирует свою поддержку государству, — есть среди них и его активные критики. Например, Леонид, один из местных политиков в Краснодаре, сам называет себя «убежденным» сторонником войны, объясняя, что следит за событиями в Украине давно и не понаслышке знает о фашизации страны, с которой надо было что-то делать. Одновременно, признается он, у него накопилось много вопросов к российской власти, как в связи со способом ведения боевых действий, так и в связи с внутренней политикой. И он, как и аполитичный житель Новонекрасовска, цитату из разговора с которым мы привели выше, говорит о проблеме нечестных выборов в стране:

«Я скажу так — хорошо, если люди хотят Путина, то окей. Но главное — чтобы это было справедливо и честно. Потому что, исходя из моего опыта участия в последних выборах, я могу сказать, что современные выборы с электронным голосованием, с многодневным голосованием, когда меняется содержимое всех пакетов, они превратились просто в фарс. И их результаты никаким образом не соотносятся с тем, что реально граждане думают. Я считаю, что **этим власть роет яму сама себе**. Да, конечно, это удобно рисовать выборы и получать те результаты, которые заранее запрограммированы. Но в результате снижается поддержка людей, люди перестают считать власть своей, избранной, и перестают ходить на выборы» (м., 39 лет, политик, Краснодар).

Если аполитичный оправдывающий войну новонекрасовец, рассуждая о нечестных выборах, ставит их в вину обычным гражданам, которые не научились грамотно организовывать избирательный процесс и голосовать, то Леонид, убежденный сторонник войны, обвиняет государство, которое «роет яму само себе». Люди, похожие на Леонида, могут активно демонстрировать свою лояльность государству через действия — например, участие в выборах, провоенное волонтерство, организацию патриотических мероприятий — или, напротив, выступать его критиками. В обоих этих случаях они чувствуют, что государство подконтрольно народу — то, во что перестали верить большинство россиян.

Локальные проблемы, государство и война

Итак, мы выяснили, что многие оправдывающие войну россияне не то, чтобы довольны тем, что делает их государство, — скорее, они просто не чувствуют возможности повлиять на поведение далекого и непонятного Кремля и привыкают решать свои проблемы сами: «У них [государства] — свое, у народа — свое». Но ведь в каком-то смысле они постоянно сталкиваются с государством в своей повседневной жизни — пусть не с тем, «большим» государством в Кремле, а с «маленьким», в своих городах, поселках или региональных столицах. При отсутствии интереса к большой политике многие из них говорят, что следят за местными проблемами, знают местных мэров и губернаторов. Означает ли это, что, не интересуясь и одновременно оправдывая решения «большого» государства, они более критичны к деятельности государства «маленького»? Не совсем.

С одной стороны, они избегают разговоров о большой политике и государстве, но охотно рассуждают о местных проблемах. Они жалуются на плохое образование в школах, отсутствие достойных высших учебных заведений вокруг, недостаток медицинского персонала, проблемы с инфраструктурой — дорогами, водоснабжением и так далее. С другой стороны, если, например, противники войны легко связывают эти местные проблемы с деятельностью государства в целом, то аполитичные не-противники часто вообще не приписывают никому ответственность за них.

Показательный в этом отношении разговор состоялся у нашей исследовательницы с учительницей в Новонекрасовке Краснодарского края. В процессе самого интервью под запись информантка избегала разговора о социальных проблемах. Однако, как только интервью завершилось, диктофон был выключен и между исследовательницей и ее собеседницей продолжился уже неформальный разговор, последняя стала жаловаться на множество проблем, с которыми она сталкивается на работе и в жизни. «Такое впечатление, — говорила она, — **хотят** уничтожить систему образования». Или: «Любое благое дело **происходит** в России, как всегда, через одно место» (этнографический дневник, Новонекрасовск, ноябрь 2023). Безличные грамматические конструкции, которые использует эта учительница («они хотят», «оно происходит»), позволяют ей говорить о проблемах, но избегать обвинений в адрес власти, как федеральной, так и местной. Местные проблемы в таких рассуждениях превращаются во что-то вроде плохой погоды за окном, на которую всегда хочется пожаловаться, но в которой глупо кого-то обвинять. Вспомним, что именно так

некоторые аполитичные не-противники оправдывают войну: как плохую погоду или природную катастрофу, которой очень хотелось бы избежать, но с которой, если она произошла, остается только смириться.

Многие аполитичные не-противники, впрочем, не ограничиваются простой констатацией наличия проблем — они одновременно пытаются нормализовать ситуацию, то есть объяснить себе и другим, почему «все не так плохо» вокруг и почему можно продолжать сосуществовать, жить нормальной жизнью с этими проблемами под боком. Например, они связывают возникновение проблем с объективными, не зависящими от человеческой воли обстоятельствами (и тогда эти рассуждения снова напоминают жалобы на плохую погоду за окном) или утверждают, что местные власти постепенно пытаются решать проблемы и надо только немного подождать. Наши собеседники в Краснодаре, вне зависимости от их отношения к войне, регулярно говорили о невообразимых пробках в городе — иногда для того, чтобы добраться из одной точки в другую, требуется несколько часов. Но если убежденные противники и сторонники (!) войны были склонны обвинять в бездеятельности власти, как местные, так и федеральные, то аполитичные оправдывающие войну краснодарцы часто связывали эту проблему с особенностями исторической застройки города, с которой уже ничего не поделать, какими бы полномочиями ты не обладал:

«Пробки и дороги — это очень сложный вопрос. Я по поводу него достаточно часто задумывался. **Проблема в том, что в центре** (особенно в центре) **улицы достаточно узкие.** То есть там максимум двухполоски. **И это создает пробки просто потому, что город рассчитан на меньшее количество населения.** В последнее время город очень сильно разросся. Я даже не знаю... Были какие-то проекты по решению этого вопроса, типа наземного метро. Но они что-то... Поговорили несколько лет, и потом все об этом забыли. Поэтому **как-то подумать, переделать инфраструктуру, наверное, в целом — это сложно**» (м., 26 лет, врач, Краснодар).

Похожим образом реагирует жительница села Удург Юлия Бадмаевна, жительница села Удург, на наблюдение исследовательницы о неожиданно высоких ценах на продукты в этом небольшом селе. Она почти сразу соглашается с таким наблюдением, но спешит объяснить рост цен объективными, не зависящими от людей обстоятельствами — удаленностью села от региональной столицы:

Вопрос: Я заметила, что у вас довольно высокие цены в магазинах. Людям хватает на жизнь их зарплат?

Ответ: Не могу сказать. Видимо, уже привыкли, что цены растут. **Да, я согласна**, мы недавно разговаривали, года два назад я на 100 рублей могла купить пачку молока и две булки хлеба. **А сейчас на 100 рублей даже молоко не купишь**. Чтобы купить молоко и две булки хлеба — надо 200 рублей. А что сделаешь? Конечно, цены растут, да. Бензин дорожает. Хотя в последнее время он вроде как на одной отметке и держится. <...> Но в Удурге, я считаю, что **скорее всего сказывается удаленность от столицы. Попробуйте что-то привезти из столицы, не каждый захочет этим заниматься** (ж., 38 лет, работница сферы образования, Удурт).

Иными словами, Юлия Бадмаевна нормализует в целом неприятную ситуацию со стремительным ростом цен на продукты, как будто говоря: а какими еще могут быть цены в таком удаленном от центра месте? Конечно, высокими! В городе Черемушкин Свердловской области наша исследовательница общалась с несколькими участниками самодеятельного театра, которые жаловались на недостаточное финансирование их театра и отсутствие программ по превращению города в более привлекательный для туристов. В какой-то момент исследовательница спросила Алексея, одного из театральных актеров: как вы думаете, почему в самых разных городах России так происходит? «Ну почему-почему-почему был светофор зеленый?» — ответил тот цитатой из популярной советской песни, имея в виду, что сам вопрос о причинах происходящего является риторическим, на него нельзя дать ответа. Впрочем, чуть позже Алексей просто начал оправдывать городскую администрацию:

«Каково приходится, к примеру, главе администрации тащить на себе этот дотационный город с огромной бюджетной дырой, где все как в прорву? Наладишь мост в одном месте — он в другом месте упадет. И мы приходим к тому, что они как могут тоже решают проблемы, которых у них, наверное, больше, чем у меня, это сто процентов» (м., 40 лет, работник культурной сферы, Черемушкин).

Часто информанты переключаются в режим оправдания власти сразу после высказываний, которые могут показаться их собеседниками слишком критическими, — чтобы не выглядеть чересчур резкими критиками власти. Работница культуры из Улан-Удэ, как и участники самодеятельного театра в Черемушкине, жалуется на недофинансирование их (государственной) организации:

«Хотелось бы, чтобы был хороший хореографический класс. Хотелось бы, чтобы были душевые к этому классу, хотелось бы, чтобы были нормальные туалеты. Хотелось бы, чтобы побольше денег выделяли на те же костюмы, потому что мы все равно шьем костюмы из платных услуг — то есть то, что зарабатываем, пускаем на то, чтобы жить» (ж., 60 лет, работница культурной сферы, Улан-Удэ).

Но тут она как будто бы приходит в себя и спешит добавить:

«Еще раз отмечу, что за последние три года все равно **повернулись к культуре лицом**. Раньше у нас самая мизерная зарплата была у работника культуры. Сейчас я считаю, что очень неплохо. Но молодежь почему-то не идет» (ж., 60 лет, работница культурной сферы, Улан-Удэ).

Вообще оправдательная конструкция, согласно которой вокруг, конечно, множество проблем, но с годами ситуация становится лучше благодаря усилиям местной власти, довольно часто встречается в наших интервью. Вот типичный монолог молодого предпринимателя из города Новонекрасовска в Краснодарском крае:

«Да, **не без косяков**, да, нет идеального чего-то там, понятно, что до всего можно придаться. И кто хочет, тот придерется, кому плохо живется, ему всегда будет плохо житься. Но если сравнивать в общем, то разница ощутимая. Даже если взять 2014-й год, и вот за этот промежуток, десять лет, то все поэтапно идет. Да, нет инфраструктуры в медицине, в образовании, какие-то проблемы с коммунальным хозяйством — **они есть, были и будут, от этого никуда не денешься. Но глобально идут изменения в лучшую сторону** в любом случае» (м., 29 лет, предприниматель, Новонекрасовск).

Мы видим, что многие далекие от политики россияне только отчасти более внимательны и критичны к деятельности местной власти, чем к деятельности «большого» государства в Кремле. Действительно, они легко видят «косяки» на местах, в отличие от «косяков» большой политики, но они все так же не спешат винить в этих «косяках» государство. В конце концов, рассуждают они, власти знают, что делают, стараются, но могут ли они справиться с многочисленными проблемами российских городов и сел? Доведенная до предела, эта логика приводит некоторых оправдывающих войну россиян к заключению о том, что в местных проблемах виноваты сами люди:

Вопрос: А если говорить про город, <...> как вам кажется, что сильно изменилось? Что изменилось в лучшую, что в худшую сторону?

Ответ: <...> Что хуже стало? Мне кажется, **хуже стали люди. Основная проблема — это люди.** Вот настолько обладающие какими-то непонятными моральными принципами или вообще отсутствием их. То есть вот у нас могут стать, пописать там в мусорное ведро, в урну в какую-то, в общественно-массовом месте, где везде камеры. <...> Абсолютно аморальные какие-то действия и ненависть людей. Это какая-то там, что-то даже элементарно соседи между собой не поделили, допустим, все. Это ненависть, это до самой гробовой доски! <...> **Мне кажется, люди — это самая главная проблема в Черемушкине** (ж., 33 года, работница культурной сферы, Черемушкин).

Показательно, что основное отличие *убежденных сторонников войны* от аполитичных оправдывающих войну россиян заключается вовсе не в том, что первые активнее выражают лояльность местной власти. Напротив, как мы уже выяснили выше, убежденные сторонники могут быть очень критичными по отношению к деятельности государства на всех уровнях. Их отличает сама способность связывать происходящее «на местах» с политикой региональных и федеральных властей. Например, один из убежденных сторонников войны так рассуждает о проблемах своего города, Краснодара:

«Я считаю, что корень проблем **города, края, страны** заключается в коррупции. Все, что мы сейчас говорим негативное, — это же, по факту, все базируется на коррупции. Вот у нас есть такое явление, как Музыкальный микрорайон [официальное название одного из районов Краснодара]. Фактически, там за пять лет построено сто многоквартирных домов и ни одной школы, ни одного детского сада. Понимаете? **Что, вдруг внезапно власть забыла**, что, если вы строите многоквартирные дома, то к ним нужна социальная инфраструктура? Ну это же полным ослам понятно, о чем идет речь» (м., 39 лет, политик, Краснодар).

Проблемы конкретного микрорайона в одном из многочисленных российских городов в глазах этого информанта связаны с проблемой российского общества и государства в целом, коррупцией. Впрочем, убежденные сторонники войны в одном важном отношении отличаются от противников войны, которые так же легко видят истоки местных проблем в деятельности государства. Противники войны, рассуждая о локальных проблемах, винят в них не просто государство, но и войну: из-за

войны, с их точки зрения, у власти остается меньше ресурсов на решение внутренних проблем (см. разделы 2.1.2 и 2.2.2). Убежденные сторонники же охотно критикуют государство — но молчат о роли войны.

***

В нашем [предыдущем аналитическом отчете](#) мы описали, что из себя представляет так называемая аполитичная поддержка войны в России. Она является не столько поддержкой, сколько оправданием происходящего как меньшего из зол; она не консистентна — одни и те же люди оправдывают войну и одновременно критикуют ее отдельные аспекты; она сопровождается негативными, а не позитивными эмоциями. Аполитичные не-противники переживают войну как природную катастрофу или плохую погоду за окном, выступать против которой просто-напросто глупо. Наконец, они считают, что только те, кто у власти, имеют право принимать решения в связи с ходом войны, — ведь обычные граждане не могут знать всех обстоятельств, а значит, должны смириться и не вмешиваться. В этой главе мы показали, что логика, стоящая за этой поддержкой, не появилась из ниоткуда в 2022 году — уже много лет россияне похожим образом рассуждали о других неприятных и непонятных решениях своего государства. Они привыкли выражать лояльность государству, главным образом путем невмешательства не потому, что соглашались с его политикой, а потому что любые потенциальные изменения казались им изменениями к худшему. Они старались не думать о том, что делает государство, а, замечая проблемы, убеждали себя: во-первых, «так происходит везде», а во-вторых, «власти знают, что делают». А все это от того, что они вполне верно чувствовали: их голоса, их сомнения, их недовольство не играют никакой роли, ведь «у государства — свое, у народа — свое». Будучи чуть более внимательными к местным проблемам и деятельности местной власти, они, за некоторыми исключениями, применяли к ним ту же логику: проблемы есть везде, власти делают что могут, а тем временем «начинать надо с себя». Показательно, что люди, которые, в отличие от них, уверенно поддержали войну, будучи более политизированными, склонны были по-другому видеть свои отношения с государством: они верили в подотчетность государства народу, с одной стороны, и во влияние политики государства на местные проблемы, с другой.

Иными словами, война для многих аполитичных россиян является *одним из* решений государства, с которыми им приходится смириться и иметь дело. Одновременно стоит отметить, что для многих из них в войне есть и что-то уникальное: только это решение государства в их глазах направлено не внутрь, на народ страны, а вовне — на другие страны, более

того, оно сделано «от имени» российского народа. Именно поэтому некоторые не-противники войны оправдывают «спецоперацию» более эмоционально и вовлеченно, чем многие другие неприятные решения государства.

Так или иначе, отчуждение от государства (и «политики») сформировалось у многих россиян не сегодня. Оно стало результатом длительного процесса, который некоторые исследователи, в том числе мы, называем деполитизацией (подробнее про это можно прочитать в нашей книге «[Политика аполитичных](#)»). Еще в позднесоветское время нарастающее разочарование людей в коммунистическом проекте привело к их погружению в частную жизнь, недоверию к государственной политике и публичной сфере. В конце 1980-х и начале 1990-х случился общественный подъем: многие люди поверили, что они могут изменить общество к лучшему — и тем сильнее стало их разочарование в политике уже в середине и конце 1990-х. С начала 2000-х президент Путин стал выстраивать вертикаль власти, постепенно превращая Россию в авторитарный режим, — и, как и в случае многих авторитарных режимов, власть в России опиралась на поддержку пассивного и демобилизованного населения. Аполитичная поддержка полномасштабной вторжения в Украину, которая может показаться парадоксальной, — ведь она сопровождается серьезным недовольством, которое вместо критики ведет к оправданию («проблемы/войны есть везде», «власти знают, что делают») — является логичным следствием этих процессов.

2.2.2. Противники

Пропаганда, репрессии и авторитаризм: общий взгляд на государство и политику

Противники войны — это люди с *позицией*, они более политизированы чем большинство ее не-противников (за исключением разве что убежденных сторонников войны). Однако несмотря на то, что многие противники недовольны режимом и давно читают оппозиционные медиа, далеко не все они обладают опытом *участия* в политике. Иногда даже опыт прямого соприкосновения с политикой и государством, например, работа в администрации города, может не осмысливаться противниками войны как политический опыт, что в целом характерно для людей, живущих при авторитаризме.

Тем не менее в отличие от не-противников, противники войны погружены как в новостную повестку, так и в гражданское общество в России гораздо сильнее. Многие из них имеют опыт общественной работы, например, в сфере урбанизма или культуры. Для некоторых из них такая работа стала способом сохранить активность, реализовать политические амбиции, одновременно не подвергая себя рискам, связанным с политической деятельностью в узком смысле. Так, один из информантов, житель Краснодара, рассказывает:

«Политическая жизнь, понятно, почти замерла, но, по крайней мере, какая-то общественная, она нашла себя. Можно сказать, что та часть людей, которые поняли, что они никак на политическом уровне не могут подвинуться, они ушли в те же общественники, активисты, урбанисты и так далее. Это, в общем-то хорошо, у них была какая-то отдушина, которая позволяла проявлять свое неравнодушие и свое желание к переменам» (м., 46 лет, советник директора частной компании, Краснодар).

Политический опыт противников войны может быть не только открыто оппозиционным (хотя большинство из них придерживаются оппозиционных взглядов). В нашем поле мы встретили, например, руководителя культурного пространства, которое спонсируется региональной властью, и бывшую сотрудницу правительства — оба однозначно осуждают войну.

Часть информантов критикуют и последствия войны для российского общества, например, пропаганду «военно-патриотической направленности» в сфере образования. Один из наших собеседников, учитель из Улан-Удэ Батод, так рассказывает о своем профессиональном опыте:

«В этом учебнике [истории] вообще абсолютно такая каша, она вся по всему прослеживается от 11-го класса. А что касается вот “СВО” и так далее, там [в учебнике] это абсолютно, это просто через такие телевизионные эти... Как будто в текстовый формат перевели и все» (м., 29 лет, работник сферы образования, Улан-Удэ).

На пропаганду обращают внимание и те, кто не связан с образованием: «Я же вижу, как в школах, в садиках воспитателям и учителям-беделогам приходится выполнять все разнарядки свыше, делать какие-то патриотические [мероприятия]», — жалуется бухгалтер, тоже из Улан-Удэ (ж., 53 года, бухгалтер, Улан-Удэ).

Некоторые противники войны делят общество на элиту — олигархов и самого Путина — с одной стороны, и «нас, бесправных людишек» (ж., 27 лет, студентка магистратуры, Улан-Удэ) — с другой. Борьба с элитой, с точки зрения этих информантов, чревата репрессиями, и это возмущает противников войны. «Ну, я скажу свою точку зрения, или где-нибудь с кем-то выйдешь куда-то. Тупо загребут за дискредитацию и дадут тебе штрафов», — объясняет один из наших собеседников (ж., 27 лет, студентка магистратуры, Улан-Удэ).

Недовольство противников вызвано не только репрессиями, но и самой системой вертикали власти, которая блокирует возможность избирать представителей от народа:

«У нас вообще **нормальных руководителей никогда не было**. Я понимаю, конечно, что никто не любит руководителей. Но тот, с Томска, Наговицин [глава, а затем президент Республики Бурятия с 2007 по 2017 годы], он совершенно чужак, **навязанный** Путиным человек. И все это прекрасно понимали. Хотелось бы, конечно, чтобы был кто-то более заинтересованный» (ж., 53 года, бухгалтер, Улан-Удэ).

Наконец, некоторые противники недовольны экономической политикой государства. Их можно разделить на условно левых и правых — тех, кто считает, что государство делает недостаточно для населения, и тех, кто считает, что государство слишком много вмешивается в рынок, нанося вред экономике. Противники, зависимые от государства, например, пенсионеры или работники образования, могут жаловаться на низкие социальные выплаты:

«Пенсия маленькая. Хотя я будто с высшим образованием, работала главным бухгалтером там в управлении в сельском хозяйстве. И вот так... В то время было 7-8 тысяч, когда на пенсию уходила. Но сейчас поднимали, поднимали, индексировали. Пенсия стала 22 тысячи. На 22 тысячи разве можно прожить в общем-то?» (ж., 72 года, пенсионерка, Улан-Удэ).

Те же, кто занимаются бизнесом, критикуют социальную поддержку населения со стороны государства. Они видят в ней причину экономических проблем:

Ответ: Самый главный вопрос, что по вакансиям там вообще проблема, вообще люди не хотят работать. Вообще!

Вопрос: А почему, как вам кажется?

Ответ: Пособия всякие мешают. Что им там — по 60, по 90 тысяч получают.

Вопрос: Это вы имеете в виду детские пособия?

Ответ: Детские пособия, «путинские» (ж., 35 лет, предпринимательница, Удург).

Так или иначе, противники войны — это еще и те, кто критически настроен по отношению к государству в целом, причем чаще всего эта критическая установка сформировалась у них задолго до начала полномасштабного вторжения России в Украину.

Локальные проблемы, государство и война

В каком-то смысле отношение к войне и способность проблематизации войны (то есть представление войны в качестве проблемы) является частным случаем способности проблематизации политической и социальной реальности вокруг. Те, кто последовательно критикуют войну, часто склонны в целом критически оценивать отношение государства к своим гражданам.

Противники войны, в отличие от ее сторонников, склонны видеть в социальных, экономических или локальных проблемах — скажем, нехватке медицинского персонала или разбитых дорогах — проблемы системные. Наиболее отчетливо этот взгляд выражен в следующем диалоге:

Вопрос: А если обобщать, какие самые насущные проблемы в городе?

Ответ: Самые насущные проблемы города? Это проблемы не только города, это негородские проблемы. Это в целом проблемы всей системы (м., 29 лет, предприниматель, Черемушкин).

Противники войны обычно легко описывают связи между тем, что им и их со-гражданам не нравится в своих городах и регионах, и поведением властей, крупных федеральных бизнесменов, государственными законами и так далее. Константин, культурный деятель из Улан-Удэ, отказался говорить под запись, однако долго и охотно рассказывал о местных проблемах. Так, например, одной из ключевых экологических проблем республики он назвал отсутствие контроля Бурятии над добычей полезных ископаемых на своей территории. «Тугнуйский угольный разрез», — объяснял Константин, — это Мельниченко [российский миллиардер], у которого уже пятую яхту арестовали в Ницце. И именно этот человек оставляет

нам кучу заболеваний в районе» (этнографический дневник, Улан-Удэ, октябрь 2023). Иными словами, Константину кажется очевидной связь между проблемами со здоровьем местных жителей и деятельностью олигарха, находящегося, между прочим, под международными санкциями в связи с войной. Размышляя о переменах, многие противники войны указывают на то, что они должны затрагивать все общество, и начинаться сверху, с государства:

Вопрос: ... если менять в городе что-то, то тогда надо менять и наверху.

Ответ: Наверху — это где?

Вопрос: Ну, начнем со Свердловской области, с губернатора <...>

Ответ: А губернатора, соответственно, назначает Путин?

Вопрос: Да, да. Мы упираемся в самый верх (м., 42 года, строитель, Черемушкин).

Некоторые (но далеко не все!) противники войны видят причины местных проблем не только в политике государства, но и в самой войне. Кто-то из них указывает на местные проблемы, объясняя свою антивоенную позицию:

«Зачем ты тогда лезешь вообще к соседу, у которого своя жизнь абсолютно? То есть другое государство. То есть мы сейчас должны к литовцам прийти, к полякам и тоже с автоматом: “А, вы нас не любите? Мы вас сейчас будем это...” Ну, это же бред! **Давайте у себя там разберемся сначала. Что у нас вообще происходит в стране?**» (м., 42 года, строитель, Черемушкин).

Выше мы уже описывали, как именно противники войны критикуют ее (см. раздел 2.1.1): тот факт, что государство ведет войну вместо решения внутренних проблем, или, еще хуже, что война создает новые проблемы, является одним из типичных критических аргументов противников в адрес так называемой «специальной военной операции». Вот еще один пример такой критики:

«Вот я всегда возмущаюсь, что **столько денег с этой войной угрохали!** Вот неужели **нельзя было все эти деньги именно России туда, чтобы дороги были хорошие?**» (ж., 72 года, пенсионерка, Улан-Удэ).

При этом многие противники войны, особенно те, кто не имеет опыта вовлечения в политику, критикуют войну, как мы помним из раздела 2.1.2, за бессмысленность и преступность, а не за то, что она усугубляет социально-экономические проблемы в России. Например, одна из наших информанток, противница войны из села Удург, недовольна войной прежде всего потому, что поведение российской армии демонстрирует циничное, аморальное отношение к человеческим жизням. Интересно при этом, что она так же охотно рассуждает о связи между местными проблемами и войной:

«Да, у нас много военных и много вахтовиков, потому что зарплаты маленькие в Бурятии. Это дотационный регион, у нас зарплаты маленькие. Многие говорят: “А, они же стали военными, пускай отработывают, идут на войну”. Я слышала такой *ужас*» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удург).

Однако эта связь сама по себе не становится основанием антивоенной позиции этой информантки. Моральные, общегуманистические суждения типичны для неполитизированных информантов, как противников войны, так и тех, кто ее оправдывает.

***

Итак, противники войны имеют разный опыт политической и общественной деятельности и по-разному осмысливают отношения общества и власти. Предсказуемо, что среди несогласных с войной никто не считает эти отношения «здоровыми»: большинство противников придерживаются оппозиционных взглядов. Они критикуют российскую власть за повсеместную военнизированную пропаганду, авторитарность, социально-экономические проблемы и за саму войну. Многие из информантов имеют политический и общественный опыт, который в некоторой степени предопределяет и мышление о политике, и отношение к войне. Примечательно, что даже те противники войны, что работали или работают в государственных учреждениях, не становятся более лояльными государству, чем другие информанты.

Вне зависимости от степени политизированности, почти все противники войны говорят о связи локальных проблем и региональной или даже федеральной политики. Они склонны видеть в городских проблемах проблемы «системные». Социально-экономические проблемы в представлении противников войны также связаны с политическими — например, бедность региона они могут объяснять тем, что губернатор не избран, а назначен Путиным. Более того, часть противников объясняют

свое недовольство «специальной военной операцией» именно тем, что государство тратит ресурсы на ведение войны вместо того, чтобы решать внутренние проблемы страны, региона и города. Как выразился один из наших информантов, «давайте у себя разберемся сначала» (м., 42 года, строитель, Черемушкин).

2.2.3. Не-противники и противники: сравнение

Никто не ожидал нападения России на Украину, события развивались стремительно, и политически «неподготовленным» россиянам пришлось необычайно быстро определяться с тем, как они относятся к происходящему. То, как они определяли свое отношение к войне, было отчасти предзадано их предыдущим опытом. Конечно, на отношение к войне повлияла государственная пропаганда и многие другие факторы. Но большую роль сыграло также то, как люди переживали, ругали и оправдывали самые разные, не всегда приятные и понятные, решения своего государства в прошлом. Эта глава помогла нам увидеть, что люди с разным отношением к войне точно так же по-разному привыкли судить поведение местных и федеральных властей.

Один из неочевидных выводов этой главы заключается в том, что убежденные сторонники и убежденные противники войны похожи друг на друга больше, чем каждая из этих групп — на аполитичных оправдывающих войну россиян (впервые мы сформулировали это наблюдение еще в нашем [первом аналитическом отчете](#)). И убежденные сторонники, и убежденные противники войны на момент ее начала чаще всего уже следили за политическими новостями, ориентировались в политической повестке, имели политические симпатии и антипатии, а некоторые даже обладали опытом политического и гражданского участия. Симпатии противников войны были почти всегда на стороне оппозиции, но и среди ее убежденных сторонников встречаются критики власти. Война не превращает последних в лояльных государству граждан — они продолжают считать себя оппозиционерами, но как бы «подвешивают» эту критику до окончания войны, позволяя себе открыто выступать только против местных, а не против федеральных властей. Напротив, оправдывающие войну россияне, не являющиеся при этом ее убежденными сторонниками, обычно не интересовались политикой, не следили за новостями и не имели никаких определенных симпатий и антипатий, по крайней мере до начала войны.

Не удивительно, что далекие от политики люди не слишком озабочены размышлениями о решениях своего государства. Государство в их глазах вовсе не служит народу — наоборот, оно обладает своими собственными, чуждыми и непонятными обычным людям интересами. При этом любой стране без государства никуда: кто-то должен управлять обществом и выстраивать отношения с другими странами. Даже если им, простым гражданам, решения власти кажутся неправильными, они тут же отгоняют от себя эти мысли: во-первых, власти лучше знают, что делают, и не нам их судить, — убеждают себя они, а во-вторых, перемены всегда рискуют оказаться переменами к худшему, так что пусть уж все остается как есть. Иными словами, в отличие от противников войны и ее убежденных сторонников, аполитичные не-противники не считают такое положение дел отклонением от нормы.

Именно эту логику мы отчасти наблюдаем и в их оправданиях войны в Украине: у государства (наверное) были причины на то, чтобы ее начать, а раз уж начали, нужно победить — потому что резкое ее прекращение и неминуемое поражение станут еще большей катастрофой и лишат первые ее годы всякого смысла. И убежденные противники, и убежденные сторонники войны руководствуются совсем другой логикой в своем отношении к действиям государства: будучи какое-то время вовлеченными в политические дискуссии, они считают, что государство может и должно быть подотчетным народу и граждане вправе оценивать действия государства. Ожидаемо противники войны критикуют решения власти, а сторонники могут как критиковать их, так и горячо поддерживать. Но сама способность судить о государстве позволила им сформировать вполне определенное мнение по поводу решения Кремля начать военные действия на территории Украины.

Вне зависимости от своего взгляда на войну, многие из наших собеседников интересуются проблемами в своих городах, районах и селах. Все они, в том числе далекие от политики россияне, без колебаний выражают свое отношение, скажем, к отсутствию достаточного количества врачей в городских больницах или бесконечным пробкам на дорогах — отношение, разумеется, негативное. Но если убежденные сторонники и противники войны связывают эти проблемы с деятельностью как местных, так и федеральных властей, то их далекие от политики и оправдывающие войну сограждане редко приписывают кому-либо ответственность за эти проблемы. Они считают, что местные власти стараются как могут, но против них выступают объективные обстоятельства, например, неправильная историческая застройка города или его невежественные жители, не позволяя до конца решить многочисленные городские проблемы.

Таким образом, те, кто уже приобрел привычку и навык оценивать действия местных и федеральных властей благодаря развитому интересу и вниманию к политике, смогли довольно быстро и довольно определенно осудить или поддержать войну. Те же, кто на протяжении долгого времени существовали с государством в разных мирах, не пытались оценивать его действия («ведь мы люди маленькие, а там, наверху, знают лучше»), отчасти перенесли эту логику на свои суждения о войне. Важно, однако, не забывать, что именно государство последовательно возвращало в россиянах нелюбовь и недоверие к политике, питаясь плодами пассивной лояльности и невмешательства.

2.3. «Травматичные новости»: медиапотребление в связи с войной

С начала полномасштабного вторжения России в Украину восприятие информации и эффективность пропаганды остается одной из самых обсуждаемых тем как в научном, так и в экспертно-журналистском сообществах. Призывы [«прорвать пузырь российской дезинформации»](#) и дать россиянам доступ к альтернативным медиа не привели к существенным изменениям в общественном мнении. Не привели к ним и многочисленные [проекты](#), которые опираются на современные технологии для борьбы с пропагандой. Одна из причин такой неэффективности — упрощенные представления о том, как люди потребляют и воспринимают информацию, особенно в условиях военного конфликта. Для того, чтобы продемонстрировать особенности этого процесса, мы расскажем про практики медиапотребления и особенности восприятия россиянами информации о войне, а также про их изменение со временем.

В нашем [первом](#) и [втором](#) аналитических отчетах мы уже описали основные тенденции в медиапотреблении и восприятии политической информации в начале войны и спустя полгода после ее начала. В начале войны ее убежденные сторонники больше полагались на прогосударственные источники, а ее противники — на оппозиционные медиа. Впрочем, и те, и другие интересовались информацией, новостями, поступающими из противоположного лагеря. Аполитичные россияне же дистанцировались от новостной повестки как таковой, чувствуя, что не могут разобраться в потоке противоречивой информации.

Эта тенденция только усилилась спустя полгода. Аполитичные не-противники войны стали еще больше дистанцироваться от новостей, предпочитая доверять знакомым, а не медиа. Более вовлеченные в политику противники и сторонники тоже испытывали дискомфорт, но главным образом от ощущения предвзятости информации из противоположного лагеря. Поэтому вместо чтения источников с разных сторон они стали читать политически близкие им медиа, пусть и понимая их предвзятость.

Наше новое исследование, основанное на этнографическом методе, позволяет увидеть, как потребление информации вписано в повседневную жизнь людей. Ниже мы описываем источники, которыми пользуются наши информанты, их медиа-репертуары, связь потребления информации с другими повседневными практиками, а также стратегии отстранения от новостного потока.

2.3.1. Не-противники

Источники информации и медиа-репертуары

Из каких источников получают информацию не-противники войны? Некоторые из них ориентируются только на онлайн-источники, другие дополняют информацию из онлайн-источников телевизионными новостями, а кто-то вообще предпочитает читать и смотреть исключительно материалы, присылаемые им близкими. В таблице ниже собраны те источники информации, которые регулярно называют наши информанты не-противники войны: интересно, например, что среди них оказываются не только прогосударственные, но и оппозиционные издания и фигуры.

Российские телеканалы	<i>Первый канал, Россия 24</i>
Российские прогосударственные издания	<i>РТ, РИА Новости, Независимая газета</i>
Прогосударственные новостные Телеграм-каналы	<i>Раньше всех. Ну почти, Беспощадный пиарщик, Россия на максималках</i>
Прогосударственные Телеграм-каналы	<i>Рамзан Кадыров, Сладков+, Ахмат Сила, Соловьев, Мир сегодня с «Юрий Подольяка»</i>
Российские новостные агрегаторы	<i>Яндекс.Новости / Дзен</i>
Российские оппозиционные издания	<i>Медуза, Эхо (бывш. Эхо Москвы)</i>
Русскоязычные службы западных изданий	<i>Русская служба ВВС</i>
Социальные медиа российских оппозиционных фигур	<i>Екатерина Шульман, Максим Кац, Владислав Жуковский, Николай Бондаренко</i>
Украинские телеканалы	<i>Фреedom</i>
Местные СМИ / Телеграм-каналы	<i>Информ Полис, Байкал-Daily, Бурятия-онлайн</i>
Профильные каналы	<i>Банкста, Ольга Кильтау</i>

Мы видим, во-первых, что со временем из медиа-репертуаров не-противников практически исчезли украинские каналы, за которыми они следили, чтобы понимать отношение своих оппонентов к войне. Если в начале войны как минимум ее убежденные сторонники регулярно называли украинские медиа среди своих источников информации, сейчас даже они отказались от таких источников. Во-вторых, среди наших новых информантов практически нет тех, кто регулярно получает информацию из теленовостей. Наши собеседники рассказывают, что смотрят телевизор только когда кто-то другой (член семьи или тот, к кому они пришли в гости) включает его. Наконец, из-за того, что на этот раз значительная часть данных собиралась в небольших городах и даже селах, отчетливее видна роль локальных источников информации, которые освещают события в конкретном регионе («Бурятия онлайн», «Байкал Daily» и т. д.).

О чем не скажут по телевизору: (не)доверие СМИ

Большинство не-противников войны скептически относятся к политической информации с какой бы стороны — прогосударственной или оппозиционной — она ни поступала. Они, конечно, полагают, что оппозиционные источники освещают войну искаженно, но, по их словам, и прогосударственным медиа полного доверия быть не может. Искажения, с точки зрения наших собеседников, могут заключаться, например, в намеренном замалчивании важной информации, что практикуют как оппозиционные, так и прогосударственные СМИ. Как отмечает один из информантов,

«Чтобы врать хорошо — надо **недоговаривать правду**. То есть я не про то, что на всех каналах, и на федеральных, и на “независимых”, только одна ложь. Просто **где-то не договариваются какие-то участки правды**» (м., 26 лет, врач, Краснодар).

Для многих информантов представление о том, что СМИ нельзя доверять, является самоочевидным — о нем не размышляют и его не ставят под вопрос. Как отмечает один из наших собеседников, рассуждая о доверии СМИ, «я об этом даже не задумывался просто-напросто. Доверяю? СМИ смысла нет доверять, они под чью-то дудку пляшут» (м., 55 лет, строитель, Краснодар). Поэтому многие ответы на вопрос о доверии СМИ являются категоричными и эмоциональными: «Нет, я вообще не доверяю СМИ» (м., 29 лет, предприниматель, Новонекрасовск), «Да я вообще источникам не доверяю!» (ж., 35 лет, предпринимательница, Удурт). Тот факт, что кто-то — например, исследователи — спрашивает

об их привычке доверять СМИ, может даже возмущать информантов: неужели можно было подумать, что они не знают, что вокруг фейки и пропаганда, а все СМИ манипулируют людьми?

В наших предыдущих [отчетах](#) мы показывали, что, парадоксальным образом, телевидение, которое выражает официальную государственную позицию по вопросу войны, пользуется доверием только среди небольшой группы информантов, оправдывающих или поддерживающих войну.. Большинство из них воспринимают теленовости как пропаганду и не доверяют им. В текущем исследовании мы наблюдаем то же самое: среди источников, которые упоминают не-противники, теленовости имеют особый «антирейтинг».

Показательно, что только одна наша информантка призналась в том, что смотрит «Первый канал» и доверяет ему, поскольку этот канал «центральный, значит, там все по правде» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск). Такой способ оценки достоверности является ярким примером «эвристики авторитета», которая хорошо описана в [исследованиях](#) и часто является механизмом формирования доверия к телевидению в России: интуитивно сокращая усилия, которые могли быть потрачены на анализ самой информации, люди полагаются на репутацию институции, которой этот источник принадлежит, — на авторитет государства.

Однако такой тип отношения к информации встречается все реже среди не-противников войны. Как отмечает студент из Черемушкина Свердловской области, «то, что показывают по новостям, — не верь этому, вообще не единому слову» (м., 21 год, студент колледжа, Черемушкин). А работница сферы образования из села Удург в Бурятии объясняет логику, которая заставляет ее не доверять государственным каналам:

«Они [Первый и Второй канал] же государственные. Соответственно, **как государство говорит, они так и показывают**. То есть, все равно **информация у них однобокая**, и я не знаю, что на самом деле там происходит» (ж., 38 лет, работница сферы образования, Удург).

Более того, упоминая телевидение, не-противники войны часто используют негативно окрашенные термины, например, «телеящик» (м., 75 лет, краевед, Новонекрасовск) или «вранье полное» (м., 21 год, студент колледжа, Черемушкин). А отсутствие телевидения в доме, наоборот, часто воспринимается как что-то хорошее («У меня нет телевизора, слава богу», ж., 23 года, безработная, Краснодар). Показателен отрывок

из дневника, в котором исследовательница пересказывает диалог с мастером во время сеанса массажа в городе Южный Сокол Краснодарского края. Когда разговор затронул тему доверия теленовостям, массажистка неохотно отметила, что смотрит телевизор. Исследовательница в ответ не осудила ее, но массажистка все равно начала оправдываться, причем с явным раздражением: «Вот посмотрела новости. И что такого? Почему доверяю? Я не доверяю новостям — я просто их посмотрела. А что я должна делать — читать в интернете? Там полно фейков!» (этнографический дневник, Южный Сокол, ноябрь 2023). Хотя она, очевидно, смотрит телевидение и даже воспроизводит пропагандистские клише (например, о «фейках» в интернете), она не готова признаться в том, что доверяет теленовостям. Именно поэтому она раздражается, задает множество встречных вопросов и формулирует защитный аргумент — о том, что онлайн источники еще менее достоверны, чем телевидение. Эта ситуация демонстрирует, что вне зависимости от фактического доверия или недоверия теленовостям, многие люди считают такое доверие чем-то порицаемым, и даже вопрос о нем воспринимают как сомнение в их интеллектуальных способностях.

Информанты называют две основные причины, из-за которых они не доверяют телевидению, — обе связаны с предвзятым, пропагандистским характером вещания. Та картина успешной «специальной военной операции», которую рисуют новости и ток-шоу на телевидении, с их точки зрения, не соответствует реальности. Если положительно окрашенные сюжеты о войне еще могли восприниматься как достоверные в ее начале, то по прошествии почти двух лет их недостоверность стала понятна даже оправдывающим войну россиянам. Например, студент колледжа из Черемушкина рассуждает о солдатах-контрактниках, которые отправились воевать под влиянием этой позитивной картины, следующим образом:

«По новостям же все хорошо показывают — ничего страшного, там из танка стреляют, в тебя пуля никогда не попадет. **А по факту** — ты сидишь в окопе, через три метра этот дебил сидит в окопе, он кидает в тебя гранаты и все. Не знаю... **В розовых очках ходят** [военнослужащие], короче. Им их надевает наше государство, правительство, не знаю, кто они там. А мы их носим и все» (м., 21 год, студент колледжа, Черемушкин).

Другой информант упоминает позитивные образы успеха вторжения в начале войны, которые, как вскоре выяснилось, не соответствовали реальности:

«По тем сводкам, которые были в первые три дня, я хорошо помню, как Караулов [по всей видимости, информант говорит об Игоре Конашенкове — спикере Минобороны] заявил. Буквально на третий день он сказал: “Ну, все, украинской армии нет. Все аэродромы уничтожены”. Летают. **Значит, не уничтожены**» (м., 56 лет, охранник, Краснодар).

Еще одна причина декларативного недоверия не-противников войны государственным СМИ — острое ощущение предвзятости, которое появляется из-за чрезмерной в глазах этих (часто далеких от политики) людей политизированности вещания. Например, по утверждению строителя из Краснодара, «СМИ смысла нет доверять, они под чью-то дудку пляшут». Это ощущение появляется у него из-за доминирования мнений над информацией в новостях: «Я вообще считаю, что СМИ должны просто выдавать информацию, не более того. Никакие свои мнения не высказывать» (м., 55 лет, строитель, Краснодар). За прошедшее с начала войны время ее не-противники успели познакомиться с вещанием российских оппозиционных СМИ и украинских СМИ, которые тоже сильно политизированы, — и это только усилило их недоверие и тем, и другим. Как отмечает одна из информанток, «Одно и то же. И те, и другие говорят одно и то же, только друг про друга! Заметила. Да? Вы — нацисты! Нет, вы — нацисты!» (ж., 38 лет, дизайнер, Краснодар).

Недоверие к телевидению, однако, не заставляет информантов больше доверять онлайн-источникам. По словам охранника из Краснодара, если включить телевидение, то «по тем сведениям, которые они дают, так мы Украину уже три раза победили и всю уничтожили там». Но если включить YouTube, то доступ к достоверной информации все равно не получить: «Там какой-нибудь “Freedom” или “24” — так они [украинская армия] уже в Москве. Что их слушать-то, смотреть?» (м., 56 лет, охранник, Краснодар). Как отмечает другая информантка,

«На самом деле я уже ни во что не верю, потому что начинается какая-то пропаганда [на телевидении]. Телеграмовские каналы — опять то же. На самом деле, как мой муж правильно говорит: **не знаешь, кому верить**» (ж., 33 года, инженер в декрете, Краснодар).

Если телевидение воспринимается как недостоверное по причине государственной цензуры, то онлайн источники — как недостоверные из-за того, что каждый автор может исказить информацию так, чтобы она соответствовала его политической позиции. Например, уже упоминавшаяся мастер массажа из Южного Сокола говорит об интернете как «по-

мойке», «гадости» и «дурдоме», так как там «любой может написать то, что хочет» (этнографический дневник, Южный Сокол, ноябрь 2023). Оправдывающие и поддерживающие войну россияне ставят под вопрос как независимость «независимых СМИ» («Кто может поручиться, что какое-то СМИ является независимым?», м., 45 лет, IT-специалист, Краснодар), так и независимость украинских источников, которые выражают позицию украинского правительства («Идет массовая война в СМИ, в первую очередь, нагнетают с двух сторон», м., 56 лет, охранник, Краснодар).

В результате оказывается, что больше всего не-противники войны доверяют информации, поступающей от конкретных людей, — своих близких или знакомых, например, побывавших в зоне боевых действий (с российской стороны), живущих в Л/ДНР или на неоккупированных украинских территориях. «Есть знакомые с ЛНР и ДНР — понимаешь, как там обстоят дела. И вот понаслышке от людей, а не от новостей, как они тебе это преподносят», — объясняет жительница Краснодара (ж., 33 года, инженер в декрете, Краснодар). По словам другого нашего собеседника, он старается узнавать информацию «у людей, которые там» (м., 26 лет, врач, Краснодар), имея в виду воюющих в Украине знакомых. Проводя наше исследование далеко от Москвы и Санкт-Петербурга, часто в небольших городах, мы обнаружили, что у большинства наших собеседников есть знакомые, которые воевали, даже если знакомы они с ними поверхностно.

Такие «народные» источники вызывают больше доверия и часто противопоставляются официальным медиа. О потерях «не скажут по телевизору» — такая информация «передается из уст в уста по знакомым, по родственникам» (ж., 43 года, работница музея, Черемушкин). Недоверие пророссийской пропаганде [не подрывает](#) тем не менее эффекта этой пропаганды. Даже если слова знакомых ставят под вопрос отдельные факты, которые освещаются в российских новостях, живущие на востоке Украины знакомые сами подвержены влиянию пропагандистской машины, а среди российских военнослужащих вряд ли много последовательных критиков войны. Соответственно, мнения таких людей чаще подкрепляют общую пропагандистскую линию.

Здесь — своя жизнь, а там — своя: стратегии потребления информации

Эксперты и журналисты часто представляют людей как идеальных потребителей информации, которые, например, читают важные новости и не читают не важные. Но исследования [показывают](#), что потребление

информации часто определяется удобством: например, люди используют «Яндекс.Новости» не потому, что агрегатор предоставляет важную политическую информацию, а потому что когда-то завели электронную почту на платформе «Яндекс». Нам удалось выделить три фактора, определяющих стратегии медиапотребления: 1) привычки и удобство, 2) социальный контекст, 3) значимость для повседневной жизни в конкретном сообществе.

Первый фильтр, через который проходит политическая информация, — это привычки людей и удобство источника. Например, оказалось, что охранник из Краснодара, который признавался в своем недоверии к телевидению, так смотрит телевизор. Почему он потребляет теленовости, несмотря на недоверие к ним? Как и многие постсоветские граждане, он привык к фоновому просмотру телевизора во время ужина: «[Телевизор] смотрю, конечно, когда ем. Он у меня фоном идет» (м., 56 лет, охранник, Краснодар). Аналогично потребление информации из онлайн-источников часто определяется удобством доступа. «Топ» «Яндекс.Новостей» позволяет экономить усилия по поиску и чтению информации и быстро получить общее представление о ключевых событиях в стране и в мире. Как отмечает одна из наших информанток, «я обычно утром "Яндекс.Новости" читаю, что там кратко в стране творится, что в области творится» (ж., 43 года, работница музея, Черемушкин).

Именно по этой причине блокировка оппозиционных медиа правительством остается эффективной тактикой. Конечно, многие, в том числе и оправдывающие войну россияне, понимают, что государство цензурирует информацию, но, например, для использования VPN им часто просто не хватает интереса к новостям в заблокированных источниках. По признанию врача из Краснодара, он перестал читать «Медузу», так как «в последнее время она с VPN работает, ее заблокировали. Из-за таких сложностей редко захожу — надо заморочиться, найти VPN, включить. У меня чаще всего нет на это времени» (м., 26 лет, врач, Краснодар).

Помимо привычек и удобства, важным фактором, определяющим способы потребления информации, является влияние других людей — прежде всего близких и друзей. Мы снова обнаруживаем, что те, кто заявляет о полном недоверии теленовостям, на самом деле смотрят новости, когда их смотрят другие. «К бабушке приедешь — она новости смотрит, там можно все послушать, рассказывают. Там "Россия-1", там всегда новости передают», — рассказывает студентка из Улан-Удэ (ж., 25 лет, студентка и администратор клиники, Улан-Удэ). Или: «По телевизору — сейчас мы смотрим все, что включает Миша [муж]. Это я образно, потому что он больше с телевизором» (ж., 43 года, работница музея, Черемушкин).

Наконец, то, насколько релевантной кажется информация, тоже влияет на стратегии ее потребления. Представления журналистов о «новостной ценности» или о том, что заслуживает внимания, часто расходятся с прагматическими мотивациями людей, которые читают новости для того, чтобы понять, что происходит в их конкретном сообществе, найти темы для разговора с другими, планировать траты и так далее. Поэтому многие люди, особенно живущие в небольших, удаленных от столиц городах и не интересующиеся политикой, отдадут предпочтение небольшим местным СМИ. Работница музея из города Черемушкина рассказывает:

«У нас Вконтакте все — новости, группа городская, администрация там, группа “Черемушкин” просто. Там и сплетни можно почитать. Как и везде, “Подслушано в...” у всех есть» (ж., 43 года, работница музея, Черемушкин).

Наши собеседники признаются, что в целом доверяют местным изданиям. Им кажется, что освещение далекой войны сложно верифицировать, а освещение событий, происходящих рядом, — легко. Ведь в небольшом городе «ничего не соврешь, не утаишь, в своем городе ты все равно правду знаешь» (ж., 43 года, работница музея, Черемушкин).

Мы выяснили, какие факторы влияют на способы потребления информации не-противниками — но как выглядят сами эти способы? *Аполитичные россияне, оправдывающие войну, но не являющиеся ее убежденными сторонниками*, со временем еще больше отключаются от самостоятельного чтения новостей, считая, что главные новости они так или иначе получают от своих близких.

Информация из СМИ кажется им *бесполезной* — поскольку она или недостоверна, или не может повлиять на ход событий, или не касается их повседневной жизни. Работница культуры из Черемушкина признается, что не смотрит новости почти два года, так как «настолько все [информация о войне] отсыянное допускается до каких-то вещей [освещения в СМИ]. <...> Прямо точной информации, что там происходит, мы никогда не узнаем, никто никогда» (ж., 33 года, работница культурной сферы, Черемушкин). Для IT-специалиста из Краснодара бесполезность СМИ определяется тем, что они не дают ему каких-либо рычагов влияния на политику: «Для меня нет смысла следить за политическими событиями, потому что, будь они обнадеживающими или нет, я ничего не могу сделать» (м., 27 лет, IT-специалист, Краснодар). Многим же просто кажется, что информация о войне не касается их напрямую. Как объясняет актриса

самодеятельного театра из Черемушкина, «мне кажется, что здесь своя жизнь идет, а там [на войне] своя, совершенно отличная от того, что здесь» (ж., 50 лет, работница культурной сферы, Черемушкин).

Кроме того, информация из СМИ воспринимается ими как *травматичная* — она приносит негативные эмоции, с которыми не так просто справиться. Ощущение политического бессилия усугубляет эту травму. Для чтения травматичной информации о войне, по мнению далеких от политики не-противников, «надо иметь крепкое здоровье, иметь крепкую нервную систему» (ж., 51 год, работница сферы образования, Краснодар) — а в жизни и так «этот негатив, он постоянно присутствует» (ж., 29 лет, банковская работница в декрете, Новонекрасовск). По признанию работницы сферы продаж из Краснодара, чтение новостей о войне «выбивает меня настолько, что, когда я поняла, что это уже влияет на мою работу, то я начала это все дозировать» (ж., 57 лет, работница сферы продаж, Краснодар).

В результате далекие от политики оправдывающие войну россияне или ограничивают потребление информации; или отключаются от новостного потока, но продолжают получать новости от близких; или полностью отключаются от новостного потока. Все эти тенденции мы наблюдали спустя полгода-год с начала войны, но сейчас они только усилились.

Кроме того, по сравнению с первыми месяцами и даже первым годом войны, у информантов усиливается ощущение, что самые важные новости доберутся до них и без активного потребления новостей, — через близких и знакомых. Так, жительница Краснодара объясняет, что ее супруг «в курсе всего. Первое, что он делает утром, — он читает новости. Если что-то критичное будет, то мне есть, у кого спросить» (ж., 36 лет, профессия неизвестна, Краснодар). Это ощущение служит дополнительным аргументом в пользу того, почему регулярно следить за новостями в современном беспокойном мире совсем не обязательно.

Как и аполитичные, оправдывающие войну россияне, более политизированные, *убежденные сторонники войны* испытывают негативные эмоции, получая информацию о ней. Так, например, учительница из Новонекрасовска Тамара регулярно проверяет «топ» «Яндекс.Новостей», читает телеграм-каналы и иногда смотрит телевизор. Все эти новости, однако, только огорчают ее: «А так, конечно, угнетают эти всякие новости жуткие. И там по возможности, конечно, стараешься себя от этого оградить» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск). Но, в отличие от более аполитичных оправдывающих войну россиян, Тамара продолжает следить за новостями о войне через силу, «потому что надо

же все равно как-то поддерживать вот эту всю идеологию мужества» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Новонекрасовск). Под «идеологией мужества» она имеет в виду необходимость поддерживать российское государство и армию в условиях войны. Иначе говоря, Тамара продолжает следить за неприятной информацией по политическим мотивам, совершая над собой усилие.

При общей исходной дилемме можно выделить две разные стратегии обращения с информацией, свойственные убежденным сторонникам войны: они или пытаются сопоставлять источники с разными позициями — прогосударственной и оппозиционной, или потребляют информацию преимущественно из прогосударственных источников, несмотря на осознание их предвзятости.

Сравнение информации из разных источников является для многих из них способом составить «целостную картину мира». Так, краснодарский политик локального уровня, считающий себя сторонником войны, утверждает, что читает как более или менее нейтральные СМИ («РБК», «Коммерсант»), так и прогосударственные СМИ («Известия»). Но при этом он также следит за некоторыми оппозиционными каналами в телеграмме и смотрит программу Екатерины Шульман:

«Я, например, с удовольствием смотрю Шульман Екатерину Михайловну. Это не означает, что я во всем с ней согласен. Но когда я смотрю ее программу “Статус по вторникам”, то я получаю определенную пищу для размышлений» (м., 39 лет, политик, Краснодар).

Поскольку у нас нет возможности каждый день наблюдать за потреблением новостей нашими информантами, мы не можем сказать, является ли сопоставление источников реальной практикой таких людей. В предыдущих аналитических [отчетах](#) мы предположили, что подобные высказывания демонстрируют скорее саму установку на недоверие к СМИ, чем реальную практику: некоторые наши собеседники были уверены в том, что подходят к информации критически, но тем не менее воспроизводили клише пропаганды.

Некоторые убежденные сторонники войны, как и год назад, отказываются пользоваться оппозиционными СМИ, несмотря на то, что не доверяют прогосударственным. Этот отказ часто провоцируется негативными эмоциями, которые появляются у них от столкновения с информацией, не соответствующей их взгляду на войну. Например, рассказывает учи-

тельница из Краснодара, раньше она старалась дополнять чтение «РИА Новости», RT и телеграм-каналов «военкоров» чтением новостей «Медузы», но потом перестала это делать:

«Я когда начинаю читать что-то такое сильно оппозиционное, мне прямо **надо даже иногда над собой усилие сделать**, чтобы дочитать что-то до конца, потому что я вижу бред через строчку. И я вижу **к себе** как к потребителю информации **пребрежительное отношение** вот в этой информации, потому что я понимаю, что здесь есть, безусловно, правда какая-то, в которую напихали столько всего, что я читаю просто, чтобы понимать. Но иногда мне просто надо усилие над собой сделать, чтобы дочитать какого-нибудь оппозиционного блогера или оппозиционное СМИ, что-нибудь на “Эхе” там, какую-нибудь статеечку или в “Медузе” там» (ж., 53 года, работница сферы образования, Краснодар).

Но неужели ощущение предвзятости в том числе прогосударственных медиа не мешает им потреблять информацию исключительно из них? Дело в том, что многие убежденные сторонники войны не верят в возможность некоего «объективного», «правильного» освещения событий: они считают, что любая сторона может рассказать только свою версию происходящего. Это убеждение позволяет им делать выбор в сторону той повестки, которая им близка. Как замечает одна из информанток,

«Я не могу сказать, что мне сложно встать на ту или другую сторону, потому что... **Я для себя приняла какую-то такую [сторону]** <...> Моя страна находится в военных действиях, но **все равно это моя страна, моя родина**. Я свое отношение к своей родине не поменяю» (ж., 57 лет, работница сферы продаж, Краснодар).

Иными словами, даже если информация из потребляемых ей источников будет ставить под вопрос легитимность действий России, ее патриотизм будет определять ее отношение к этой информации, а не наоборот.

***

Итак, уже в первый год войны мы стали замечать, что обилие противоречивой и неприятной информации о ней заставляло многих ее убежденных сторонников отказываться от чтения источников разной политической направленности (которое они практиковали в первые месяцы войны). Аполитичные же россияне, оправдывающие войну, стали и вовсе

дистанцироваться от новостей. В настоящем исследовании, проведенном спустя почти два года с начала вторжения, мы видим усиление этих тенденций.

Не-противники войны продолжают утверждать, что не доверяют СМИ и в первую очередь — телевидению. Обычные граждане, например, знакомые, живущие в Л/ДНР или воюющие на стороне России, кажутся им более достоверными источниками информации. Но, несмотря на то, что последние могут критиковать отдельные аспекты освещения войны в СМИ, они все-таки придерживаются — и распространяют — проправительственные взгляды. Кроме того, пусть и не доверяя медиа вообще и телевизору в частности, не-противники войны пользуются ими по привычке или из-за удобства: проверяют «топ» «Яндекс.Новостей», смотрят телевизор «фоном» или случайно, оказываясь у кого-то в гостях.

Региональный фокус нашего исследования помог нам увидеть популярность местных СМИ, особенно для далеких от политики не-противников войны: ведь местные источники рассказывают о том, что напрямую касается людей, и кажутся более достоверными, так как информацию из них можно проверить на личном опыте.

Не-противники войны продолжают отстраняться от потребления новостей о конфликте. Далеким от политики россиянам, оправдывающим войну, но не являющимся ее убежденными сторонниками, информация о войне кажется бесполезной (то есть не способной повлиять на ситуацию) и травматичной. В результате кто-то из них ограничивает потребление такой информации, а кто-то перестает потреблять ее вообще. Оправдывающие войну россияне еще сильнее, чем раньше, полагаются на способность своих близких сообщать им важные новости, если таковые будут появляться.

Некоторые из убежденных сторонников войны все еще утверждают, что стараются потреблять информацию из источников с разных сторон, другие же признаются, что отказались от этой практики и вернулись к чтению СМИ, близких им политически. Поскольку они уверены, что не бывает правильной и неправильной версии событий, и любая версия определяется политическими предпочтениями ее создателя, то они делают выбор в сторону той версии, которая близка их взгляду на происходящее.

2.3.2. Противники

Источники информации и медиа-репертуары

Из каких источников получают информацию противники войны? В отличие от не-противников, большинство из них полагаются на онлайн-источники и социальные медиа. Но так же как и не-противники, многие противники войны сокращают потребление новостей о конфликте, опираясь, например, на краткие сводки вместо того, чтобы читать полные новостные сюжеты. В таблице ниже собраны источники, которые читают, смотрят или слушают наши собеседники: как мы видим, среди них доминируют оппозиционные СМИ, а также телеграм-каналы и социальные сети оппозиционных фигур.

Российские прогосударственные издания	<i>РИА Новости</i>
Прогосударственные Telegram-каналы	<i>Александр Ходаковский, ВЧК-ОГПУ, Сыны Монархии, Александр Коц, Кирилл Федоров</i>
Социальные медиа российских прогосударственных фигур	<i>Стас Ай, Как Просто!, Артемий Лебедев</i>
Российские оппозиционные издания	<i>Медуза, Moscow Times, Новая Газета Европа</i>
Русскоязычные службы западных изданий	<i>Русская служба BBC</i>
Оппозиционные новостные Telegram-каналы	<i>ASTRA, Liberty People</i>
Социальные медиа российских оппозиционных фигур	<i>Юрий Дудь, Максим Кац, Алексей Навальный, Александр Штефанов, Михаил Ходорковский, Алексей Пивоваров, Дмитрий Колезев</i>
Правозащитники и правозащитные ресурсы	<i>Gulagu.net, Надежда Низовкина, Владимир Осечкин</i>

Российские деловые издания	<i>Коммерсант, РБК, Ведомости</i>
Местные СМИ / Telegram-каналы	<i>Бурятия-Онлайн, Люди Байкала</i>
Украинские издания	<i>УНИАН</i>

Со временем из медиа-репертуаров противников войны практически исчезли как прогосударственные СМИ, так и украинские издания: и те, и другие стали восприниматься противниками как пропагандистские, не несущие какой-то практической пользы. При этом противники войны признаются, что читают каналы «военкоров» и «Z-каналы»: конечно, эти каналы тоже кажутся им пропагандистскими, но при этом в них, по мнению информантов, можно найти ценную информацию, ведь их владельцы имеют доступ к передовой. Наконец, так же, как и не-противники, противники уделяют внимание местным СМИ и телеграм-каналам, которые освещают событие в конкретном регионе или городе.

Верить можно, но осторожно: (не)доверие СМИ

Как и не-противники, противники войны скептически относятся к СМИ. Разумеется, нас не удивляет, что последовательно критикующие войну россияне не доверяют телевидению. Это недоверие они распространяют и на другие официальные СМИ, например, газеты или онлайн-источники. Как отмечает студентка-магистрантка из Улан-Удэ, «пропагандистские [СМИ] — не выношу, вот эта ложь, лицемерие. Почитаешь, и у меня все кипит вообще. Ну, типа “у нас все хорошо, доходы выросли, все жируют, шикуют, зарплата 60 тысяч у нас”» (ж., 27 лет, студентка магистратуры, Улан-Удэ). Соответственно, считают противники войны, если такие медиа не предоставляют достоверную информацию, то и «слушать государственные [СМИ] нет никакого смысла» (м., 44 года, фрилансер, Краснодар). В тех редких случаях, когда информанты вообще упоминают украинские источники, они часто считают последние не менее пропагандистскими, чем прогосударственные российские источники. «Я читаю пару украинских пабликов, типа “УНИАН”, и еще какой-то шлак», — признается один из информантов (м., 34 года, директор частной фирмы, Краснодар).

По сравнению с не-противниками войны, ее противники ожидаемо выражают меньше скепсиса по отношению к оппозиционным СМИ. Но и к последним они относятся с долей недоверия и осторожности. Например,

предприниматель из Черемушкина часто смотрит канал Юрия Дудя, но отмечает, что в интервью последнего также хорошо видна определенная позиция:

«У него [Дудя] есть такая штука, что он по большому счету иногда на заданный вопрос насказывает какую-то определенную позицию, и как будто бы человека программирует на определенный тон. То есть, иногда вроде бы и спрашивает, но при этом человека в определенную сторону вот так вот — вжух — и завел» (м., 29 лет, предприниматель, Черемушкин).

Это недоверие также хорошо видно, например, в словах работницы сферы образования из Улан-Удэ:

«Я заметила, что те, которые независимые СМИ, они все равно преувеличивают, где-то добавляют, убавляют. У меня иногда родственники из других стран пишут: “Что у вас там происходит? Это действительно [так]?” А на самом деле это не так. И ты понимаешь, что и там, и там могут добавить отсебятину» (ж., 30 лет, работница сферы образования, Удург).

Тем не менее противники войны охотно признаются, что читают «всякие там “Медузы”, “ВВС”, что-нибудь такое» (ж., 67 лет, пенсионерка, Новонекрасовск), не всегда чувствуя необходимость делать оговорку о том, что СМИ доверять не стоит. Эти источники воспринимаются как более достоверные по сравнению со всеми остальными.

Наконец, в отличие от не-противников войны, ее противники не называют среди источников информации «значимых других» или знакомых, находящихся на фронте или проживающих в Л/ДНР. Дело, вероятно, в том, что (мы уже писали об этом в [предыдущем отчете](#)) многие противники войны считают своих оправдывающих войну близких «жертвами пропаганды» и, обычно сохраняя с ними отношения, стараются не обсуждать «политику». В этой ситуации даже видевшие войну своими глазами знакомые не могут выступать авторитетными источниками информации о войне — ведь у «жертв пропаганды» не может быть неподвзятого взгляда на происходящее.

«Мне этот формат нравится»: стратегии потребления информации

Как и в случае не-противников войны, внимание ее противников к политической информации определяется ее удобством, тем, что смотрят или читают родственники, а также тем, что рекомендуют или пересылают друзья. Например, работница сферы образования из Краснодара признается, что слушает подкасты ВВС, поскольку такой формат позволяет ей получать информацию, не выделяя отдельное время на чтение новостей:

«С 24 февраля 2022 года они [ВВС] делают ежедневные подкасты. Они, как правило, затрагивают все актуальное, связанное с войной и вообще все актуальное <...> То есть, мне этот формат нравится. Даже когда я работала, для меня это было важно — я утром встану, в наушниках еду, слушаю» (ж., 34 года, работница науки и образования, Краснодар).

Ключевую роль здесь играет удобство — вероятно, эта информантка потребляла бы меньше оппозиционной информации о войне, если бы та не была доступна в удобном для нее формате. Или еще один пример: блогер из Краснодара рассказывает, что смотрит программы Юрия Дудя, Ирины Шихман и Екатерины Гордеевой не столько из-за их оппозиционных взглядов, сколько из-за культурно-развлекательной составляющей их выпусков:

«Еще Дудя смотрю. Не все. **Мне просто нравится, когда он с музыкантами, с артистами какими-то** [делает выпуски]. Выборочно [смотрю] какие-то интервью у Гордеевой, Шихман, ее. Я смотрю именно актеров, артистов каких-то» (м., 44 года, фрилансер, Краснодар).

Не только прямое влияние СМИ, но также [непреднамеренный контакт с информацией через других](#) может формировать политическое знание и взгляды людей. Например, во время коллективного интервью с членами одной семьи в Улан-Удэ пенсионерка рассказывает, каким именно образом она пришла к неприятию войны:

«Иногда по утрам **мне дочка включает журналиста**. Как это? Максим Кац, Варламова — вот это смотрю. <...> Что там на Украине происходит, что в России. Я каждый раз уже верю, убеждаюсь, что <...> Путин очень неправильно повел себя. Как это так можно? Напасть вот так на Украину?!» (ж., 72 года, пенсионерка, Улан-Удэ).

Наконец, в дополнении к привычкам, удобству и роли других, на способы потребления информации противниками войны влияет актуальность информации для их повседневной жизни. Поэтому противники войны, точно так же как ее не-противники, часто отдают предпочтение региональным и городским, а не федеральным СМИ. Как объясняет уже упоминавшаяся выше работница сферы образования из Краснодара, она «подписана на какие-то местные телеграм-каналы в соцсетях, которые касаются жизни города и новостей. Мы оттуда больше узнаем» (ж., 34 года, работница науки и образования, Краснодар).

Выяснив, что именно определяет способы потребления информации противниками войны, мы можем перейти к следующему вопросу: а что, собственно, представляют собой эти способы?

Не слишком политизированные противники войны, как и ее не-противники, стараются сокращать потребление политических новостей, включая новости о конфликте. Значительная часть информации о войне кажется им *бесполезной*, поскольку она не касается их лично и сообществ вокруг них. Например, с большинством наших собеседников мы старались поговорить о мятеже Пригожина. Размышления на эту тему некоторых противников войны неотличимы от размышлений ее не-противников: зачем следить за такого рода новостями, объясняют они, если последние никак не влияют на наши жизни! Кроме того, информация о войне кажется им, даже в большей степени, чем не-противникам, *травматичной*. Это «страшные новости» (м., 41 год, слесарь, Новонекрасовск) — утверждают наши собеседники, и «психика уже не выдерживает это все слушать» (ж., 53 года, бухгалтер, Улан-Удэ). Наконец, некоторые наши собеседники — противники войны отказываются не только и не столько от потребления информации о войне вообще, сколько от чтения оппозиционных и антивоенных (!) источников. Замечая, что не только прогосударственные, но и оппозиционные источники во многом предвзяты, они испытывают раздражение:

«Я сначала очень сильно накачивался информацией от, типа, “Медузы”, “Moscow Times”. Просто я в какой-то момент понял, что у меня просто мозги, наверное, кипят, потому что **у них тоже своя повестка, они тоже** все время **с одной стороны это показывают. Я понял, что нафиг надо.** То есть просто у меня уже кипит, то есть это просто до психического расстройства, вплоть до того, что я где-то в огороде копаюсь и сам с собой разговариваю, сам себе что-то объясняю. <...> Или, допустим, я разговариваю в своей голове со своими родителями. То есть я им что-то объясняю. В какой-то момент думаю: “А зачем?”. Я

им не объясняю вживую, потому что это бессмысленно, но при этом я им пытаюсь доказать в голове у себя. С Нового года **я дистанцировался очень сильно от новостей**» (м., 44 года, фрилансер, Краснодар).

Показательно, что этот информант решает отказаться от потребления новостей из оппозиционных источников не потому, что он не согласен с их позицией (с которой он как раз согласен), но потому, что чрезмерная политизированность повестки заставляет его бесконечно думать о войне и испытывать психологический дискомфорт. Именно этот дискомфорт заставляет его обратить внимание на предвзятость — ему кажется, что его «накачивают» односторонней информацией.

В результате эта часть противников войны ограничивает потребление информации о конфликте или полностью отключается от новостного потока. Информанты сами сравнивают потребление новостей сейчас и ближе к началу войны и отмечают эти изменения:

«Тогда еще вот, когда только началось. То есть, в те моменты я была подписана на много каналов новостных. Причем старалась [выбирать] их с разными точками зрения, и на такие [подписывалась], и на вот такие. Потом мне это надоело, я поняла, что я начинаю паниковать, а мне это не надо. Я отписалась от большинства. Но, там, парочка осталось, вот там и листала новости» (ж., 31 год, врач, Новонекрасовск).

Для кого-то эти изменения были более радикальными, как для этой информантки:

«В последнее время я решила отключиться от всех новостных каналов, **я их все заблокировала, все их удалила**, потому что они **очень негативно на меня воздействуют**. Сразу становится очень депрессивно» (м., 41 год, работник транспортной сферы, Краснодар).

Как и не-противники, некоторые из противников уверены, что самые важные новости они так или иначе узнают от близких. Стоматолог из Новонекрасовска, оправдывая свое решение перестать следить за политическими новостями, объясняет: «Если что-то важное, [то] до меня дойдет, я узнаю, если что-то случится» (ж., 31 год, врач, Новонекрасовск).

Кое-кто из *более политизированных противников войны*, как и ее убежденные сторонники, старается потреблять информацию «с разных сторон», чтобы преодолеть предвзятость медиа, — впрочем, встречается такая стратегия совсем нечасто. Чаще политизированные противники войны признаются, что следят не за официальными прогосударственными СМИ, а за более радикальными источниками — «военкорами» или «Z-каналами», — которые, как кажется информантам, имеют привилегированный доступ к ситуации на фронте:

«Потому что информация важная появляется в “Z-публиках”. То есть тот же Fighterbomber [канал российского военного летчика в отставке] пишет, если какой-то летчик погиб, экипаж, значит, понятно, что что-то произошло. Тот же Кирилл Федоров [прогосударственный военный блоггер] постоянно пишет... Как я узнаю о прилетах в Краснодарском крае? Я каждое утро с 4 утра открываю канал Кирилла Федорова, выбираю последний пост и периодически обновляю. И там всегда в комментариях “А у нас в Сочи бахнуло”, условно. Вот оттуда можно брать всю информацию, ему подписчики пишут, которые из Сочи, из Краснодара, еще откуда-то» (м., 34 года, директор частной фирмы, Краснодар).

Как мы видим, несмотря на трансляцию совсем не симпатичных противникам войны взглядов, такие источники, в отличие от источников государственных, все-таки кажутся многим из них полезными. Политизированные противники войны чувствуют себя достаточно компетентными для того, чтобы отделить зерна от плевел, — фактическую информацию о происходящем на фронте от провоенных взглядов военкоров. В государственных же источниках, не сообщающих ничего, кроме пропагандистских клише, противники войны просто не находят ничего полезного, поэтому и не считают нужным тратить на них свое время.

***

В первые месяцы войны ее противники [были менее радикальны в вопросе недоверия к СМИ](#) по сравнению с оправдывающими войну россиянами: парадоксальным образом, о манипуляциях в СМИ в основном говорили сторонники войны, тогда как ее противники допускали возможность полагаться на авторитет качественных изданий. Спустя почти два года, с одной стороны, этот баланс сохранился — и сейчас противники войны доверяют СМИ чуть больше, чем ее не-противники. С другой стороны, со временем противники войны стали более недоверчивы: например, они признаются, что не только прогосударственные, но и оппозиционные

СМИ могут быть предвзяты. Кроме того, если в начале войны ее противники старались, пусть через силу, следить за «страшными» новостями, то сейчас многие из них отключаются от новостного потока или ограничивают его, не видя пользы в информации о конфликте и испытывая негативные эмоции от нее. Их огорчают не только пропагандистские новости из государственных источников, но репортажи оппозиционных, антивоенных медиа — последние как будто бы «бомбардируют» их плохими новостями, создавая ощущение предвзятости.

По сравнению с началом войны, прогосударственные и украинские источники практически исчезли из медиа-репертуаров противников — и те, и другие кажутся им бесполезной пропагандой. Если противники и следят за информацией со стороны оппонента, то делают они это через телеграм-каналы «военкоров» и «Z-каналы», которые имеют доступ к линии фронта и предоставляют больше «фактуры». Наконец, потребляя какую бы то ни было информацию, противники ориентируются на ее удобство, на свои привычки и на актуальность этой информации для их повседневной жизни — поэтому в их репертуарах мы видим не только федеральные медиа, но и небольшие региональные или городские СМИ.

2.3.3. Не-противники и противники: сравнение

Влияние СМИ считается одним из самых важных факторов, которые формируют как поддержку режимов в [автократиях в целом, так и отношение к режиму и войне в России](#). Устроено оно при этом гораздо сложнее, чем простое навязывание определенной картины мира доверчивым гражданам. В таком случае мы не могли бы объяснить, как в условиях насыщенного медиа-пространства, в котором люди имеют доступ к одинаковым источникам информации, одни оказываются критиками войны, а другие ее оправдывают. Различия в восприятии войны, конечно, являются результатом сложного пересечения разных факторов — стратегий пропаганды, общего отношения к СМИ в стране, политического вовлечения и взглядов, чувства политической агентности или беспомощности.

И противники войны, и ее не-противники во многом похожим образом потребляют информацию. [В начале войны](#) многие ее не-противники быстро отстранились от потока травматичных новостей, а противники, наоборот, старались преодолевать дискомфорт и следить за новостями — чтобы не забывать, что идет война и не позволять себе жить нормальной жизнью, когда другие страдают. Спустя два года эти различия почти сошли на нет: теперь многие россияне, вне зависимости от своего отношения к войне, стараются оградить себя от потока травматичных новостей

о ситуации, на которую они не могут повлиять. Уставая от конфликтов с лояльным большинством и чувствуя бессмысленность сопротивления, противники войны не отказываются от своих взглядов, но намеренно деполитизируются, стараясь жить «нормальной жизнью» (подробнее об этом мы пишем в главе 2.1.2).

Как среди противников войны, так и среди ее не-противников есть более и менее политизированные люди. Именно вторые отключаются от новостного потока из-за травматичности, бесполезности и предвзятости информации. Вне зависимости от своего отношения к войне они считают, что если случится что-то действительно важное, то они все равно об этом узнают. При этом они не перестают читать местные СМИ, поскольку последние рассказывают о том, что касается их напрямую. Более же политизированные россияне, как сторонники, так и противники войны, все еще стараются следить за новостями, преодолевая собственный дискомфорт. Впрочем, большинство наших информантов любых взглядов и степени политизированности предпочитают потреблять ту информацию, формат которой кажется им удобным, или к которой они привыкли, или которую потребляют их близкие.

При этом, конечно, противники войны и ее не-противники в чем-то по-разному относятся к потреблению новостей. Пусть обе группы не склонны, по их собственным словам, принимать за чистую монету информацию из СМИ, именно не-противники войны особенно категорично утверждают, что доверять СМИ нельзя ни при каких условиях. Скорее всего дело в том, что идея недоверия СМИ сама стала частью государственной пропаганды в России, — именно там мы постоянно слышим о «фейках», «дезинформации» и о том, как западные и оппозиционные СМИ обманывают доверчивых людей. Противники же войны, признавая предвзятость оппозиционных источников, могут в то же время признаваться, что полагаются на их авторитет. Парадоксальным образом, когда риторика недоверия становится инструментом пропаганды, недоверие к СМИ — по крайней мере, на словах — становится чертой скорее сторонников режима, а доверие — его противников.

Многие не интересующиеся политикой россияне, как противники войны, так и ее не-противники, не доверяя СМИ, полагаются на других людей как на источники информации о конфликте. Однако только для не-противников войны такими людьми выступают прежде всего родственники из Л/ДНР и воевавшие или воюющие знакомые с российской стороны. Поскольку последние, вероятнее всего, разделяют проправительственные взгляды не-противников, информация из их уст скорее подкрепляет эффекты государственной пропаганды.

Общее для противников войны и ее не-противников ощущение предвзятости СМИ может вести к противоположным действиям по отношению к источникам из «своего лагеря». Ощущая предвзятость и «сконструированность» как прогосударственной, так и оппозиционной повестки, убежденные сторонники войны часто делают вывод о том, что «объективного», «правильного» освещения событий не существует в принципе. В результате они выбирают ту повестку, которая им близка, — и потребляют информацию из прогосударственных источников, игнорируя альтернативные. Противники же войны, чувствуя заикленность «своих», оппозиционных источников на конфликте, могут отказаться от чтения таких источников, поскольку чрезмерная политизированность повестки заставляет их бесконечно думать о войне и испытывать психологический дискомфорт. В конечном счете, однако, и те, и другие стремятся адаптироваться к ситуации войны и научиться жить нормальной жизнью в не-нормальной реальности, которую они не выбрали, но которую они не в силах изменить.

2.4. Неопределенность настоящего и представления о будущем

Весной 2022 года многие в России ожидали, что «специоперация» завершится быстро. Однако вскоре стало понятно, что война — а вместе с ней и действие вступившего в силу в сентябре 2022 года указа о мобилизации — затягивается на неопределенный срок. Эта неопределенность подрывает уверенность в завтрашнем дне у многих россиян, в то время как ситуация продолжающейся войны ставит под угрозу и их собственное будущее, и будущее страны. В наших [первом](#) и [втором](#) аналитических отчетах мы уже писали о том, что противники и не-противники войны смотрят в будущее по-разному. В начале войны ее не-противники были более или менее оптимистично настроены в отношении того, как война отразится на России, в то время как ее противники готовились к худшему. Через полгода неопределенность стала самым гнетущим фактором и для тех, и для других. В то же время оправдывающие войну россияне — даже те из них, кто говорил о том, что им не нравится война — стали желать победы России, считая поражение возможным катализатором тяжелейших социальных и экономических последствий. Сейчас уже очевидно, что для большинства россиян, вне зависимости от их отношения к происходящему, затянувшаяся война стала неожиданностью, приведшей к переменам в их жизнях, которые было невозможно предугадать.

Как сегодня, спустя полтора года после начала войны, ее противники и не-противники справляются с неопределенностью? По-разному ли они видят будущее и планируют свою собственную жизнь? Наконец, как изменились их ожидания и видение будущего по сравнению с первым годом войны?

2.4.1. Не-противники

Планирование будущего за пределами «политики»

Не-противников войны можно условно разделить на три группы в зависимости от того, как они относятся к своему будущему. В первой группе будут те, кто в условиях неопределенности отказывается от планирования частной жизни и живет с ощущением, что каждый день все может измениться. Во второй группе — те, кто признает наличие обстоятельств, вносящих неопределенность в их жизнь и не поддающихся влиянию, но планирует свое будущее вопреки этому. Наконец, к третьей группе отно-

сятся те, кто игнорирует неопределенность и строит планы так, как будто войны нет. В этой группе находятся все убежденные сторонники войны: они меньше всего беспокоятся о будущем и увереннее всего строят планы, даже, казалось бы, несбыточные в текущей ситуации. При этом даже те, кто игнорирует неопределенность, особенно если это молодые мужчины, учитывают последствия войны (например, невозможность избежать срочной военной службы) в планировании карьеры.

Конечно, среди не-противников войны, как и среди ее противников, есть люди, которые, по их словам, никогда ничего не планировали. Однако большинство наших собеседников свое нежелание смотреть в будущее и планировать прямо или косвенно связывают с войной, как, например, хорошо иллюстрирует этот небольшой фрагмент из интервью:

Вопрос: А изменился ли вообще как-то горизонт планирования ваш за последние пару лет?

Ответ: Да. **Я стараюсь ни о чем не загадывать.**

Вопрос: Раньше такого не было?

Ответ: Раньше такого не было (ж., 57 лет, работница сферы продаж, Краснодар).

И те, кто строит планы вопреки неопределенности, и те, кто отказывается от планирования, говорят о неопределенности как о том, что имеет внешний источник и поэтому не поддается их контролю. Таким источником нашим собеседникам чаще всего кажется государство и его непредсказуемая политика. В качестве примеров они приводят не только эпизоды, непосредственно связанные с войной (такие, как «бунт» Пригожина), но и недавние государственные нововведения, например, повышение пенсионного возраста. Так, отвечая на вопрос о видении собственного будущего, строитель из Краснодара говорит:

«Честно говоря, я туда не смотрю просто. **Я всем говорю — прожить бы эти пять лет для начала.** Мне говорят некоторые: “Ты пенсию получаешь”. Я говорю: “**Да мне пенсию отодвигают уже третий раз,** мне бы дожить до той пенсии”. Сейчас надо до 65 доживать, а я пока до 65 буду жить, там уже с 70 надо будет до пенсии жить. Так что о каких пяти годах вы можете говорить? **Я планы не строю на свою жизнь — я строю на неделю, на месяц, пускай. Но на пять лет — это не может быть даже речи, тем более в нашей стране**» (м., 55 лет, строитель, Краснодар).

Некоторые из наших собеседников, оправдывающих войну, пытаются планировать *вопреки* неопределенности, в каком-то смысле сопротивляясь ей настолько, насколько это в их власти. Например, одна из информанток, дизайнер одежды из Краснодара, так описывает свою стратегию:

«Вообще без понятия [что будет в будущем]. Хотелось бы через пять лет, так как моя дочка собирается поступать в балетное училище, то хотелось бы через пять лет быть в Москве снова, помогать ей. Это такие планы. В общем, в планах работать и воспитывать детей. **А когда ты понимаешь, что ты на краю пропасти, то кажется, а будет ли все это?**»

Вопрос: Изменился ли горизонт планирования после... [начала СВО]

Ответ: Поначалу изменился, а потом все равно психика все вернула на место. И детей ты никуда не денешь, и они помогают держаться, вот именно психике на плаву. То есть все равно ты должна водить их в школу, давать образование. Даже вспомни всю эту литературу, в любые времена сложные, те, кто продолжал даже в те же девяностые, те, кто не ушел на рынок, а продолжал в науке работать или учиться, стараться, все равно потом оказалось, что: «Ой, ребята, а где вы? А мы вот». Они все равно потом понадобятся, все эти люди. **В общем, тупо, просто продолжаем учиться, работать и честно все делать, выполнять все, что можем. Такие планы**» (ж., 38 лет, дизайнер, Краснодар).

Для многих людей неопределенность стала новой, пусть пугающей, но нормой. Когда наши информанты говорят, что «так было всегда», и пытаются найти новые стратегии выживания (например, более краткосрочное планирование и планирование «вопреки») — они, по сути, стараются *нормализовать* неопределенность. Об одной из таких стратегий мы уже писали в нашем [предыдущем аналитическом отчете](#). Многие оправдывающие войну россияне говорили тогда о том, что санкции, наложенные на Россию, им не страшны, потому что у них уже есть опыт выживания в 1990-е. Нечто подобное мы увидели и в наших последних интервью. Вот как, например, пенсионерка из Краснодара отвечает на вопрос об уверенности в завтрашнем дне:

«Я всегда надеялась только на себя, во-первых. **Что касается политики, я понимаю, что я на нее никак влиять не могу, но я знаю, что я выживу в любой ситуации.** Надо будет — я пойду на войну, надо будет — я буду полы мыть, надо будет — я буду картошку сажать у себя в огороде, мне вообще по

барабану. Я знаю, что я выживу в любой ситуации. Потому что мы выжили уже в нескольких ситуациях. Когда вот 90-ые годы, я просто вспоминаю — у нас реально нечего было есть. Реально были вообще пустые прилавки!» (м., 59 лет, пенсионерка, Краснодар).

Таким образом, решения государства приносят в глазах оправдывающих войну россиян неопределенность в их жизни. Но есть ли какие-то аспекты будущего, возможно, никак не связанные с государством, над которыми россияне все еще ощущают контроль? Да: это самые разные аспекты частной жизни. Определенное будущее связано прежде всего с учебой и работой, детьми, покупкой или строительством жилья, с пенсией, внуками, досугом, в том числе — путешествиями. Для молодых мужчин одной из самых устойчивых точек определенности становится срочная служба в армии. Она воспринимается как неизбежная часть их жизни, и поэтому ее можно или пережить, или обратить себе на пользу (например, пойдя на фронт добровольцем или продолжив военную карьеру после). Вот как, например, рассуждает о своем будущем студент колледжа из Новонекрасовска:

«В первую очередь закончить обучение. [Через полгода] сходить в армию. Скорее всего сразу добровольцем. А после, в общую перспективу, если сказать — найти работу и уже жить гражданской жизнью. Ну, я делю для себя период до того, как я пойду в армию, и после» (м., 18 лет, студент колледжа, Новонекрасовск).

А другой студент колледжа, подрабатывающий в кафе в Черемушкине Свердловской области, объясняет: «У меня перспектива на службу. Я хочу получить звание, чтобы потом на пенсию уйти пораньше» (м., 21 год, студент колледжа, Черемушкин).

Интересно, что часть наших собеседников, отвечая на вопросы о том, как они видят свое будущее, вообще не упоминают войну, — это та самая третья группа в классификации выше. В этой же группе находятся все убежденные сторонники войны (но не только они). Они говорят о своих планах так, как будто никакой войны нет. У некоторых из них вообще нет ощущения, что их возможности каким-то образом ограничены — например, одна наша информантка планирует выставку своих картин во Франции, другая — жизнь где-нибудь в Норвегии в будущем. Важно, однако, понимать, что они вовсе не лишились способности видеть реальность вокруг — напротив, они видят эту реальность, опасаются ее, но *хотят надеяться*, что война никак не затронет их жизнь. Именно поэтому они активно убеждают других — и самих себя — в том, что это возможно:

Вопрос: А как вы видите свое будущее лет через пять-десять?

Ответ: Я искренне надеюсь, что я реально буду не здесь, а где-то за границей. **И все у меня будет прекрасно, все эти войны давно закончатся, совершенно никак меня не коснутся.**

Вопрос: А где, например, за границей?

Ответ: Желательно где-нибудь в Норвегии.

Вопрос: Вы туда хотите [поехать] по учебе, по работе, замуж?

Ответ: Сначала путешествовать, потом уже просто смотреть, куда лучше (ж., 23 года, безработная, Краснодар).

Таким образом, размышляя о личном будущем, не-противники войны стремятся отделить свою частную жизнь от больших политических событий. Те из них, кто говорит о неспособности (или утрате способности) планировать в связи с войной, не представляют, как и когда этот период неопределенности закончится. Другие строят личные планы вопреки неопределенности или даже игнорируя войну, пытаясь вернуть себе контроль над своей жизнью и иногда питают себя надеждами, что война пройдет для них без последствий.

В ожидании «стабильной стабильности» для страны

О будущем страны наши информанты, оправдывающие или поддерживающие войну, тоже размышляют по-разному. Часть из них не может вообразить будущего России в принципе. Другие представляют негативные сценарии будущего, связанные с ухудшением ситуации внутри страны из-за перехода конфликта в более острую фазу или из-за последствий войны. Наконец, третьи надеются на лучшее, связывая его в первую очередь с прекращением войны и возвращением к стабильности.

Как мы уже знаем, многие аполитичные оправдывающие войну россияне воспринимают государство, действия правительства и войну как события, которые находятся вне их контроля. Именно поэтому они испытывают сложности с тем, чтобы вообразить хоть какое-то будущее для страны. В [предыдущем отчете](#) мы уже писали, что со временем многие россияне стали воспринимать войну как своего рода природный катаклизм, как то, что происходит помимо их воли, и на что они не могут повлиять. Эта же установка сказывается на их рассуждениях о будущем России. Показательный диалог, например, состоялся у нашей исследовательницы с моло-

дым предпринимателем из Новонекрасовска, который, по собственному признанию, не интересуется политикой и не берется судить, кто прав, а кто виноват в войне:

Вопрос: А есть ли у вас представление о будущем города и края лет через пять?

Ответ: Вообще нет!

Вопрос: И страны?

Ответ: Нет. Это может вот так поменяться. Свое я вижу и я иду к этому. Страны — нет.

Вопрос: Ну, города тоже нет?

Ответ: Нет. **Если бы я мог влиять на это глобально, то да, я бы видел.** Сейчас нет (м., 29 лет, предприниматель, Новонекрасовск).

Поскольку война и политика для этих людей — это то, что «происходит», а не то, в чем можно участвовать, то государство оказывается источником неопределенности, а не стабильности. Иными словами, делегирование ответственности за войну политикам, о котором мы писали еще в [первом аналитическом отчете](#), делает будущее более непредсказуемым. Путин, который раньше представлялся гарантом определенности («Путин знает, что делает»), по этой же причине все чаще оказывается одним из главных двигателей неопределенности — ведь он может исчезнуть с политической сцены:

«Я не знаю [как закончится СВО]. **Это должны большие политики [решать].** Вообще, по идее, жить в мире надо. <...> Возможно, если бы были политики другие, то, может быть, как-то по-другому эта ситуация развивалась. Вот сейчас с Зеленским что-то случится, и на его место кто-то другой придет — как он будет делать? **Или, не дай бог, с Путиным что-то случится — как этот новый глава развернет, повернет?** Это вопрос сложный, мне кажется. Плюс мы же всей этой правды же не узнаем. Это от нас скрыто в любом случае» (ж., 38 лет, работница сферы образования, Удург).

Но многие не-противники войны все-таки представляют разнообразные сценарии будущего для своей страны. Негативные сценарии такого будущего связаны со страхом эскалации войны или возвращения в Россию недовольных военнотружущих. Часть этих сценариев — это, например, криминализация населения и экономический кризис. В каком-то смысле

самый главный страх тех, кто войну оправдывает — это продолжение войны в новом качестве, внутри страны или с привлечением новых внешних участников. А лучший позитивный сценарий — это окончание войны. Мы уже писали об этом парадоксе в [предыдущем аналитическом отчете](#), и спустя год он только усилился. Например, работница культуры из Черемушкина, в целом оправдывающая войну, в то же время рассуждает:

«И если произойдет какое-то глобальное столкновение, пределы какие-то, что-то, политические какие-то... У нас будет очередная разруха. И мы 100% начнем жить хуже, чем сейчас. **Поэтому хотелось бы, чтобы все побыстрее закончилось, и мы начали опять жить**» (ж., 33 года, работница культурной сферы, Черемушкин).

При этом не-противники войны, ожидаемо, более оптимистичны, чем ее противники, — пусть им и приходится совершать сознательное усилие, заставляя себя надеяться на лучшее. Это лучшее, и в отношении собственного будущего и будущего своих близких, и в отношении будущего страны в целом, связано в первую очередь с окончанием войны. При этом никто (!) из наших собеседников не может объяснить, как именно может закончиться война и какой именно должна быть «победа». «Окончание войны» — это словосочетание, не наполненное конкретным содержанием, но в то же время сигнализирующее о завершении периода неопределенности, после которого наступит, как выразилась одна из информанток, «стабильная стабильность» (ж., 51 год, работница сферы образования, Краснодар), и можно будет «начать опять жить» и строить планы (ж., 33 года, работница культурной сферы, Черемушкин).

Динамика представлений о будущем

В самом начале войны оправдывающие и поддерживающие ее россияне все еще могли рассуждать о будущем, в том числе будущем страны и возможных сценариях окончания конфликта. Со временем они потеряли способность представлять что-то *конкретное*. Они опасаются, что их ждет что-то похуже текущей войны, но в то же время надеются, что война — не важно как, но закончится, и все вернется на круги своя. Тогда они, наконец, смогут размышлять о самых разных сценариях развития событий, а пока они пытаются настолько, насколько возможно, совладать с неопределенностью.

Еще одно важное изменение в восприятии будущего оправдывающими войну россиянами состоит в несвойственном им в первое время взгляде на государство — и Путина — как на источник неопределенности. Со

временем война стала мыслиться многими ее не-противниками как стихийное бедствие, но именно государство в их представлении должно было «навести порядок» и выиграть ее. Сейчас же само государство становится для них источником нестабильности, в первую очередь потому, что его главный гарант — президент России Владимир Путин — уже не кажется вечным. Наши информанты все еще надеются, что «они», то есть политики во главе с Путиным, «знают, что делают». Но эта надежда существует с ощущением «мы не знаем, что происходит». И если в этой ситуации те, кто находятся у власти, потеряют свои позиции, будущее страны и ее граждан станет еще более туманным.

***

Неопределенность, которую война внесла в жизни обычных россиян, до сих пор является одной из главных проблем для тех, кто оправдывает или поддерживает «СВО». Не-противники войны по-разному взаимодействуют с этой неопределенностью: нормализуют ее («так было всегда»), игнорируют или пытаются планировать свою жизнь вопреки ей.

Размышляя о будущем, не-противники войны стремятся отделить свою частную жизнь, различные аспекты которой, в первую очередь, связанные с семьей, поддаются планированию, от больших политических событий. Для молодых мужчин одной из самых устойчивых точек определенности становится срочная служба в армии. Она воспринимается как неизбежная часть их жизни, которую они вынуждены так или иначе вписывать в свою будущую траекторию.

В отличие от личного будущего, которое, по крайней мере, в глазах наиболее оптимистичных не-противников войны, можно контролировать, будущее страны кажется им тем, на что повлиять невозможно. Государство и, главное, Путин, которые в начале войны были пусть и недостижимыми, но все же источниками стабильности и давали надежду на разрешение конфликта, через полтора года превратились даже в глазах не-противников войны в еще один источник неопределенности.

Соответственно, не-противники войны утратили способность представлять какое-то конкретное будущее для своей страны. В предыдущем аналитическом отчете мы показали, что самый главный страх тех, кто войну оправдывает, — это проигрыш России, ведущий к внутреннему кризису, или продолжение войны в новом качестве, внутри страны или с привлечением новых внешних участников. Однако со временем даже негативные сценарии утратили какие-то конкретные черты. Лучшим сценарием развития событий оправдывающим и поддерживающим войну россиянам

спустя почти два года после ее начала кажется просто прекращение войны и вместе с ней — неопределенности. То, как именно должна закончиться война, наши информанты представляют с трудом. Самое главное для них — это чтобы в результате жизнь обычных людей могла продолжиться так, как будто бы войны и не было вовсе.

2.4.2. Противники

Личное — это политическое

Многие уехавшие в 2022 году из страны антивоенные россияне вернулись обратно. Другие остались за рубежом на неопределенное время. Большинство же противников войны и не пытались эмигрировать, предпочтя интеграцию в новую реальность России военного времени, изоляцию от нее в антивоенных сообществах, борьбу с ней или так называемую «внутреннюю эмиграцию» (см. раздел 2.1.2). Ощущение того, что война — это надолго, особенно сильно влияет на ее противников, затрудняя для них возможности планировать собственное будущее.

Рассуждая о личных планах, противники войны отталкиваются от своей — чаще пессимистичной — оценки перспектив мира с Украиной и политической обстановки в России. Например, одна из жительниц Улан-Удэ объясняет:

«К большому сожалению, **сейчас** невозможно ничего планировать. Даже на ближайшие месяцы страшно планировать. Если **раньше мы планировали какие-то поездки, какие-то покупки**, какие-то у нас были планы, что-то такое, **то сейчас это просто...** Я сама сталкиваюсь с тем, что, запланировав что-то конкретное, мне приходится полностью менять свои планы. Сейчас такая неопределенность, как это страшно ни звучало, но сейчас в нашей стране что-то планировать страшно, невозможно» (ж., 43 года, врач, Улан-Удэ).

Невозможность планировать поездки, вероятно, связана с международными санкциями (страны ЕС, граничащие с Россией, запретили въезд россиянам по туристическим визам) и рисками закрытых границ со стороны России. Страх планирования покупок (скорее всего, крупных) связан с экономической нестабильностью, в которую может погрузиться страна во время войны. Несмотря на то, что в приведенном выше высказывании отсутствует упоминание войны, многократное повторение

слова «сейчас» в сравнении с тем, как было «раньше», указывает на то, что трудности в планировании личной жизни связаны именно с военным временем.

Предсказуемо, противники-мужчины отказываются от планирования будущего из-за угрозы мобилизации. В то время как некоторые из них рассматривают возможность спонтанного переезда, другие говорят лишь об ощущении беспомощности и тревожного ожидания:

«Напряжение висит, что будет дальше, и чем это все закончится. **Страшно за себя**, за детей, что будет дальше. **Объявят мобилизацию всеобщую** или что-то еще. Или это все закончится в скором времени, или что-нибудь другое начнется. Поэтому, как говорится, **стабильности нет**. Поэтому **очень тяжело**» (м., 41 год, слесарь, Новонекрасовск).

Однажды, когда исследовательница во время интервью задала привычный вопрос о планах на ближайшие 5-10 лет, ее собеседник иронично ответил: «Через 5-10 дней!» А потом рассказал анекдот: «При собеседовании на приеме на работу: “Скажите, кем вы видите себя в нашей компании через пять дней?” — “Дней?!” — “Ну, время такое”» (м., 46 лет, советник директора частной компании, Краснодар).

Политическая неопределенность приводит противников войны к мысли о невозможности уверенно смотреть в будущее. Быть готовыми кардинально поменять свою жизнь и при этом не строить долгосрочных планов — вот доминирующая установка противников войны. Причем они размышляют над этой установкой, метафорически рисуя в разговорах с нами картину личного и общественного паралича, вызванного военной «шоковой заморозкой», как выразился один из наших информантов (ж., 43 года, врач, Улан-Удэ).

Тем не менее не для всех наших собеседников неопределенность будущего затрудняет саму возможность строить планы. Более политизированные информанты размышляют о перспективах эмиграции. Например, студентка-магистрантка из Улан-Удэ, противница войны с опытом оппозиционного активизма, считает антивоенные протесты бесперспективными, к тому же сопряженными с высокими рисками. В этом контексте она обдумывает и свою эмиграцию, отмечая, что находящимся за рубежом легче оставаться политически активными:

«**Я хочу уехать отсюда**, чтобы воспоминаний не было. Что я сделаю? **Я ничего не сделаю**. Все равно могут посадить, штрафы мне выпишут. И что, кто меня поддержит? Никто меня не поддержит. <...> Мне очень нравится Владимир Осечкин, Гулагу.Нет, правозащитная организация. Правда, он за рубежом. Видите? **Можно только за рубежом заниматься. А вот здесь — нет**» (ж., 27 лет, студентка магистратуры, Улан-Удэ).

Молодые мужчины, противники войны, часто рассуждают об эмиграции в связи с риском начала новой волны мобилизации. Однако, несмотря на готовность к действию, и они смотрят в будущее с пессимизмом — ведь такая эмиграция будет являться вынужденной и может оказаться неудачной:

«Я думаю, что если вторая волна начинается, **я уже... Я, конечно, понимаю, что, скорее всего, это будет, может быть, даже какой-то суперопасный шаг и провальный**. Потому что многие, кто уезжает вот так вот, они же себя там не находят. И есть большая вероятность того, что мы там тоже себя не найдем» (м., 29 лет, предприниматель, Черемушкин).

Наши собеседники также признаются, что рассматривают эмиграцию из-за опасений полной изоляции страны, подобно Северной Корее, и рисков репрессий против них лично.

Показательно, что некоторые противники войны, как и ее не-противники, рассуждают о неопределенности будущего (вплоть до перспективы ядерного удара), и одновременно с этим строят семейные и профессиональные планы: родить ребенка, открыть бизнес и так далее. Многие противники войны выбирают, как выразился один из наших информантов, «приспособливаться» (м., 50 лет, профессия неизвестна, Черемушкин).

Вне зависимости от того, какими именно стратегиями на будущее делятся наши собеседники-противники войны, они всегда мыслят свою собственную жизнь в связке с войной и нестабильной политической ситуацией. Это характерная черта мышления противников войны, которые, как мы показывали ранее (см. раздел 2.2.2), склонны осмыслять и личный опыт, и социальные проблемы через призму политики.

Окончание войны (и путинизма)

Пусть противники войны по определению желают прекращения военных действий, мало кто из них верит в скорый мир. Более того, придерживаясь по большей степени оппозиционных взглядов, противники почти не говорят о возможностях демократизации в России. Представления противников о будущем страны довольно далеки от образа «прекрасной России будущего» — мирной и демократической страны.

Размышляя о реалистичных перспективах войны, ее противники ожидают перехода конфликта в «вялотекущий» формат (ж., 27 лет, студентка магистратуры, Улан-Удэ). Даже те, кто верит в возможность примирения России и Украины в будущем, говорят об этом без оптимизма. Например, мать-одиночка, вдова бойца ЧВК «Вагнер» (муж которой добровольно ушел на войну из тюрьмы, о чем она узнала только постфактум — и, разумеется, не одобрила), оставшаяся без государственной поддержки, делится своими мыслями об окончании войны:

«В итоге все равно найдут какой-то компромисс, договорняк какой-то будет. А мы опять будем никому не нужны — вдовы, погибшие парни. Ну, как Чеченская война, Афганистан — так и будет» (ж., 27 лет, студентка магистратуры, Улан-Удэ).

Другие информанты указывают на то, что у войны будут долгоиграющие внутренние последствия, и даже сравнивают послевоенное время с 1990-ми:

Информантка-1: Вообще никчемная война эта, вообще ужас какой-то!

Информантка-2: Вернутся эти мобилизованные, очень много уголовников.

Информантка-1: Сколько уголовников, ну!

Информантка-2: И даже начнет процветать эта преступность, криминал. Так не хочется, чтобы ребенок рос со всем этим. Он тоже рос в 90-е, тогда тоже была эта преступность (ж., 72 года, пенсионерка и ее дочь, около 40 лет, Улан-Удэ).

Примечательно, что детальнее всего описывают послевоенное политико-административное устройство страны наши собеседники из Краснодарского края — что может быть как случайностью, ведь наша выборка не репрезентативна, так и следствием того факта, что они живут в непосредственной близости от территорий, за обладание которыми идут боевые

действия. Так, некоторые из них ожидают, что по Крыму будут вестись тяжбы, Л/ДНР станут независимыми, а так называемые «новые территории» — Херсонская и Запорожская области — вернуться в Украину (м., 34 года, журналист, Новонекрасовск) или станут предметом переговоров с непредопределенным исходом (м., 46 лет, советник директора частной компании, Краснодар).

Так или иначе, большинство противников считают, что окончание войны возможно лишь с окончанием путинизма — ведь Путин не пойдет на мирные переговоры:

«Просто, если дальше все будет разворачиваться не очень хорошо, наступит какой-то такой момент, когда кто-то что-то перевернет, и получится какая-то определенная смена власти. Мне кажется, это больше вероятный исход. Вот так вот. Потому что заднюю не дадут. На мирные переговоры, скорее всего, тоже не пойдут» (м., 29 лет, предприниматель, Черемушкин).

Однако и окончание президентства Путина в глазах противников войны не приведет автоматически к быстрым переменам к лучшему. Так, например, строитель из Черемушкина представляет, что президент может смениться довольно скоро, однако ощутимые положительные перемены произойдут не раньше, чем его (информанта) маленькая дочь станет взрослой женщиной:

«**Ничего не поменяется.** Даже если представим, что завтра поменяется президент, то все равно еще два-три года... <...> через 20, 30 лет, когда мне будет уже 60, а [дочери] Алисе будет под 30, то она весь свой осознанный возраст будет в этой каше вариться» (м., 42 года, строитель, Черемушкин).

Некоторые противники войны к тому же не слишком оптимистично оценивают не только быстроту, но и саму возможность перемен к лучшему после ухода Путина. Как и более аполитичные не-противники, противники войны могут сомневаться в том, что к власти способен прийти кто-то намного лучше Путина:

«Какого человека поставят еще... <...> Ну, все говорят, что даже если Путин сам уйдет и что-то сделает, и, может, ну, все равно, говорят же, со своего окружения поставят людей» (ж., 72 года, пенсионерка, Улан-Удэ).

Впрочем, если не-противники войны обычно предполагают, что «люди из окружения Путина» могут оказаться хуже самого Путина, и поэтому пусть уж все останется как есть, ее противники, безусловно, все равно желают этих перемен, хотя и не верят в то, что они произойдут быстро и безболезненно.

Таким образом, скорейшее окончание войны и смена власти являются желаемыми сценариями будущего для противников войны. Эти сценарии, однако, не кажутся им реалистичными. Они ожидают затягивания как военного конфликта, так и путинского правления. Но даже когда и то, и другое закончится, считают противники войны, обществу предстоит проделать долгий путь, чтобы добиться настоящих перемен к лучшему.

Динамика представлений о будущем

В первые месяцы после начала полномасштабного вторжения мы проводили [интервью](#) с противниками войны, ее сторонниками и неопределившимися в своем отношении к ней, разговаривая в том числе об их представлениях о будущем. Эти представления описаны в нашем [первом аналитическом отчете](#). Уже тогда противники войны не верили в скорые изменения к лучшему, хоть и мечтали о них. Изменилось ли что-то с тех пор?

«Противники войны, — писали мы в нашем первом аналитическом отчете, — это те, для кого война стала экзистенциальной угрозой. Вся их жизнь оказалась под вопросом — и под ударом». С одной стороны, это актуально и сейчас: противники по-прежнему не могут полноценно планировать жизнь и находятся в режиме выживания и приспособления. С другой стороны, то, что в первые месяцы войны переживалось как нечто из ряда вон выходящее и, возможно, временное, сегодня уже кажется им «новой нормой». Конечно, немногие научились строить личные планы в обстоятельствах неопределенности, зато многие привыкли жить, ничего не планируя надолго.

В начале войны ее противники тяжело переживали ухудшение экономической ситуации — первые последствия западных санкций и закрытых границ. Им казалось, что в будущем ситуация может стать еще страшнее. Эти ожидания не оправдались спустя полтора года: российская экономика сумела стабилизироваться, и у противников войны появились новые страхи. Поэтому в размышлениях противников войны о будущем больше не звучат экономические тревоги — зато они боятся полной изоляции по северокорейскому сценарию, новой, более масштабной волны мобилизации или даже ядерной войны.

Противники войны не мыслят свое личное будущее в отрыве от политической ситуации в стране. Затянувшаяся война, которая непонятно чем закончится, лишает их возможности строить планы на будущее — и они привыкают жить в режиме краткосрочного планирования. Многие и вовсе чувствуют себя парализованными, тогда как другие размышляют о возможных кардинальных переменах в жизни, например, эмиграции. Впрочем, даже те, кто думает об эмиграции, представляют ее как меньшее из зол, чувствуя, что в новой стране им придется непросто.

Больше всего противники войны, конечно, желают ее окончания. Но они как будто потеряли возможность мечтать об этом: они не представляют позитивных сценариев окончания войны и не верят в возможность прекрасного будущего для России, по крайней мере, в перспективе ближайших лет. Они не говорят о том, каким могло бы быть это будущее (пусть не скорое) — вместо этого они размышляют о негативных вариантах развития событий, например, тяжелых последствиях войны для общества или замене Путина на кого-то из его окружения. Иначе говоря, пессимизм первых месяцев войны никуда не делся для ее противников, просто они научились с ним жить.

2.4.3. Не-противники и противники: сравнение

Ни противники войны, ни оправдывающие и поддерживающие войну россияне больше не надеются на ее скорое окончание. И те, и другие выработали различные стратегии для того, чтобы продолжать жить в состоянии неопределенности. Общей для обеих групп стратегией является «планирование вопреки» — попытка жить «нормальной жизнью» настолько, насколько это возможно, сконцентрировавшись в первую очередь на заботе о семье, работе и детях. Однако и противники, и не-противники войны живут с ощущением «отложенной» жизни, в ожидании, что период неопределенности, связанный с войной, наконец завершится, и тогда можно будет опять начать жить по-настоящему.

При этом противники войны и те, кто ее оправдывает, по-разному связывают свое собственное будущее с войной. Война присутствует в жизни ее противников гораздо более явно: она не только вносит неопределенность, но и подталкивает к решениям, которые не хочется принимать (например, к вынужденной эмиграции). Оправдывающие и поддерживающие войну россияне также страдают из-за неопределенности, но по крайней мере часть из них способна отстраняться от войны и говорить о личном

будущем в отрыве от будущего политического. В этом контексте важно отметить, насколько по-разному противники войны и ее не-противники воспринимают возможность новой мобилизации или необходимость проходить срочную военную службу. Для противников и то, и другое неприемлемо и поэтому вносит еще большую неопределенность в их жизнь. Не-противники же стали воспринимать службу в армии как неизбежную часть их жизни, которую, по возможности, нужно использовать в свою пользу или хотя бы просто пережить.

Противники войны смотрят на будущее России пессимистично: они считают, что даже если война закончится, ее последствия для страны уже необратимы. Не-противники оценивают будущее более оптимистично — но и более оторванно от реальности. Можно предположить, что оправдывающие и поддерживающие войну россияне совершают сознательное усилие, заставляя себя надеяться на лучшее. Некоторые из них также опасаются негативных последствий войны, а один из самых больших их страхов связан с тем, что война не закончится, а перейдет в новую стадию. Одновременно они хотят верить в то, что война пройдет, как будто бы ее и не было вовсе. И будущее будет таким же, какой была жизнь до войны, — с планами, путешествиями и стабильностью.

Наконец, противники войны и те, кто войну оправдывают, по-разному относятся к возможности смены режима и/или ухода Путина с поста президента. Противники войны желают смены власти, пусть и не веря в то, что она обязательно принесет положительные последствия; для не-противников же смена власти — это еще один фактор, который только усилит неопределенность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нам часто приходится отвечать на вопросы о состоянии российского общества военного времени и отношении россиян к войне. Чем больше времени проходит с начала войны, тем больше рядовых граждан оказываются на фронте и погибают — не возмущает ли это россиян, не становятся ли они по-настоящему недовольны происходящим? Оставшиеся в тылу семьи мобилизованных и контрактников получают значительные, особенно по меркам небольших городов, суммы денег (зарплаты или «гробовые») — делает ли это их более лояльными войне? Жители приграничных российских территорий все чаще попадают под обстрелы — настраивает ли это общество против ведущего войну российского государства? Или, наоборот, против Украины? А может быть, жители России настолько привыкли к происходящему, что им давно все равно?

В публичных дискуссиях о России до сих пор встречаются два очень разных ее образа. С одной стороны, Россию последних лет часто представляют как мобилизованное, стремительно идеологизирующееся общество с фашистскими и милитаристскими чертами. Ее граждане якобы готовы ходить строем и поддерживать любые решения власти. С другой стороны, Россию часто считают особенно цинично-апатичным обществом, члены которого равнодушно смотрят на чужое горе и не интересуются ничем, кроме собственного благополучия.

Чтобы разобраться в том, что же на самом деле происходит с российским обществом военного времени, осенью 2023 года мы отправились в исследовательские поездки в три российских региона — Свердловскую область, Краснодарский край и Республику Бурятия. На месяц три наших исследовательницы стали частью сообществ этих регионов. Ведя этнографическое исследование, они наблюдали за тем, как люди говорят о войне, и как она отражается на жизни городов и сел. В дополнение исследовательницы записывали социологические интервью с местными жителями. В результате в нашем распоряжении оказалось три подробных дневника наблюдения (больше чем 100 000 слов в каждом) и 75 глубинных интервью. Нам удалось собрать по-настоящему уникальные данные, которые дают представление о том, что люди говорят и думают о войне в повседневных ситуациях, а не только когда отвечают на вопросы исследователей.

И что же — каким показало себя российское общество: милитаризованным и мобилизованным или цинично-апатичным? Разумеется, оба представления неверны.

Когда мы готовили этот текст, мы попросили каждую из трех исследовательниц, побывавших в трех российских регионах, подобрать цитату из своих материалов, отражающую самую главную особенность наблюдаемой ими реальности. Исследовательница, посетившая город Черемушкин Свердловской области, прислала: «Если бы не похороны, о войне бы и не вспоминали». Исследовательница, вернувшаяся из Республики Бурятия, предложила: «У нас сейчас как будто нет войны». Исследовательница, побывавшая в Краснодарском крае, выбрала: «Конкретно нас война не затронула, но страх присутствует».

Эти три цитаты имеют не одно, а два сходства. Война в них представляется как нечто не стоящее внимания, незначимое, не интересное простым гражданам. Но в каждой из цитат одновременно есть намек на то, что реальность войны сопротивляется желанию ее не замечать, влияет на жизни и переживания россиян («если бы» не похороны, «как будто» нет войны, «но страх присутствует»).

В российском обществе военного времени существует две *разнонаправленные* тенденции, которые в то же время *усиливают* друг друга. Напряжение между ними во многом определяет восприятие «спецоперации» спустя почти два года после ее начала. С одной стороны, прежняя экстраординарность войны как события уступает место ее опривычиванию: война постепенно превращается в нечто обыкновенное, еще одну непримечательную часть окружающего мира. В каком-то смысле многие жители России сопротивляются как попыткам Кремля сделать обычных граждан своими идеологическими сторонниками, так и попыткам антивоенной либеральной оппозиции заставить общество активно переживать вину и бороться. С другой стороны, война постоянно напоминает о себе, создавая для россиян новые угрозы, новые тревоги и новые поводы для недовольства.

«У нас сейчас как будто нет войны»

Эта фраза стала лейтмотивом нашего этнографического исследования в российских регионах. Неудивительно, что в тексте этого отчета собрано множество свидетельств того, как война постепенно перестает быть чем-то экстраординарным и вытесняется на периферию внимания россиян.

Так, война исчезает из публичного пространства российских населенных пунктов. Количество провоенной (а тем более, антивоенной) символики сокращается, войну не обсуждают в общественных местах и, за редкими исключениями, в местных интернет-сообществах. Люди не только боятся

высказать неуютное мнение и столкнуться с последствиями, но и ощущают неуместность подобных разговоров. Эту неуместность чувствовали и наши исследовательницы, когда пытались заговорить с людьми о войне.

На примере культурной жизни разных городов и сел хорошо видно, что война не становится источником новых идей и не наполняет культурные события новыми смыслами. Напротив, она встраивается в привычные, обкатанные форматы этой культурной жизни. Содержание красующихся на афишах и звучащих со сцены лозунгов редко оказывается по-настоящему провоенным — или вообще связанным с войной. Вспомним одно из мероприятий в бурятском селе Удург: выступающий на нем чиновник активно использовал лозунг, родившийся в связи с военными действиями России в Украине («буряты не бегут»), но наполнял его повседневным, мирным содержанием — буряты не сдаются и добиваются успеха в своих начинаниях. А открывающим номером концерта с говорящим названием «СВОих не бросаем» в городе Черемушкине Свердловской области стала песня «С днем рождения» — просто потому, что в одной из строчек ее припева говорилось: «Ты достанешь свою звезду, наслаждаясь заветной побе-е-е-е-е-е-едой» (иными словами, тот факт, что речь явно шла о личном достижении именинника и не имела никакого отношения к военной победе, не смущал организаторов концерта). Идеологизированные мероприятия, подобные молебнам «за воинов» отца Константина в Черемушкине или лекции Дениса Абраменко в Краснодаре, собирали узкую, специфическую аудиторию.

Различные виды военного волонтерства и коллективной помощи фронту, существующие в российском обществе военного времени, обычно упоминаются комментаторами как пример мобилизации общества — мол, многие россияне не просто мысленно поддерживают войну, а еще и инвестируют в нее свои труд и время. Однако разговоры с волонтерами, а в особенности, наблюдение за их деятельностью, показывают, что ими движет не уверенная поддержка «спецоперации», а совсем другие мотивы. Для кого-то, например, волонтерство — это способ помочь близким, оказавшимся на передовой; кто-то таким образом пытается почувствовать контроль над происходящим, справиться с бессилием; многих привлекают эмоции от работы плечом к плечу над «важным делом»; а кто-то, особенно в маленьких, плотных сообществах, не может отказаться от участия, поскольку отказ станет нарушением социальной нормы и выражением несогласия с большинством. Мы встречали самые неожиданные мотивы участия в волонтерской деятельности — например, одна наша собеседница привела маму плести маскировочные сети, объяснив, что пожилой маме «будет полезна такая работа пальцами». Во время ра-

боты волонтеры не обсуждают войну и политику, а говорят о том, что им близко и понятно: о ценах, пенсиях, семьях, сюжетах, связанных с жизнью самих волонтерских центров.

В спонтанных, естественных разговорах друг с другом (а не в ответах на вопросы исследователей) россияне в целом редко обсуждают цели и причины, преступность или оправданность войны как события. Людей больше волнует влияние войны на их повседневную жизнь. Говоря о войне, они в основном говорят о том, что обсуждали и в довоенное время: бытовые сложности (некоторые товары пропали с прилавков, ближайший аэропорт закрыт уже полтора года), деньги и мораль (цены выросли, муж погиб — а вдова тут же купила машину на его «гробовые»), отношения (муж уехал на войну, а жена побежала к другому). Мужчины чаще обсуждают темы, которые в обществе считаются «мужскими», например, техническую сторону войны, а женщины обычно говорят на «женские» темы, например, о том, как война разрушает семьи. То, о чем *не* говорят россияне — это о том, кто именно ответственен за эти изменения в их жизни. Государство, которое ведет войну, исчезает из общей картины, а сложности, с которыми люди сталкиваются в своей повседневной жизни из-за войны, не приводят к пересмотру их отношения к политическому режиму в России.

Вне зависимости от взгляда на войну многие россияне все с большим недоверием относятся к политическим новостям из самых разных источников — из-за их политизированности, идеологизированности (которая становится знаком «неправды») и сконцентрированности на войне. Вместо этого они доверяют местным СМИ: локальные проблемы и новости, освещаемые этими медиа, кажутся им более важными и актуальными.

Вообще люди с самым разным взглядом на войну, как аполитичные россияне без четкой позиции, так и, например, противники войны, не чувствуют себя в силе на что-то повлиять. Поэтому они все больше отстраняются от происходящего: сокращают потребление новостей и стараются жить «нормальной жизнью», не думая о войне. Они понимают, что не могут изменить политику государства, но над своей частной жизнью они сохраняют хотя бы какой-то контроль — и поэтому все больше погружаются в нее. Эта тенденция не уникальна для России военного времени — она свойственна большинству авторитарных режимов. Уже в первый год конфликта мы наблюдали такое отстранение от реальности войны со стороны аполитичных россиян, но сейчас и убежденные противники вторжения переживают нечто подобное. Устав от чувства бессилия и споров с лояльным властью большинством, они принимают новую реальность, не переставая при этом внутренне осуждать войну.

Когда не замечать происходящее не удастся — например, поступает известие о смерти близкого человека или осколки дрона падают на соседнюю улицу, — многие пытаются *нормализовать* эти события. Нормализовать на социологическом жаргоне означает с помощью ряда риторических приемов представить нечто экстраординарное в качестве обыкновенного, нормального. «Люди и на гражданке гибнут, я не считаю это великой катастрофой», — рассуждают, например, наши собеседники, а еще «дроны падают везде», «войны были всегда», и не о чем тут и говорить.

Несмотря на все эти сходства, в разных регионах война воспринимается немного по-разному. На особенности восприятия войны влияет, например, количество военных частей и колоний, откуда вербуют заключенных, близость к зоне боевых действий, благосостояние региона и наличие в нем достойных рабочих мест, плотность социальных связей, циркуляция новостей, передаваемых знакомыми с фронта и т.п. Иными словами, различия в восприятии войны определяются главным образом тем, что отличало особенности жизни в регионах и до вторжения в Украину.

Многие аполитичные россияне продолжают оправдывать войну — если, конечно, перед ними в принципе поставить вопрос об оправданности «спецоперации» (как мы помним, общаясь друг с другом в естественных ситуациях, многие люди этими вопросами просто не задаются). Однако, во-первых, конкретные аргументы-оправдания (война как ответ на угрозу НАТО, защита народа Донбасса, борьба с украинским фашизмом и т.п.) не имеют для многих из них первостепенного значения: иногда они могут обращаться к одному аргументу, иногда — к другому. Они не столько верят в эти пропагандистские идеи, сколько стараются в принципе оправдать действия России и, таким образом, сохранить собственное лицо, ведь они принимают обвинения, адресованные их стране, на свой счет. Во-вторых, не содержание, а форма этих аргументов не является чем-то принципиально новым: россияне и раньше похожим образом оправдывали другие непонятые и неприятные решения своего государства (скажем, разнообразные реформы), на которые они не могли повлиять, но с последствиями которых им приходилось иметь дело. Например: «власти лучше знают, что делают», или «так происходит везде», или вообще «начинать решать проблемы нужно с себя». Именно эта привычная логика оправдания стала позже применяться и к войне в Украине. Наконец, несмотря на то, что периодически россияне могут использовать идеологические штампы, оправдывая войну («это война русских против русских» и т.п.), такой язык является для них скорее «иностранным», чем «родным». Они живут не в мире имперских

идей Кремля, а в привычном мире национальных государств, в котором Украина остается чужим, другим государством, а украинцы — отдельным народом.

В первые месяцы войны российское общество разделилось на разные лагеря, между представителями которых регулярно случались конфликты. Линии этих конфликтов могли проходить внутри семей, романтических пар, дружеских компаний. Уже спустя полгода россияне стали избегать обсуждений войны друг с другом, чтобы не конфликтовать и сохранить отношения. Несмотря на это, внутренние разногласия между близкими людьми только усиливались. Сейчас мы наблюдаем новую тенденцию. Оправдывающие войну россияне становятся более критичными и все больше сомневаются в официальных объяснениях конфликта, в то время как некоторые убежденные противники войны становятся менее догматичными и начинают с пониманием относиться к рассуждениям и действиям тех, кто войну оправдывает. Совместный опыт проживания непростой ситуации внутри страны становится для многих россиян важнее различий во взглядах, ведь они понимают, что никто из них не может на нее повлиять. Это осознание дает новые основания для солидарности вопреки различиям во взглядах.

Это, однако, не приводит к росту сплоченности. Вместо того, чтобы спорить, люди замыкаются в себе, боясь делиться своими тревогами с близкими, ведь войну не принято обсуждать. Когда смерть приходит в семью, эта трагедия остается частной и ее не с кем разделить. «Такое ощущение, что война только в нашей семье», — регулярно жалуются жены мобилизованных, с которыми мы говорим в рамках другого исследовательского проекта. В то же время жители деревни Щебекино в Белгородской области безуспешно пытаются привлечь внимание россиян к своей судьбе: Щебекино — это Россия, кричат они в социальных сетях. Поскольку война, оказываясь вытесненной из публичной сферы, со временем стала переживаться как событие частной жизни, а не общая беда (или радость), то в конечном счете каждый остается с ней один на один.

Люди ощущают неопределенность своего будущего в связи с затянувшейся войной (подробнее об этом — ниже), но вырабатывают различные стратегии для того, чтобы справляться с этой неопределенностью и продолжать жить нормальной жизнью. Многие учатся планировать вопреки неопределенности, фокусируясь на том, что поддается контролю: работе, семье, друзьях. Кто-то же — в основном оправдывающие войну россияне — пытается нормализовать состояние неопределенности, убеждая себя, что раньше, например, в 90-е, было еще хуже.

Таким образом, война скорее «подвесила» общество, чем привела его к какому-то радикально новому состоянию. Она не превратила население России в своих убежденных сторонников и не произвела новые формы социальности. Если в первые месяцы войны многие россияне воспринимали ее как нечто экстраординарное, то со временем, чувствуя, что они не в силах повлиять на происходящее, люди начали отстраняться от военной реальности, стараться вести нормальную жизнь, попутно превращая войну в часть этой жизни. Несмотря на эти попытки, война не перестает вторгаться в жизнь россиян.

«Я буду реветь на всю глотку»

В Улан-Удэ несколько волонтеров мастерят носилки для бойцов на передовой и привычно болтают о работе, бытовых проблемах, семье. Антонина Петровна делится радостью — у одного из ее внуков завтра день рождения. И вдруг добавляет: «Восемь внуков у меня, все парни. А еще четыре умерли на фронте, так получилось».

В Черемушкине Свердловской области несколько приятельниц собрались на ужин дома у одной из них. Люда сегодня особенно разговорчива: она охотно болтает на разные темы, но разговоры о войне, которую она привычно оправдывает, ей неинтересны, «давайте только не о политике», — много раз предлагает она. Но когда кто-то заговаривает о мобилизации и контрактной службе, она вступает в разговор. Оказывается, что ее сын раздумывает о подписании контракта. «Я костыми лягу, но ты хуй куда пойдешь! — кричит Люда, пугая своих подруг. — Я вся трясусь. Я буду реветь на всю глотку, только бы его не взяли».

Во время еще одной из вечерних посиделок в Черемушкине девушки привычно перемывают косточки знакомым и незнакомым жительницам города. Никто не останется без внимания и оценки! В особенности не останутся без них те, кто тратит деньги своих воюющих мужей на машины и украшения. Такие поступки вызывают особое осуждение собравшихся: как деньги могут быть дороже человека? «Я сама себе куплю эти сережки, — возмущается Алена, — и сережки будут, и мужик у меня рядом со мной, блять, будет!» «Я своего мужика никогда бы в жизни не отправила бы на верную смерть!» — уверена она.

В по-летнему теплый осенний день фрилансер Дмитрий прогуливается по краснодарскому парку и рассказывает своей собеседнице, что война не повлияла на город. «Нас не бомбят, и “Вагнер” к нам не заходил». Но вдруг он приглушает голос и признается: из-за войны его будущее окутано туманом и поэтому «стало нервненько, скажем так».

Во время нашей полевой работы в российских регионах война, внешне почти незаметная, постоянно напоминала о себе самым неожиданным образом — как будто сопротивляясь тому самому опривычиванию, о котором шла речь в разделе выше.

Так, война напрямую влияет на эмоциональное состояние людей. Многие наши собеседники признаются, что испытывают тревогу, напряжение, неуверенность, страх, — даже если о них не принято говорить открыто. Уход на войну сыновей и мужей заставляет женщин «реветь во всю глотку». Люди, однако, редко делятся такими эмоциями с другими, а если и делятся, то делают это в узких дружеских компаниях. Поэтому такие эмоции редко попадают в публичное пространство.

Несмотря на то, что гибель близких на фронте чаще всего оплакивается внутри узких групп (семей, дружеских компаний), в некоторых случаях она все-таки оказывается встряской для всего сообщества, особенно в небольших населенных пунктах (вспомним смерть школьного учителя в Черемушкине). Более того, начиная переживать о судьбе *своих* близких, некоторые россияне постепенно распространяют понятие «свои» на одноклассников или коллег по работе, жителей того же города или села, жителей того же региона. Все это означает, что в отдельных случаях личное горе может становиться коллективным горем, вызывать сильные коллективные эмоции. Движение жен мобилизованных, их способность объединиться друг с другом и разделить горе — хороший тому пример.

Оправдывающие войну россияне не хотят говорить о войне, не мыслят ее как преступную и защищают действия России, если кто-то ставит их под вопрос. Одновременно в неформальных разговорах друг с другом они обсуждают влияние войны на их жизни по большей части в негативном ключе. С особым возмущением они критикуют войну с моральной точки зрения, утверждая, например, что «жизнь дороже денег», или что войны разрушают семьи, имея в виду как семьи своих соотечественников, так и жителей Украины. Иногда такая критика даже заставляет их сомневаться в осмысленности действий российского государства («ради чего ведется эта война?»).

Война многократно увеличивает неопределенность будущего в глазах россиян. Важно, что об усилившемся чувстве неопределенности говорят и убежденные противники войны, и оправдывающие войну аполитичные россияне без четкой позиции, и даже ее уверенные сторонники. Ощущение неопределенности — вот что по-настоящему объединяет россиян сегодня. Несмотря на то, что люди вырабатывают разные стратегии для того, чтобы справляться с этим чувством, оно все равно значительно затрудняет возможность планирования своей жизни и ввергает россиян (в особенности, конечно, противников войны, но не только их) в уныние. При этом государство и, главное, Путин, которые раньше были оплотом определенности («Путин знает, что делает»), все больше кажутся нашим собеседниками теми, кто вносит хаос и неопределенность в их жизни.

Наконец, несмотря на то, что и убежденные противники вторжения постепенно встраиваются в новую реальность и стараются жить нормальной жизнью, не думая ежесекундно о войне, это процесс идет для них медленно, иногда — через их же сопротивление. Противники войны стараются не забывать, что война — это преступление и варварство: именно так они говорят о «спецоперации» и в интервью, и в неформальных разговорах с исследователями. Солидаризация с оправдывающими войну соотечественниками не мешает им сохранять это внутреннее убеждение. Более того, некоторые убежденные противники войны, как и некоторые ее убежденные сторонники, стараются преодолеть чувство дискомфорта от потребления политических новостей и следить за повесткой, несмотря на невозможность на нее повлиять.

Что все это значит?

Итак, российское общество военного времени с трудом назовешь мобилизованным и идеологизированным обществом с милитаристскими чертами. Желание россиян жить нормальной жизнью вне политики (и, соответственно, вне идеологической поддержки войны) со временем становится только сильнее. Одновременно представление о российском обществе как о цинично-апатичном тоже неверно: война делает будущее большинства россиян неопределенным, заставляет людей переживать сильные (в основном негативные) эмоции и критиковать происходящее с моральной точки зрения. Для противников вторжения война является моральным преступлением против Украины, тогда как для аполитичных россиян война разрушает «моральные устои» российского общества — целостность семьи или ценность человеческой жизни. Однако поскольку россияне, за редкими исключениями, остаются со своими переживани-

ями один на один, пытаются справиться с ними, вытеснить их на периферию — эти переживания часто остаются незамеченными внешним наблюдателем.

Вопреки популярному стереотипу о зомбировании большинства россиян прогосударственными СМИ, многие из них так по-настоящему и не присваивают основные объяснения войны Кремлем; продолжают не понимать цели «спецоперации», сопротивляются (пусть и не осознанно) попыткам власти индоктринировать общество. Тем не менее аполитичные россияне продолжают оправдывать войну (если перед ними в принципе поставить такой вопрос), а некоторые ее убежденные противники перестают бороться и принимают новую реальность такой, какая она есть. Одновременно, чем глубже мы проникаем внутрь разнообразных неформальных сообществ и дружеских сред, тем больше мы замечаем, что война встряхнула жизни многих, заставив их жить в состоянии неопределенности и напряжения. Поэтому даже в целом оправдывающие войну россияне все больше критикуют так называемую «спецоперацию», просто эта критика не превращает их в противников войны, почти не становится политической, а главное — все еще остается частной, а не публичной.

Война опривычивается и одновременно сопротивляется опривычиванию: мы имеем дело с двумя *разнонаправленными* тенденциями, которые в то же время могут *усиливать* друг друга. Это означает, что все новые негативные последствия войны заставляют некоторых россиян *еще усерднее* вытеснять ее на периферию своей повседневной жизни. Будущее становится все более неопределенным — люди меняют стратегии планирования; новые знакомые гибнут на фронте — люди учатся смиряться; дроны все чаще падают за углом — люди убеждают себя в том, что это происходит везде. Одновременно, благодаря такому вытеснению, россияне сопротивляются усилиям Кремля заставить общество поверить в благородность и осмысленность вторжения в Украину. Зачем нужна эта война и ради чего она ведется, понимают, кажется, все меньше жителей России.

**лаборатория
публичной
социологии**